Сергей ФОКИН

АДСКИЕ ВРАТА

@ЭЛИТА

16+

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Прошло пять лет после того, как мать кузнеца Степанида вместе со снохой Оксаной изгнали неудачливого чёрта из села. К тому времени родились у молодых дети — мальчик Алёша и девочка Настенька. И получились они ой какие непростые! Мог Алеша взглядом любой металл, будто пластилин, лепить — отцу в помощники готовился! Настенька же читала на таких языках, о которых, на Земле уже и забыли, наверно.

Только вот не жилось чёрту спокойно в своей преисподней. Показалось обидным ему чистить клозеты у кредиторов. Месть задумал — кузнеца со света сжить. Не остановила его даже мысль, что бабы-то у Николы тоже все как одна особенные. Их силушку своей хитростью превозмочь решил. План вынашивал все эти годы, и потом осуществил его в одночасье, как по нотам. А, совершив пакость, нанёс чёрт кузнецу последний удар ниже пояса — похитил любимых детей, без которых тот уже и жизни не мыслил.

Лишённому бабьей поддержки, впасть бы Николе в отчаяние. Только ответственность за детей всё-таки сильнее оказалась, и пришлось ему, рискуя жизнью, искать ту единственную ниточку, которая вела к воротам в ад…

- Сергей Фокин
  - Вступление
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18

- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29

Сергей Фокин
АДСКИЕ ВРАТА

Вступление

Скрипя несмазанными колёсами телег, страна понемногу поднимала голову. Если вспомнить ужасы, происходившие всего-то шесть-семь лет назад, тошно становилось простому человеку. Потому как он всегда был и оставался главной потерпевшей стороной. И кровушки его пролилось немалое количество, и костей рассыпалось по земле русской столько, что хватило бы на десяток монгольских нашествий.

А никакого нашествия и в помине не было. Просто при очередной смене президента проявились из тени те, кто захотел то ли восстановить справедливость, то ли задушить её окончательно. Теперь уже не вспомнить точно, а историков, наблюдавших во все глаза за развитием событий, не осталось. Жили они в больших городах, которые сами исчезли в дыму и пламени революции, будто их не было. Понятно, не в одночасье. Вначале дымили, и вонь распространяли по окрестности невыносимую. Горели не только дома и трупы — ещё и заводы, нефтехранилища, техника… Последними стали взрываться газовые станции. Электричество продолжали исправно давать ГЭС, но лишь до тех пор, пока возбуждённый войной народ до них не добрался. Разлились реки, сметая на своём пути не на месте выросшие деревни и мелкие городки. Много людей тогда уплыло в море, никто не считал, сколько.

Оставшись без нефти и газа, бросился народ делить то, что уцелело по сусекам. Резня длилась недолго: после полномасштабных военных действий в предыдущие годы биться за ресурсы было почти некому. Те, кто поумнее, сразу потянулись к земле. А остальные просто вымерли со временем — от холода и голода. Да и болезни разгулялись при полном отсутствии медицины.

Тогда стала приходить в себя Россия. Многое на своём веку она повидала, не впервой было восстанавливаться из пепла.

А на фоне возникшего затишья всё смелее показывала свою личину выбравшаяся из берлог нечисть.

1

Никола бросил на скамью рабочие рукавицы, прожжённые в нескольких местах, и выкованную железяку. Сегодня он славно помахал молотком; жаль, что младший брат жены в отъезде на неделю — получилось бы раза в три быстрее.

Пять лет миновало, как сошлись они с Оксаной, много с тех пор воды утекло. Пожили и с матерью кузнеца — Степанидой Ивановной, и у родителей жены, чтобы тем обидно не было. Хорошо их встречали в обоих домах. Удивительно, но Оксана оказалась примерной снохой. Никакого разлада у них со Степанидой Ивановной не случалось. Норовистой была девка до свадьбы, все просто диву давались такой перемене! А известно, что и мать кузнеца за словом в карман не лезла, и женщиной слыла образованной. Как тут не поругаться, не поделить чего-нибудь? Однако нашли общий язык.

Да и Никола не смотри, что тюфяк — общался с новой родней, будто знал её всю жизнь. И помогать никогда не отказывался, и подарки при случае делал. Тестю, вон, выковал настоящую саблю. Конечно, по нынешним временам вещь не сказать чтобы нужная, но чем чёрт не шутит, когда Бог спит! А дед, надо сказать, ещё и мечтал всю жизнь казаком стать. У него родня в Запорожье жила, так он с подарком день и ночь не расставался, клал под подушку, пока однажды руку не порезал во сне. После поостыл немного, но мастерство зятя оценил высоко.

— Острая, шельма! — Говорил и ногтем трогал лезвие. Так, мол, в старину перед боем воины проверяли готовность оружия.

Между тем семейство молодых пополнилось мальчиком Алёшенькой, и пришло время кузнецу думать о новом доме.

Как положено, в этих случаях народ на селе вопросы решал сообща. Александр Иванович, местный староста, несколько раз выделял лошадь и тягач, имеющиеся у него в хозяйстве, чтобы привезти из леса брёвна. Сам Никола был мастер хоть куда, только в компании-то работается сподручнее. Приходили мужики, стучали топорами, и не прошло двух месяцев, как дом уже стоял под крышей, оставалось только порядок внутри навести. Тут уж постарались женщины. Степанида Ивановна ездила в город к своему родственнику и привезла оттуда обои для детской комнаты — невиданную роскошь, потому что уже много лет никто в стране их не производил: не работали не только обойные фабрики, но и бумажные комбинаты.

Прикупить и расставить мебель — на это ушёл ещё месяц. А наводила уют Оксана уже после того, как справили новоселье.

Праздник был для всей деревни, потому что многие принимали участие в строительстве.

Разложить подаренную на свадьбу посуду, повесить ходики, картину, намалёванную небрежными мазками — всё это доставляет хозяйке радость: вещи-то свои, с ними теперь жить.

Ещё одно обстоятельство удивило некоторых сельских кумушек. Предсказывали они, что не выдержит кузнец долго такой жены — бойкой, острой на язычок, привыкшей вертеть ухажёрами да насмехаться над ними. Мол, придётся ему либо стать подкаблучником, либо повеситься на первом попавшемся суку. Только вышло всё не так. Конечно, правды никто не знал, но поговаривал народ, что пыталась Оксана в силу своего характера подмять мужа под себя, стать главною в доме. Только после нескольких стычек намотал однажды кузнец на руку её длинную косу и прошёлся жене пониже спины ремнём от упряжи. Вроде как и руку не поднял, и провёл воспитательную работу. Красные следы на ляжках якобы видела одна из старых Оксаниных подружек. Растрезвонила по всей округе, девки с сочувствием своим глупым пришли, а Оксана встала перед ними гордо, задрала юбку, и сказала, как отрезала:

— Смотрите! Пусть что хочет со мной, то и делает. Потому как он муж мне.

У девок глаза на лоб полезли. Нет, не изменилась их подружка, просто поняла, что мужик для неё — авторитет. Ей завидовать нужно, а не жалеть.

Спустя некоторое время соорудил Никола ещё сарай себе под кузницу, и перетащил оборудование от матери. Теперь можно было работать, не выходя из дома. За огородом сделал бурты для томления дров и приготовления древесного угля, и дело пошло на лад.

Оксана успела только окончить школу, учиться дальше не позволила революция. Но для ведения бабьих дел требовались не специальные знания из учебных заведений, а смекалка да расчётливость. Мало кто знал, что Степанида Ивановна понемногу вспоминала своё бухгалтерское прошлое и главные понятия внушала снохе. У той и сбережения завелись, и хозяйство делалось год от года только крепче.

Вскоре народилась у кузнеца с Оксаной ещё и дочка Настенька. На удивление умные и способные оказались дети. Как-то баловались они с Николой за столом старыми монетами, и отец насмешливо на глазах у Алешки одной рукой смял пополам пятак, вдавив его большим пальцем между двумя другими. Дитя, которому не исполнилось ещё и трёх лет, нахмурил брови и засопел натужено. Подумал кузнец, что сердится сынок, а вышло

так, что монета на его глазах распрямилась и загнулась уже в обратную сторону.

Поразился Никола сильно, жену позвал, и дали они мальцу ложку из нержавеющей стали. Что тот с ней только не выделывал! И узлом завязывал, и в рулончик закатывал — точно с фольгой алюминиевой игрался. Без всякого прикосновения рук, одним взглядом! А вот когда попросил его отец вернуть ложке прежний вид, не сумел. Оказалось, до кузнечного пресса ему ещё далеко. Что называется, ломать — не строить. За что и получил хороший нагоняй от родителей — впрок, чтобы соизмерял свои способности с возможностями.

Чуть попозже, когда Алёша немного вошёл в разум, стал привлекать его кузнец к своему делу — поначалу тайно, а потом и явно, потому что такие вещи всё равно познаются людьми. Случилась как-то летом гроза, и в одном из домов молнией разнесло железную трубу, которая служила на крыше громоотводом. Возникший пожар быстро затушили, а вот трубу спустили на землю и озадаченно осматривали несколько мужиков. Жаль такую вещь после растерзания стихии на помойку нести. Железо дорого, почитай, как продукты. На зерно килограмм на килограмм обменять можно.

— Может, Николе отдать, исправит чего? — почесав затылок, спросил хозяин.

Тут крутившийся рядом Алёшка и показал своё умение. Труба, натужно заскрипев, стала выправляться, её рваная и оплавленная рана — затягиваться, и вскоре железка сделалась как новая. Мужики рты пооткрывали, а закрыли только тогда, когда в присутствии отца мальчишка показал им фокусы с ложкой.

— Циркач! — сказал кто-то уважительно, и за семейством кузнеца закрепилась ещё большая слава специалистов по металлам.

Что касается Настеньки, тут другая история. Кто её сподобил, неизвестно, только заговорила она в восемь месяцев и сразу на трёх языках. Причём никогда не мешала слова из них: если уж начала выражать недовольство на русском, так и продолжала, пока ей мать не нахлопает. Воспитывали, надо заметить, своих детей молодые в строгости и уважении к старшим.

То, что овладела она без всякого обучения двумя-тремя языками, говорило о врождённом уме девочки. Отец Савелий, местный священник, сказал, что, похоже, языки не современные, а древние. В доказательство неоднократно показывал народу добытые им разными путями старинные церковные книги, написанные на древнееврейском, греческом и древнеармянском.

Самое удивительное, что научившись читать в два с половиной года, Настенька перевела все эти книги, и оказалось в них так много непонятного простому православному служителю церкви, что отец Савелий строго-настрого запретил девочке говорить кому-либо об этих чтениях, а продолжал интерпретировать содержание книг так, как ему было удобно.

Однажды Оксана оставила на столе записку с накарябанными словами. Прочитать-то их Настенька смогла, а вот разобрать, о чём они, у неё не получилось. Зато на кухне чуть не вышел пожар — ладно, родители недалеко были, успели затушить. Оказалось, Степанида Ивановна снохе заговор на разжигание печи собственного изобретения дала. Спички ведь тоже в цене стали, хотя, поговаривали люди, где-то под Кировом заводик по их производству был восстановлен после революции и исправно работал. Тем не менее обе хозяйки пользовались открытыми в себе способностями, не заморачиваясь на коробках.

После инцидента собрались как-то на кухне Оксана со Степанидой Ивановной, и, посовещавшись, пришли к выводу, что далеко не простая у них народилась девчушка. Сила в ней кипела великая, только пока не определившаяся с направлением. И договорились они до поры до времени Настеньку от разных чудес оградить — во избежание несчастных случаев. А тем временем внушать ей правильное понимание происходящего — чтобы не стало неожиданностью, когда проснутся в ней колдовские способности в полной мере.

Кузнец особо не вдавался в бабьи вопросы. Его дело было воспитание супруги, и справлялся он с ним неплохо. А уж учить уму-разуму детей — это, как водилось на Руси, было делом женским. Что, впрочем, не исключало вмешательства и отца, если требовали обстоятельства. Но обычно родитель учил собственным примером — в первую очередь, отношением к работе.

В тот день, когда началась эта история, Никола вернулся из кузницы довольный собой и направился на кухню смыть с лица копоть.

Уже смеркалось, тёплый июньский день заканчивался, в небе появилась первая звезда. Комары затянули свою занудливую песню. Детишки играли в куче песка во дворе. Оксана то ли пошла к соседям, то ли вышивала в соседней комнате — её слышно не было.

Утираясь полотенцем, глянул Никола во двор — и обмер. То, что он увидел, ни в какие ворота не лезло. Возле кучи песка, в которой возились Алёша с Настенькой, стоял он сам, и, улыбаясь во весь рот, что-то говорил и подзывал малышей к себе.

Простояв в замешательстве несколько секунд, почувствовал

кузнец неладное. Не могло ему такое примерещиться. Он даже глаза протёр для верности. Морок не пропадал, наоборот, взяв детей за руки, повёл куда-то в дальний конец двора.

Тут уж Никола очнулся. Рванулся к двери, подхватив палку, на которой сынок вечерами скакал вместо лошадки. Выскочил во двор — и снова замер, как будто к месту пригвождённый.

Ухоженный двор был, места на нём хоть отбавляй. И детишкам порезвиться есть где, и приладиться с хозяйством, если что потребуется. Возле калитки, ведущий в огород, там, где всегда куча песка лежала для печных работ, горел кровавым зёвом разлом в земле. И бил из него в темнеющее небо дрожащий огненный луч — будто огонь в печи мечется. Похоже, так оно и было, потому что края ямы дымились от жара: земля горела, и плавился песок, превращаясь в стекляшки бесформенные.

А возле трещины стоял уже не он сам, а чёрт, держащий под мышками ревущих в полный голос ребят. Старый знакомый, с которым у кузнеца имелись свои счёты! Правда, было время, выплатил он по ним полную меру, да видно, не доложил полушку. Не успокоился нечистый, опять за своё взялся.

Дети снова в рёв дались, Настенька даже ногами засучила, будто в истерике!

— Стой! — закричал Никола, не подумав, что выдаст тем самым своё присутствие. Да, похоже, чёрту только того и надо было. Оглянулся он, встал спиной к разлому — гордый, уверенный в своей власти, и с гадкой ухмылкой произнёс:

— Говорил я тебе, кузнец, что не поможет тебе твоя силушка. Пришло время расплаты. Вспомни, как ты обошёлся со мной в прошлый раз!

— Детей оставь, нехристь! Давай сойдёмся в честном бою, — прорычал Никита, отчетливо понимая, что никто его слушать не собирается.

— Можешь называть меня чёрной душонкой, злыднем, нехристем — мне только приятнее. Почему я должен любить тебя и твоих детушек? Это вы, люди, придумали мораль и остальную чепуху. — Чёрт встряхнул свою добычу, потому что, услышав голос отца, ребята перестали плакать. — А честный бой придуман дураками.

— Что же ты на беззащитных-то позарился? Почему не с меня начал? — Говоря так, Никола попытался сделать неприметный шаг вперёд, но чёрт его поспешно оборвал:

— Стой там, кузнец! Знаю я твои штучки… С детишек начал, потому что так больнее будет. Что мне твои раны и царапины? Вот когда душа закровоточит — другое дело. Но ты ещё не всё знаешь. Много сюрпризов я приготовил нынче. Вспомнишь меня!

Только не найти тебе ключей от преисподней, сколь ни старайся.

Зарычал тогда не своим голосом Никола и кинулся к разлому. Однако чёрт оказался сноровистее. Развернулся — да прыгнул в огонь. Правда, успел вослед запустить кузнец палкой — угодил нечистому между лопаток. Но визг донёсся уже снизу, затухая, потому как вслед за их исчезновением принялась трещина затягиваться, и через несколько мгновений осталось на её месте только выжженная трава.

Подбежал Никола, задыхаясь от гнева — а пришлось пустое место ощупать. И забурлило в душе кузнеца желание схватить лопату и начать копать, копать до самого ада, а потом тем же инструментом произвести среди бесов самосуд. Только подумал он секунду и понял, что не всё так просто, как хотелось ему видеть. Не добраться до преисподней с помощью лопаты, маши он ею хоть до самого рассвета. Это только видимость одна, что рядом чёртово царство. На деле же заколочено оно сотней колдовских уловок, тысячами ловушек и миллионами трудностей да опасностей. Впрочем, сейчас кузнеца опасности да трудности не пугали. А вот что касается уловок волшебных… Тут он был не мастак.

И разом вспомнил Никола о жене. Вот кто может что-нибудь подсказать! Недаром в бытность свою летала она в районный центр на метле. Чудо, конечно, из разряда не поддающихся здравому объяснению, но раз случилось такое, значит, не всё известно кузнецу, что Оксана может. По своей недоверчивой натуре не спрашивал он подробности той ночи, потому как всё равно сомневался бы в правдивости девушки — уж больно о вещах она намекала невероятных. Да сейчас, похоже, обычными вещами и не обойтись.

Поднялся Никола с колен, отряхнулся и поспешил в дом. Жена-то ведь ещё ничего не знает о несчастье.

— Оксана! — позвал громко, едва зайдя на порог, только не ответил ему никто. «К матери, что ли, ушла? — подумал кузнец. — Обычно предупреждала, и детей с собой брала…» Тревожно стало у него на сердце, беду оно почувствовало.

Открыл дверь второй комнаты — и точно: хозяйка на полу лежит. Руки в разные стороны раскинула, заплетённая коса поперек туловища покоится, а ноги согнуты, будто подломились от тяжёлой ноши.

Не помня себя, рванулся Никола к жене, подхватил под спину и прижался ухом к груди. Тук-тук, тук-тук… Бьётся сердце, значит, жива! Слава Богу!

— Оксанушка, что с тобой? — произнёс нежно, хотя пробивалась через голос дрожь: а вдруг случилось что-то

непоправимое?

Девушка даже глаз не открыла. Лежит красивая, как пять лет назад — словно не повзрослела нисколько. Фигура точёная, как и прежде, лицом не поправилась… Разве что грудь немного увеличилась после кормления, так для любого мужика это только за радость.

Позвал кузнец по имени ещё раз, и опять без результата. Что за чертовщина? И кольнуло в мозгу воспоминание: «Но ты не всё знаешь. Много сюрпризов я приготовил нынче. Вспомнишь меня!» Неужели и это его проделки?

Туманным от горя взглядом осмотрел Никола комнату, и увидел вдруг красное яблоко, закатившееся под кровать. Полез за ним, достал — надкушено оно.

Откуда могло здесь взяться в начале лета? Прошлогодние запасы давно поели, либо засушили, чтобы добру не пропасть. А это свеженькое лежит, будто только с дерева сорвано. Прозрачное, разве что зёрнышки не видно. Сразу мысль мелькнула: вкусное, наверно, по-другому и быть не может.

Никола даже рот открыл, чтобы в задумчивости откусить да распробовать, только вовремя себя остановил. Вот, значит, под какой личиной беда в дом пришла! Не иначе, заговорённое яблоко-то. Поэтому и отведать его захотелось, и аромат одуряющий оно испускает, как может только свежая антоновка в погребе пахнуть.

Застыл кузнец на минуту, поразмыслил, потом поднял аккуратно жену, донёс до кровати и положил прямо поверх покрывала. Похоже, сейчас он ей ничем помочь не сумеет, потому как в волшебстве не силён. Нужно идти к матери. Она много чего повидала в жизни, авось, подскажет, в какую сторону двигаться.

Поцеловал Оксану в губы, почувствовал — тёплые, живые. Дыхание ровное. А когда прикоснулся к лицу — вздохнула будто. Живая, но спит беспробудным сном.

— Прости, — сказал, склонив голову. — Полежи пока. Детей нужно спасать.

Открыл заслонку печи — и бросил яблоко в остывающие уже угли. Раздалось громкое шипение, будто наступил ногой на змею подколодную. Передёрнуло Николу от этого, решительности прибавило. Отправился он к матери.

Степанида Ивановна, мать кузнеца, в бытность свою работала бухгалтером в одной из фирм, промышляющих перепродажей товаров из-за бугра. Своего-то в стране почти не производилось, торговые связи к Китаю тянулись уже не ниточками, а толстенными канатами. По одному из них закупала фирма продукцию первой необходимости — подгузники, памперсы,

гигиенические прокладки и шампуни против перхоти. Изготавливалось всё это на востоке дедовскими методами — памперсы склеивались ПВА или прошивались степлерами, шампунь мешалась в корыте с разными красителями, а потом разливалась через воронку по флаконам с символикой раскрученных брендов. Но поскольку китайцев было много, и всех нужно было чем-то занимать, то, навалившись гуртом, давали они производительность, в десятки раз превышающую скорость любой европейской линии по разливу подобной химии. Раскупалось всё не сказать, чтобы влёт: конкуренция в лице соседей-перепродавцов то жалила, то на хвост наступала, но, тем не менее, все жили припеваючи. Хозяин фирмы позволял себе раз в год менять «лексусы» на «ягуары» и обратно, главный бухгалтер ездил по разным странам и потом брезгливо говорил, как там прозябают капиталисты, а подневольный народ потихонечку копил деньги на приусадебные участки за городом. У всех были мечты на пенсии сажать морковку и лук.

Во время одной из предреволюционных забастовок угораздило Степаниду Ивановну подставить голову под падающий транспарант, и лишилась она памяти — стала будто Будда: глазами хлопала, а мыслей в голову не допускала. По той причине, что думать сделалось не о чем: забылось всё, что с нею прежде происходило. Начала она, таким образом, жизнь с чистого листа. И — удивительное дело! — обнаружила у себя на фоне пропавшего багажа знаний новые способности. Стала своего рода экстрасенсом, а по-старому, ведьмой. Летать на метле научилась, управлять вещами на расстоянии, составлять рецепты разных отваров и снадобий. Жизнь женщины заиграла разными, доселе неведомыми, красками, и не сказать, чтобы ей это не понравилось. А потом, к слову, и память начала понемногу возвращаться. Но к тому времени они с сыном уже перебрались из города в село.

Надо заметить, что за прошедшие после первой истории годы Степанида Ивановна не только не постарела, а даже похорошела. Объяснить это можно по-разному. Кто-то говорил: с внуками нянчится почти каждый день, а ей это за радость — вот и молодеет. Другие махали рукой и, наоборот, утверждали с видом знатоков: «А что ей стареть? Одна живёт баба, для себя. И с хозяйством не переломится, и забот особых не знает…» Отчасти правы были и те, и другие. Только имелись ещё причины, из-за которых чувствовала себя Степанида Ивановна замечательно. Регулярно, раз в год, варила она молодильный отвар. Рецепты, как водится, возникали в её голове сами, по первому требованию. Лишь подыскивать ингредиенты порой бывало сложновато.

Помимо трав загадочных приходилось ещё ловить пауков, сдирать с их спины хитиновую пластину с изображением креста, искать тритонов, извлекать у земноводных органы, добывать змеиный яд в строго определённые дни месяца. И много другого неприятного… Ну, да чего не сделаешь ради красоты. И, опять же, периодическое общение с Лешим чего стоило! Этот медведь заставлял её снова почувствовать себя желанной, разжигал огонь в душе. А что ещё нужно женщине для тонуса?

Мужики в селе на фоне повсеместно развивающейся депрессии тянулись к ней, как мухи на мёд. Наверно, имелись среди них и достойные люди — вдовцы, например, и работящие, только не торопилась Степанида Ивановна себя обязательствами связывать. Принимала гостей, самогоночкой потчевала, иной раз спать укладывала, чем приводила их в неописуемый восторг, потому как баба она была, что называется, знойная. Но серьёзных отношений не прививала.

Никола знал свою мать, и её одиночество воспринимал как жертву внукам.

Между тем имела Степанида Ивановна привычку раз в месяц на денёк-другой отправляться в город к двоюродному брату, и злые языки утверждали, что есть-таки у неё в районном центре любовник. Только кузнец от таких слухов досадливо отмахивался. Да и не его, в сущности, было дело.

Дверь в дом оказалась открыта, но в кухне и комнатах матери не оказалось. Заглянув на огород, в баню и сарай, Никола, расстроенный донельзя, снова зашёл попить воды. Обычно, отлучаясь надолго, Степанида Ивановна навешивала на двери маленький замок — больше для видимости, чем для защиты от воров. Сейчас тот лежал на полке у входа…

И тут на столе заметил он записку. Взял, чтобы прочитать… Почерк принадлежал матери — ровный, уверенный, наработанный годами офисного труда.

«Коля. Я отлучусь на несколько дней. Извини, что без предупреждения. Так вышло. Не скучайте. Мама».

Будто гром под потолком грянул, отозвавшись в голове звоном. Всё, конец. Остался он один, никто теперь не поможет. Чёрт постарался на славу!

Выдохнул Никола, и понемногу отчаяние стало проникать в его сердце.

2

План мести чёрт вынашивал не год, и не два. Это по земным меркам прошло всего пять лет с тех пор, как «уволили» его с рабочего места Степанида Ивановна с Оксаной. Применив, надо сказать, оружие нелогичное и нетипичное. Что называется, бабье. Но подействовало оно на все сто процентов. Поскольку оказался чёрт особью противоположного пола, к тому же нечистью, на которых и было направлено заклинание двух ведьм.

По меркам же преисподней, где за вредность молока не платили, надбавку к пенсии не давали, тянулось время заключения, будто срок каторжанина. При том, что находился чёрт у себя дома, и мог бы расслабиться по полной. Но, если в кармане нет ни гроша, а за душою одни долги, не до веселья.

Словом, встрепенулись и наехали на него кредиторы. Комитет по выделению волшебства сверх возможностей требовал спустить с должника шкуру, а бывшие товарищи, которые под те же проценты ссужали деньгами, взяли его в рабство. И все годы он за харчи отрабатывал то, что брал с лёгкостью, а вернуть в срок не сподобился.

Это было так унизительно, что, оставаясь один и мучаясь болью в пояснице и суставах, скрипел чёрт зубами, когда представлял себе Николу и его семью. Днём же приходилось выполнять самую грязную работу — выгребать золу из кострищ, драить отхожие места, прочищать дымоходы, отмывать котлы со сковородами после того, как закончатся пиры. Всё это время питаясь объедками с чужих столов, исхудал чёрт. Только глаза его год от года приобретали всё более зловещий блеск. И характер тоже изменился. По крайней мере, не думал он больше раболепствовать перед красотой Оксаны, смелости набрался. Мечтал — встречу, мало ей не покажется, стерве!

Конечно, тянула нечистого к себе девка. Справная, не худая, не жилистая. Но как она с ним поступила — за то не было ей никакого прощения.

Потому и в план мести включил он пунктик, по которому и на долю Оксаны выпадала бы своя печаль.

Едва отработал он последний долг, клятвенно пообещав себе больше не связываться с кредитами, как в тот же день выбрался на землю и хорошенько осмотрелся. И то, что увидел, одновременно огорчило его и обрадовало.

Задавшись целью погубить Николу и подгадить его родне, первым делом прознал он, как они теперь живут. И весьма расстроился, узнав, что покорилась Оксана кузнецу, сделалась

послушной и любящей женой. И дети у них здоровы, и хозяйство крепкое, и золотишко в укромном месте откладывается регулярно… Впору бы пуще прежнего зубами заскрипеть, а вместо этого затрясся нечистый от радости, даже руки потирать стал, пока не разогрел их до дыма. Ведь чем лучше живётся людям сейчас, тем горшими для них станут потери. Понятно, что укради он золото, спали сеновал и даже дом — это настоящим горем Никола не назовёт. С такими руками заработать новый слиток для него ничего не стоит. Тем более, что слава кузнеца разнеслась по всем окрестным деревням. Люди к нему очередь занимали. А на золото дом снова отстроить можно.

А вот потеря жены и детей — это статья особая. С первого взгляда определил чёрт — любит Никола всех их больше жизни. Коли так — есть реальный шанс одновременно выполнить обе части плана.

Губить детей в аду не приветствовалось. Что с них взять? Грехов не накопили, вероятность того, что Высший суд определит им наказание, ничтожно мала. А вот украсть, заставив кузнеца позеленеть от злости и натворить кучу глупостей — это в самый раз. Оставалось опасение, что придут ему на помощь ведьмы из родни. Только одна ещё слаба как колдунья, хотя и её со счетов сбрасывать нельзя (материнский инстинкт всякого натворить может!), а вторая — знатная мастерица — своё слабое место имела.

И решил тогда чёрт первые удары нанести именно по женщинам. Они хитрые, изворотливые — не ровен час, найдут на него управу. Только сильнее тот, кто держит в своих руках ниточки от происходящего, и кого не разглядеть за тёмной ширмой.

Посему, вооружившись ядовитыми мечтами, отправился нечистый прямиком к Кикиморе.

Странная она была баба, противоречивая. Этакий собирательный образ всевозможных злодеев, при этом с весьма обманчивой внешностью. Представлялась она всегда по-разному, в зависимости от того, кого в гости принимала. Причём догадывалась о визите задолго до него, иной раз успевала, если в настроении была, и на стол накрыть.

Сколько лет Кикиморе, никто не знал. Когда-то встарь, ещё по молодости, жила она с Лешим, вела его хозяйство и считала себя лесной. Но, видно, обходился с ней муженёк не всегда по-доброму, поэтому с возрастом становилась Кикимора всё сварливее и нетерпимее. А может, как обычный человек, дал Леший слабину бабе, а та и рада стараться. История об этом умалчивает. Только однажды то ли выгнал он её из дому, то ли

сама подалась на болото — да так и обосновалась там.

Леший-то для себя деревенских девок воровать начал, поэтому больше человеческого сохранил. А подруга его бывшая, по этой же причине, осерчала на людей. На дух их не переносила. И если забредали они в болото, назад уже не возвращались. Могла она использовать мужиков, обернувшись красавицей (для неё это было пустяковым делом), а потом съедала растомленных и обессиленных; иногда сразу заводила в трясину и пополняла свою коллекцию утопленников.

В её дела даже Леший особо не лез. Конечно, связь они со временем наладили, только женщины ведь стареют быстрее — после молодухи возвращаться к старой жене вряд ли надумаешь. А надобно ещё сказать — не в укор, а по совести: настоящий вид Кикиморы стал очень отталкивающим. Покажи её младенцу — имелся риск, что будет дитя заикой. И сделать с такой внешностью ничего не получалось. Волшебство в этом случае не работало во избежание нарушения вселенских законов, а пластические хирурги почему-то в болото забираться не торопились.

Одно обстоятельство Кикимору успокаивало: могла обернуться она на время хоть девочкой десятилетней. И активно пользовалась этим, когда людей губила.

Лучшего помощника в деле мщения чёрту вряд ли было сыскать. Особо наряжаться он не стал, помня, как попал однажды впросак с настроением хозяйки. Обернулся он тогда щёголем да приволок букет чуть ли не из магазина, а встретила его старая карга, которая к тому же была не в духе. Цветы пришлось срочно бросать в трясину, чтобы не позориться.

В этот раз всё вышло иначе. Кикимора предстала его взгляду сочной моложавой женщиной, чем-то напоминающей Степаниду Ивановну, и приветливо пригласила в дом. Сарафан одела самотканый, каких даже в тяжёлое время народ не производил — забыл, как это делается. Поверх накинула кофточку с затейливым рисунком — ни дать ни взять деревенская модница.

Жила она в самом центре болота — там, где человеку делать просто нечего, только смерть искать. Изба стояла на четырёх сваях в обхват толщиной, вбитых в самое дно — а до него, почитай, пешком идти полдня. Шутка у хозяйки такая имелась. Если серьёзно, проверить её слова никто не мог: опускалась туда одна Кикимора — чтобы пообщаться со своими любимчиками. И в последние десятилетия делала это всё чаще. Утопленники, потерявшие всякую связь с землей, были рады и такому развлечению. Это вам не на тёплом кладбище лежать, где каждый червяк тебе друг, товарищ и брат. Раствориться можно от тоски…

Внутри дом ничем не отличался от обычного деревенского. Тут имелось всё, что требовалось в хозяйстве. Даже мебель фабричная стояла. А закупалось это на обычном рынке. Пользуясь способностью к превращениям, старуха могла себе такое позволить. От скуки делала она иногда набеги на окрестные деревни. Угадывала с торговым днём — чего-нибудь покупала и возвращалась домой довольная. Нет — значит, обязательно встретится со своими сестрами двоюродными — домовыми Кикиморами — напьётся самогона и набедокурит. То детей крала, то молоко у коров высасывала, как телёнок — прямо из вымени. В общем, с одной стороны, паскудная была баба. А с другой…

С удовольствием обратив внимание, что на белой скатерти стоят десяток тарелок, наполненных разной снедью, чёрт одёрнул себя: не для того пришел, чтобы утробу набить. Хотя за последние пять лет ему досыта удавалось поесть нечасто.

— Милости прошу к столу! — широко улыбаясь, проговорила хозяйка. — Давненько не захаживал.

— Да и сейчас по делу, исключительно по делу, — скроив строгое лицо и подсаживаясь на лавку, ответил чёрт.

Кикимора извлекла из шкафа литровую бутылку какой-то жидкости, наполнила рюмочки чуть выше половины и сказала со смехом:

— Знаю я твои дела! Опять на кого-нибудь глаз положил?

Нечистый фыркнул, опрокинул самогонку, закусил маринованным белым грибочком, и покачал головой:

— Нет, хозяюшка, теперь всё по-другому! Не до женщин мне нынче.

— Что так? Или хворь замучила? — участливо спросила Кикимора, хитровато сощурив глаза, и предложила: — Могу помочь, если что. Травы и настои имеются.

— Не до того мне. Лелею мечту одну заветную. Уже много лет, как лелею. Скажу даже больше, — чёрт многозначительно поднял указательный палец, — вынашиваю!

— Ого! — Хозяйка сделала круглые глаза и налила ещё по рюмочке — на этот раз до краёв. — Поведай, если не скрываешь чего.

Они выпили разом, так что чёрт даже вздрогнул. Потом, откашлявшись, ответил:

— Скрывать нечего, и так всем позор мой известен. Выгнали меня из села с треском, не помогла даже силовая артиллерия. Это образно, конечно.

— Кто же тебя так, родимого? — участливо потрепав гостя по волосатой щеке, спросила Кикимора. Щёки у неё раскраснелись, и по всему было видно, что получает она от разговора сплошное

удовольствие. Да и то сказать — нечасто нынче выпадает вечерок новостями побаловаться.

— Известно, кто — кузнец Никола со своей женой Оксаной и матерью.

— А! — оживилась хозяйка, снова подливая самогона. — Кажется, я кое-что о них слышала. Знатный, поговаривают, мастер. Может блоху подковать. Да и жинка ему досталась на загляденье. Не в ней ли всё дело, признавайся? — Кикимора даже хохотнула, что заставило чёрта ещё больше насупиться.

— Может, и было такое мнение с моей стороны, — отозвался он слегка обиженно и икнул, — только после того, что они со мной сделали, месть моя будет страшной…

— Вот что, касатик, я тебе скажу… только вначале… — Она опрокинула рюмку и знаком потребовала, чтобы гость не отставал. — Дело ты затеял хорошее. Но, похоже, не с теми связался. Мать-то кузнеца — бой-баба. Пролетала она несколько раз над болотом. Даже поцапались мы с нею из-за одной травки. Не растёт она нигде в округе, только у меня под боком. А кому попало я её не раздаю. Эффекты та травка оказывает в отварах необыкновенные. Не ведаю, откуда Степанида про неё узнала, но… поговорила я с нею — и дала, что она просит.

— Ик!.. Испугалась? — сощурив глаза, предположил чёрт.

— Нет. Зауважала. За знание её, за напористость, за подход.

— Она с твоим мужем живёт! — съязвил нечистый.

— Так ему и надо, стоеросовому! — благодушно отмахнулась Кикимора. Чёрт ожидал не такой реакции. — К тому же он бывший муж! — Она снова усмехнулась и взглянула на него по-особому — да так, что гостю сделалось не по себе. Закрались в его голову первые сомнения насчёт правильности выбора союзника. Похоже, женщине нужно совсем другое.

— Размажут они тебя по своему огороду — без скребка не собрать, — продолжила хозяйка, снова погладив собеседника по щеке, потрепав за бакенбард и плавно перейдя к голове. Зарывшись пятернёй в куцую шевелюру, пробормотала про себя: «Лысеет ведь… Помочь нужно мальчишке…» Потом добралась-таки до рогов, взялась за один и притянула чёрта к себе. Впившись в его губы, смачно поцеловала, оттолкнула, и, вздохнув, снова наполнила рюмки.

— Вот ведь народ пошёл! — произнесла при этом. — Сами не понимают, на что идут. Амбиции глаза туманят. — И скомандовала: — Пей! Ещё по одной — и баста. Не люблю, когда наутро болит голова.

— Что мне…ик!.. посоветуешь? — спросил озадаченный её поведением чёрт.

— Ну, как ты за руль-то теперь сядешь? Оставайся, коли напился до чёртиков. Кстати, это мне достаточно, а ты наливай, сколько влезет. Такого добра не жалко, — ответила она, потом спохватилась: — Да, только не забывай закусывать. Самогон — вещь коварная. Сама гнала.

— Я про Николу! — Чёрт попытался было направить разговор в нужно русло. Опрокинув ещё рюмку, он почувствовал, что наконец-то, расслабился. — В печёнках он у меня сидит… Сжить его со света хочу, понимаешь?.. Нет, ты скажи, ты меня понимаешь?

— Понимаю! — кивнула Кикимора. — Ой, как понимаю! Тебя!

— А эту Оксану положу на одну руку, а другой…

— Дурак! — тотчас отозвалась хозяйка. — Она баба, к ней подход нужен. А ты, как коновал, напрямую прёшь. Вот Никола — тот артист! О, какой артист. Ты думаешь, что на ладони он весь — смотри на него со всех сторон, ничего не скроется? Как бы не так. Есть у него двойное дно. Как у моего болота! — И Кикимора нехорошо усмехнулась. Впрочем, это была не угроза, а только констатация факта.

— Он мужик-лапотник! — скривился в усмешке чёрт. — И я его тоже…ик!

— Лапотник не отхватил бы себе такую кралю! — покачала головой женщина. — И если я тебе не помогу — считай, пропала твоя лысеющая голова.

Нечистый испуганно взглянул на неё, силясь понять: это пьяный разговор, или под сказанным кроется какая-то реальная угроза.

— Жалко мне тебя… по-бабьи, — пояснила Кикимора и поднялась. — Ладно, пошли спать. Завтра дам тебя одну волшебную вещицу. Поможет она вывести из игры Оксану. С матерью сам разбирайся. Не боюсь я её, но и связываться не стану.

Чёрт будто вспотел весь. Значит, посодействует ему хозяйка болота. Не зря, видать, обратился. Плеснул из бутыли уже сам, поздравил себя с победой и спросил, заикаясь — всё-таки плохо закусывал:

— А что… дашь-то?

— Яблочко наливное. Не переживай. Завтра всё и объясню…

3

Бражничали они до следующего полудня. А куда белым днём деваться? Здесь имелось хотя бы укрытие от глаз человеческих, а то пришлось бы чёрту или в преисподнюю возвращаться ни с чем и сносить насмешки соплеменников, или хорониться до темноты у деревенских мужиков на сеновале.

Кикимора оказалась бабой с совестью. Впрочем, будь о ней другое мнение, не рискнул бы нечистый лишний раз являться за помощью. Дала она красное яблочко, предварительно окунув в заранее остуженный отвар неведомых трав. Аромат разлился по дому такой, что у гостя слюни потекли.

— Всё в нём — уловка. Есть такие болотные растения, которые насекомых поедают. Они тоже испускают запах. У них училась, — пояснила Кикимора. — Не смотри, что красивое. Опасное очень. Кто хоть кусочек откусит — уснёт долгим сном. Срок назвать не могу, всё зависит от человека, но неделю гарантии дам.

Обрадовался чёрт. За неделю можно горы свернуть, если постараться, не то, что изжить со света обыкновенного кузнеца.

— Залетай с оказией, — сказала на прощание хозяйка. — Подправлю тебе шевелюру. А то даже ухватиться не за что. — Потом задумалась и добавила с сожалением: — И ещё щуплый ты очень… Похоже, в корень пошёл.

Отправляясь к Лешему, уже имел чёрт кое-какой план. Поэтому первым делом заглянул-таки в ад, умудрившись разжиться целым сундуком канцелярских изделий и одной заветной бутылочкой. Помогло яблоко Кикиморы. Отдыхающая кампания бесов никак не хотела верить, что старуха пошла у кого-то на поводу. Пришлось предъявить, умолчав, однако, об уникальных свойствах предмета, и цене, в которую тот обошёлся. Проспорившие не стали ломаться, и чёрт запасся всем необходимым.

Вечером, едва солнце зашло за горизонт, выбрался он со своей ношей на поверхность, и, пыхтя как паровоз, полетел к лесу.

Леший ничуть не изменился с тех пор, как виделись они лет двадцать назад. Тот же огромный громогласный старик с хитрыми лисьими глазами. Борода разве что выросла чуток длиннее, но ведь она подрезается. На лежанке в берлоге стало больше на одну медвежью шкуру. Увидел её чёрт — и поёжился. Даже представить неприятно было, в каком бою она добывалась. А старик всё такой же насмешник — то щелчка даст гостю по

носу, то в бок ткнёт в самый неподходящий момент. По этой причине вначале старался тот держаться подальше, через стол. Но с такого расстояния доверительную беседу вести не получалось. Пришлось пересаживаться и терпеть…

— Говоришь, есть у тебя желание, чтобы оставил я у себя Степаниду подольше? — сузив глаза, спросил Леший. Был он очень неглуп, и провести его представлялось делом безнадёжным. А вот уговорить…

— Точно так! — кивнул чёрт. — Очень большое желание. Обязан буду по гроб жизни.

— На что мне твоя обязанность и даже жизнь? — развёл руками старик. — Всё необходимое у меня и без того имеется.

— Хозяйки нет! — быстро намекнул чёрт. — А какой дом без хозяйки-то?

— Гм… Верно говоришь. Только не возьму я в толк, зачем мне Степаниду удерживать? Девок молодых в деревнях появилось много, а ты мне старуху подсовываешь? — Во взгляде Лешего зажглись искры. Вот уж не ко времени пробило его на хохму! Нечистый досадливо поморщился. Ведь понимает, медведь, о чем речь идёт, а всё дипломатию крутит!

— Такой бабы не найти тебе! — Про себя же съязвил, не боясь быть услышанным: «Сам-то, поди, не шибко молодой!» — Что юнцы? Прибраться не могут толком, а как обед готовят? Опять же, запасы в зиму кто будет делать? Не приспособлена ещё к тому молодежь!

— И про то верно, — согласился Леший. — Ночью они тоже как бревна. То ли боятся, то ли межуются. В прошлый раз так и вернул одну корягу домой, хотя подмывало задушить её подушкой.

— Вот-вот! — обрадовался его собеседник. Кажется, дело пошло на лад.

— Только как же я её удержу? Не простая она баба, сам знаешь. Не положено нам ведьму насилить. — Старик развел руками. — Уговорить-то, конечно, попробую, только внуки у неё нынче на первом месте.

— Я об этом уже подумал! — чёрт подвинулся к хозяину берлоги вплотную. — Напиток припас для такого случая особенный. Память он отбивает начисто.

— Да что ты, окаянный! — замахал руками Леший. — У неё, поди, и так в башке пустота. Не говорила, разве, она тебе про травму-то свою?

— Говорила! — Нечистый даже на шёпот перешёл от азарта. — Только будет у вас всё понарошку, несерьёзно. К тому же совсем ненадолго. Она даже соскучиться не успеет. Ты

представишься ей, к примеру, шефом по работе.

— Каким еще, к дьяволу, шефом? — изумился старик. — Что это за хрыч такой? Первый раз слышу.

— Это не имя! — поморщился чёрт. Вот деревенщина, элементарные вещи объяснять нужно. — По-другому — начальник отдела. Придумай какое-нибудь имя, например, Михаил Потапович. Войди в роль, увлеки заданием…

— Да откуда же мне знать, какая у меня роль и чем её увлекать?! — Леший хотел было сразу откреститься от бредовой идеи, но гость так горячо заговорил, что старик решился послушать ещё немного.

— Я всё рассчитал. Скажешь Степаниде, что она обыкновенный бухгалтер. Ничего выдумывать не придётся. В городе ей десять лет на сопроводиловке сидеть приходилось. Всё знакомо до последней закорючки. Ты — руководитель, и знать ничего не обязан. Управлять — это твоё.

— Поставить бабу на место, что ли? — недоверчиво спросил Леший.

— Точно! — обрадовался гость. — Пусть знает его. И делает квартальный отчёт. Так и скажешь — квартальный. А чтобы ничего не перепутал, записочку я тебе передам специальную. Всё, что требуется сказать, написано там будет….

— Печатными буквами? — поморщился старик. — Имей в виду, я без очков плохо вижу.

— Печатными и крупными, чтобы поменьше слов убралось. Чем реже ты будешь говорить и при этом громче рычать, тем лучше, — успокоил его чёрт. Внутри он ликовал! Лёд тронулся, господа присяжные заседатели!.. Кто это сказал? Впрочем, неважно. К текущему делу очень даже подходит.

— Записка тоже непростая. Текст меняться станет. Но если довёдет тебя Степанида — можешь не обращать на слова внимания, руби с плеча. Бухгалтеры это любят.

— Постой-ка! — вдруг спохватился Леший. — Как же её привлечь со мной постель делить, ежели я обыкновенный…гм… шеф? Ему это не положено.

— Ещё как положено! — в восхищении самим собой вскричал чёрт. Поистине, с похмелья всё получается лучше, чем у трезвого. — Отдел спит и видит себя любовницами начальника. Степанида ничем не отличается от других дам. Если намекнуть, что от неё зависит судьба отчёта и нужно сдать его в ближайший месяц — она будет жить на работе… Ну, и выполнять все сопутствующие обязательства, — докончил как можно небрежнее.

Заворчал Леший, что уж больно всё гладко на словах получается, а на деле опять он в дураках остаться может.

— Ты думаешь, она помнит, что была когда-то бухгалтером и делала отчёты? Чёрта с два! — рыкнул в сердцах. — Бухгалтеры не должны хвататься за поварёшку и лупить ею по темечку, только оттого, что мужик неправильно ущипнул. Какого хрена ты не проинструктировала, где тебя можно щипать, а где нельзя?

— Вот и отыграешься! — подсказал черт, хитро подмигнув. — Ей нельзя будет перечить. Ты её с работы выгнать можешь.

Покачал старик недоверчиво головой, повертел в руках бумажку с всплывающими подсказками, заглянул в сундук с канцелярской утварью — и согласился попробовать. Будь что будет. А то ведь Степанида всегда точно на иглах у него живёт: как там её кровиночки дома, не обидел ли кто их… Леший, грешным делом, думал даже предложить ей прилететь к нему вместе с ними, только не решился: уж больно непривычный он к детскому саду. А раз случай сам поворачивается, почему не рискнуть?

4

Степанида Ивановна явилась ближе к полуночи — взволнованная полётом и раскрасневшаяся от встречного ветра. «Ни дать ни взять — девчонка!» — отметил про себя Леший, крякнув от удовольствия.

Их отношения нельзя было назвать простыми, потому что когда сходятся два ярких характера, неминуемо быть конфликту. Но то ли притяжение пересиливало, то ли судьба вплетала в свой ковёр две жизни одной нитью — продолжали они встречаться на лесной территории уже, почитай, шесть лет. Случались и скандалы, когда рассвирепевший старик прогонял женщину из берлоги, крича, чтобы больше ноги её тут не было, а вослед швырял поломанную метлу. Реже из себя выходила Степанида Ивановна, и тогда билась и звенела на всю округу посуда. Но через месяц всё забывалось, и они снова могли, обнявшись, просидеть всю ночь на полусгнившем пне, отмахиваясь от надоедливых комаров и разглядывая в промежутках между кронами звёздное небо.

И вот тут пришло время упомянуть об одном примечательном моменте. У Лешего была своя заковырка или скелет в шкафу: он не любил летать. Даже больше — панически боялся этого делать, и потому не пробовал никогда в жизни. Встречая и провожая гостью, он как бы приобщался к недоступному таинству, но даже думать, а тем более говорить на эту тему себе не позволял. Небо одновременно и манило его, и пугало. А однажды вычитал он в человеческой книжке про «рождённый ползать летать на может», и с горькой усмешкой подумал, что писалось это с него.

Никому и никогда не рассказывал он о своей слабости, зная, что может обернуться ему откровенность язвительными насмешками. Когда, например, Степаниде Ивановне вожжа попадала под хвост, имела она склонность мешать кислое со сладким, а горькое с солёным, и в такие минуты по-бабьи не разбирала, что говорить можно, а о чём лучше промолчать.

Так вот, быстренько прибравшись в двухнедельном бардаке, разложила гостья по тарелкам привезённые с собой харчи, чем несказанно обрадовала старика. Тот так привык жить на подножном корме, питаясь, чем Бог пошлёт, что часто не утруждал себя даже охотой, а довольствовался кореньями да шишками. Организму же мужика требовалось кое-что поосновательнее.

А пока домывала Степанида Ивановна заплесневевшие стаканы, налил ей Леший в рюмку наливочки да разбавил на

треть рекомендованным чёртом отваром. Правда, понюхал вначале, но никакой отравы не почувствовал.

— Ну, хозяин дорогой, спасибо за тёплую встречу! — с усмешкой сказала Степанида Ивановна, и стало старику немного не по себе: почудилось, будто угадала она, что он ей готовит, и летит бабочкою на огонь.

— Тебе спасибо за угощение и заботу. Отощал совсем на сушёных грибах да ягодах! — отмахнулся Леший.

— Кому ещё заботиться, если не мне, — отозвалась она, игриво склонив голову, а потом разом и опрокинула в себя питьё.

Собеседник во все глаза смотрел, что с нею произойдёт, но и для видавшего виды старика зрелище оказалось непривычным. Степаниду Ивановну будто изнутри стало разбирать на составляющие части да всё это добро перемешивать. На мгновение превратилась она в один расплывчатый клубок мелькающих кубиков, которые вскоре принялись соединяться по какому-то неведомому закону. Сила, совершающая это, показалась Лешему абсолютно незнакомой, он даже природу её осмыслить не мог. «Бог ты мой, сколько всего напридумали изверги!» — мысленно воскликнул дед, вспоминая изворотливых и охочих до новомодного волшебства чертей. Хорошо ещё, что особого дискомфорта и физических мук гостья не почувствовала. Это можно было сравнить с безболезненной мясорубкой, в которой перемалывалась в основном внутренняя составляющая Степаниды Ивановны.

Когда картина стала стабилизироваться, вздохнул старик с облегчением и спрятал остатки жидкости вместе с бутылочкой поглубже в карман.

Лицо Степаниды Ивановны вдруг сделалось каким-то глуповатым, походившим на перезревшую куклу Барби, и она хихикнула в ладошку, смущённо опустив глаз вниз.

Леший даже глаза раскрыл от удивлёния. Действует!

Между тем гостья бестолково мельтешила руками, поправляя то кофточку на груди, то платье на коленях. Похоже, ей было не по себе.

«Дьявол меня задери! — спохватился вдруг старик. — Ещё бы не по себе! Она же не понимает, кто такая. А я, старый пень, засмотрелся…» Он торопливо достал из кармана приготовленную заранее бумажку и, слеповато прищурившись, прочитал:

— Ты Степанида… бухгалтер. Меня зовут Михаил Потапович, я начальник отдела… то есть, шеф, — добавил уже от себя, воспользовавшись недавно узнанным словечком. На лице собеседницы мгновенно отразилась какая-то внутренняя борьба — похоже, старая информация, всплывая из глубин памяти,

занимала подготовленное ей место. Перезагрузка длилась совсем недолго — объём необходимых файлов в текстовом виде занимал ничтожно малое пространство.

— Михаил Потапович! — расплывшись в кошачьей улыбке, произнесла через несколько секунд гостья. — А можно мне сегодня домой пораньше? Молоко убегает.

Леший даже опешил. Такого поворота он не ожидал. Впрочем, на помощь пришёл листочек.

— Никакого пораньше! Квартальный отчёт на носу. Срочно делать.

— Вы приказываете мне остаться сверхурочно? — опять пропела Степанида Ивановна.

— Да… То есть, нет, дополнительных оплат не будет! — едва разобрал старик, потому что из-за обилия слов буквы сделались меньше и читать их стало труднее. — Работать будем аврально и… аморально! — Последнее вырвалось у него невзначай, больше для красного словца. Леший даже сам смутился, потому что начни собеседница подбирать рифмы дальше, могло бы дойти и до настоящего разврата.

— Это как же? — томно выдохнула она, закатывая глаза. — А перекуры устраивать будем?

— Будем! И перекусы тоже.

— А что мне сказать мужу? — Гостья всё больше входила в роль подчинённой, но думала явно не о муже, потому что принялась облизывать губы, будто те пересохли. При этом она стала то ли подмигивать Лешему, то ли странно коситься на него, мурлыкая, как кошка над сметаной.

— Объясни так: переходим на военное положение до самой сдачи. Спать возле орудий, лафеты чистить по утрам и вечерам. — Военная терминология давалась хозяину не в пример проще, тут можно обойтись и собственными познаниями. Только Степанида Ивановна оказалась в таком настроении, что всё переиначивала на свой лад.

— А где же у нас орудия? — произнесла она, впадая в экстаз. И даже глаза прикрыла, воображая себе боевую обстановку, а по шумно поднимающейся груди и тазовым движениям Леший прочитал её мысли, как в открытой книге. И нельзя сказать, чтобы это ему не понравилось.

— На боевом посту! — ответил он первое, что пришло в голову. Листочек тем временем содержимое не поменял. Похоже, действовал только в бухгалтерской тематике.

— Пост принят! — хихикнула Степанида Ивановна, но потом сделала над собой усилие и уже серьёзнее спросила: — Какие будут распоряжения, Михаил Потапович?

Хозяин хотел по привычке бросить взгляд на шпаргалку, но потом крякнул и сказал, как отрезал:

— Принимаем боевые двести грамм, очищаем котелки до блеска — и через полчаса отбой. И чтоб у меня без всякого! — Он погрозил Степаниде Ивановне пальцем, в который та разве что не вцепилась, и налил ещё по полстаканчика.

Дальнейшее было похоже на сказку.

Наутро Леший показал гостье на сундук и велел взять оттуда всё, что необходимо для работы.

— Сроки ужать, рукава засучить! — уверенно повторил он недавние слова чёрта. Кстати, после замечательной ночи авторитет нечистого в его глазах заметно поднялся. — Лишних вопросов не задавать, а работать… работать..

— Хорошо, Михаил Потапович! — Степанида Ивановна разомлела под медвежьей шкурой. О работе ей думать не хотелось. Впрочем, старику это было на руку.

К обеду новоявленный бухгалтер открыла-таки сундук и извлекла на свет божий пачку чистой бумаги «Снегурочка», набор простых карандашей, точилку, дырокол, степлер, десяток печатей на совершенно разные фирмы, кучу заполненных накладных, счетов-фактур и многое другое. А под конец — старинные деревянные бухгалтерские счёты, на которых сделал почти век назад своё состояние печально известный гражданин Корейка.

— И это всё?! — в притворном ужасе воскликнула Степанида Ивановна, обратив затуманенный взор на притихшего хозяина. Тому-то вообще был неведом необходимый набор, поэтому он волей-неволей снова полез в листочек. Однако тот пока не находил нужным что-то объяснять. Пришлось выкручиваться самому.

— Чего-то не хватает?

— Компьютера, конечно! 1С! Да любой калькулятор лучше, чем эти кости динозавра!

— Программа за… заглючила! — Текст, наконец, сменился, и старик с трудом одолел непонятное словцо.

— Они что там, с ума посходили? Заглючила! Так можно и до глиняных табличек дойти, как в древнем Египте. Вы-то понимаете, Михаил Потапович, что в таких условиях я раньше, чем к следующему кварталу, нынешний не закрою! — Степанида Ивановна сделала большие глаза, что, очевидно, означало у неё наличие второго и третьего смысла, так что Лешему пришлось только кивать с глуповатым видом.

Конечно, он втайне надеялся, что волшебство бесов не станет распространяться на время подготовки к обеду и на сам обед. Но ошибался. Дорвавшаяся до работы бухгалтер — страшная вещь,

особенно если истосковалась по настоящему делу.

Зарывшись по самые уши в бумаги, Степанида Ивановна остервенело гремела костяшками, вполголоса матерясь и сверяя полученные результаты с подсчётами на бумаге столбиком. Часто они не совпадали, и тогда она либо рычала, как зверь лесной — утробно и зло, либо ломала карандаш и заново точила. А однажды выпрямилась за столом, подбоченилась, и недовольным густым голосом произнесла:

— Что это у нас дебет с кредитом не сходится, в самом деле! Чёртова контора. Надоело уже!

Озадаченный хозяин не мог на неё надивиться. Но когда ему самому пришлось готовить обед, а потом ещё и идти на охоту, чтобы было что варить вечером, восторг его понемногу начал остывать.

Следующая ночь в какой-то степени могла компенсировать моральный ущерб, но от постоянного бормотания женщины разных непонятных слов типа «остатки средств на депозите», «целевой бюджетный фонд», с которыми она пыталась приставать к Лешему даже под одеялом, у него началась мигрень. Пришлось зажать ей рот ладонью, а она её укусила, выкрикнув при этом, как большевик на баррикадах: «Долой сметы доходов и расходов в квартальном отчёте! Даешь только в годовом!» В общем, семейная жизнь на поверку оказалась скомканной и какой-то непонятной. То ли есть она, то ли нет её…

Второй день только подлил масла в огонь. Началось с того, что отчёт по понятным причинам застрял в зародыше. От начальника отдела не исходило никакой помощи, даже карандаши он заточить толком не мог: огромными руками удобно было держать топор, но никак не перочинный ножик. К обеду в отделе стал назревать бунт. Невесть откуда взявшиеся многочисленные подчинённые зловеще шептались между собой разными голосами, причём озвучивала их одна Степанида Ивановна. Оказалось, что подруги на неё в обиде и тоже хотели бы переспать с шефом. Саму Степаниду неудержимо тянуло домой, и она сделалась не прочь передать полномочия любимой жены кому-нибудь другому. Потому, сказавшись больной, всё-таки нырнула в кровать, а за стол вернулась уже совершенно другой. Мало того, что вместо обычного платья нацепила на себя короткую юбку, так ещё и рубашку с безбожным декольте одеть умудрилась. Содержимое бюстгальтера подпрыгивало в ней при каждом движении — даже когда Степанида Ивановна писала карандашом. Звали её теперь Зиночка, она была не замужем, свободная для любых отношений, и очень надеялась выстроить их с начальником отдела.

Ролевые игры вначале потешили старика, но чем больше он втягивался, тем больше походили они на сумасшедший дом. Уже и записку волшебную Леший забросил куда-то, потому как начал медленно, но верно приходить к выводу: чёрт его всё-таки надул. Не до конца ясно, как, однако обманул точно…

Последней каплей послужил невероятный поступок Зиночки. Оставшись после восьмичасового дня на трудовом посту, она сагитировала задержаться ещё и подругу. Галдёж в берлоге поднялся неимоверный. Дамы спорили, ругались, делили между собой не шефа, а фронт работ. В итоге одной досталось заполнять форму 1 — «Баланс исполнения сметы доходов и расходов», а второй — нелюбимый ею отчёт по внебюджетным источникам. Смятые листы бумаги с поломанными карандашами только и разлетались в разные стороны! Больше того, бабы начали сплетничать прямо в присутствии руководителя, громким шёпотом называя его «тупым чурбаком», обсуждали отстойный костюм, плохо проглаженные брюки и то, как грубо он ведёт себя с дамами.

Лешему такой расклад нравился всё меньше, а когда пришлось и кормить двух сотрудниц (!), тут он почти взбунтовался. С одной бы управиться.

Добила его Зиночка тем, что настырно залезла под одеяло вместе с той же подругой. Старик уже и не знал, за кого из них ухватиться. Начинает тискать одну — другая недовольство выражает, да зачастую в язвительной форме. Мол, совсем старый пень сноровку потерял, ему бы валенки мять, а не уважающих себя сотрудниц. Леший вспотел даже! Не впервой ему было сразу двух девок охаживать, но таких горластых да недовольных — не приходилось ещё.

Насилу управился. А задремал чуть под утро — те с рассветом на ногах, им снова отчёт подавай. Да, похоже, на помощь ещё и третью пригласили. Это и послужило последним пёрышком, сломавшим спину верблюда. Плюнул старик в сердцах — и вон из берлоги! Лучше в лесу бомжевать, чем в такой заварушке последнего разума лишиться.

Хлопнул он дверью, а за его спиной нарастал гул женских голосов: работа кипела вовсю.

5

Положил кузнец записку материнскую обратно на стол, а самого будто озноб пробил. Так нестерпимо сердце защемило, точно клещами его кто вытягивал из груди. Это не испуг вовсе: чтобы испугать Николу, вражеского войска мало будет. Растерялся он вконец. Всегда за бабьей защитой жил, своим умом больше технические задачи решал. А тут возникла особая — ни строительством не пахнет, ни кузницей. И главные его заступницы да советчица оказались не у дел. Вывел их чёрт из строя. Проредил грядочку, что называется. Стой теперь пеньком посреди поля — что делать, неизвестно…

Да уж, пеньком… Усмехнулся Никола горько. А почему не столбом, к примеру? Или репьём? Нет, столбом быть не хотелось, потому что проку от стояния да жалости к самому себе никакого. А вот репьём заделаться — это, пожалуй, можно. Чтобы к плешивому хвосту прицепиться да тащиться за ним по всему аду, отравляя жизнь на каждом шагу.

Расправил кузнец плечи, потому что почувствовал, что правильную стратегию наметил. Осталось только с тактикой определиться.

Вот тут и обнаружилась главная проблема. Бить врага, кусать по-комариному — это замечательно. А что конкретно-то делать? С чего начать?

И пришла к Николе мысль обратиться за советом к Ларисе, дочке сельского старосты, а по совместительству попадьи местной церкви. Ведь она, как-никак, подруга Оксанина. В тот год, когда отправились они обе за валенками, Лариса, помнится, тоже начудила немало. Поговаривали даже, с чёртом дело имела. Может, знает она к нему дорогу?

Вздохнул кузнец на этот раз с некоторым облегчением: выход пока не нашёл, а всё не пеньком просидит вечер.

Жила Лариса теперь в доме Савелия Игнатьевича на правах жены, поскольку свадьбу они сыграли через полгода после того, как отгуляло село у Оксаны с Николой. Венчать самого себя отцу Савелию было несподручно, потому как говорить одновременно за батюшку и жениха трудновато, да и со стороны выглядело бы странно. Однако Савелий проявил смекалку и призвал на помощь ведущего местной дискотеки в своём собственном лице.

Для пояснения надо сказать, что, кроме служения Богу, взвалил он на свои плечи ещё культурно-массовый сектор жизни сельчан. В специально отстроенном для этих целей сарае установил дизельный генератор, мощности которого хватало на

освещение зала, работу старого кассетного магнитофона, усилителя и акустических колонок. Назвался ди-джеем Моисеем и затеял проводить танцы для молодёжи.

Его старания не пропали даром. Парням и девкам понравилось собираться вечерами да до полуночи топтаться в тесноте, но не в обиде. Соседние деревни тоже отозвались с охотой. А потом, когда мероприятие набрало силу, развил Савелий свою мысль, и по воскресеньям предложил собираться в клубе и взрослому населению. Мужики с бабами тоже оказались охочи до развлечений, только песни Савелий крутил им уже другие — распевные да большей частью народные. Конечно, старался он не совсем безвозмездно, потому как за вход на увеселительную площадку брал пяток яиц или молодого общипанного цыплёнка. Но такому раскладу никто не возражал, поскольку дело было для народа нужным.

По поводу своего венчания придумал отец Савелий такую вещь: записал репетицию церемонии на плёнку, строго соразмерив интервал между репликами. Даже пригласил местных старух, которые напели ему церковные тексты на свои собственные мотивы. Получилось весьма привлекательно. И тогда, предупредив, что роль священника временно будет исполнять магнитофонная запись, а кадилом махать один из почтенных жителей села, провёл он и само венчание.

Трудно сказать, насколько соответствовало оно церковным канонам, но народ остался доволен. Особенно те старухи, которые слушали собственное пение со стороны.

Лариса оказалась женой хоть куда. Мало того, что порода у них работящая да сорить деньгами непривычная, так и изобретательности девки оказалось не занимать. Поговаривали, что именно она предложила окультурить стариков да старух по воскресным дням. И помещение клуба не простаивало, и дополнительный доход в семье появился.

Помимо того научил её Савелий некоторым действиям во время церковной службы, которые издавна исполнялись женщинами. Прежде приходилось выпускать их из вида, теперь же утренние молитвы зазвучали ещё более искренне, а свечки и полагающиеся под них бумажные пластинки раздавались прихожанам вовремя.

Лариса, равняясь на родителей, завела хозяйство. Прежде при активной общественной работе Савелию оно было в тягость. Теперь же и поросята у них появились, и козы с овцами.

Через год родила Лариса сына, и тот рос горластым и непоседливым.

Поэтому, когда подходил кузнец к церкви, возле которой и

стоял поповский дом, издалека услышал он плач мальчугана. Снова дрогнуло сердце Николы: сразу пришёл на ум его Алёшка.

Савелия он отыскал на дворе прибивающим доску к ящику для цыплят. Слюнявя пальцы, вытаскивал изо рта последний гвоздь.

— Здоров будь, дядя Савелий! — произнёс кузнец, а сам посмотрел на окна дома, где, вероятно, находилась Лариса.

— И тебе тоже здравия, Никола. Проходи. Сейчас чайку попьём.

— Некогда мне сидеть сегодня, — отмахнулся гость. — Беда приключилась.

— Да что ты! — вскинув брови, воскликнул Савелий. — Пойдём в дом, поделишься.

Лариса, как радушная хозяйка, тотчас стала стелить скатерть в гостиной, но, увидев хмурое лицо кузнеца, присела на стул.

Поведал им Никола всё, что знал, а поскольку придумывать был не мастер, рассказ получился коротким, но тяжёлым. Пересыпал кузнец слова свои вздохами да угрюмым сопением.

Окончил — и нависло над столом молчание. Каждый мысленно ещё раз перебирал подробности, чтобы сделать хоть какие-нибудь выводы. Наконец, Савелий забарабанил пальцем по доске для разделки овощей, и произнёс задумчиво:

— Новость, прямо скажем, серьёзная. Если всё правда, то сознание пролетариата будет перевернуто на сто восемьдесят градусов.

— Не выпивал я уже две недели, дядя Савелий! — развёл руками Никола. — Не могло мне привидится. К тому же, Оксана лежит в доме, ни жива, ни мертва.

— Это самое главное доказательство, — кивнул хозяин. — И яблоко, пожалуй.

— Верь ему, Савелюшка, — произнесла вдруг Лариса и сделалась загадочной, как Мона Лиза. — Не путает он ничего.

Удивлённо хмыкнул Савелий, но спорить с женой не стал.

— Стало быть, принимаем версию безоговорочно, — произнёс, стукнув по столу рукой. — Второй вопрос на повестке дня: что делать. Так я понимаю?

Никола кивнул и опустил лицо. Признаваться в своём бессилии не позор, особенно в таком запутанном деле, но и для этого поступка требуется мужество.

— Хотел ты, Никола, спросить у меня, не знаю ли я дороги в ад? — Лариса посмотрела ему в лицо прямо, потом перевела взгляд на мужа.

— Да…

— Так вот, отвечу: не знаю. И никогда не знала. Потому как

тот, о ком ты говорил только что, появляется неизвестно откуда и туда же пропадает. И о делах своих он добрым людям не рассказывает.

Снова вздохнул кузнец и промолвил:

— Я догадывался об этом. Но надеялся уцепиться хоть за какую-нибудь ниточку.

В этот момент Савелий поднялся, погладил бороду и веско сказал:

— Сдаётся мне, есть такой человек, который информацией владеет. И верёвочку указать может. Только подход к нему требуется неформальный… я имею в виду, нетрадиционный… тьфу, напасть какая! Особый, словом. Он хитёр, и много чего знает, но мало говорит.

Лариса с кузнецом посмотрели на него вопросительно, и хозяин усмехнулся:

— Васюк это. — А потом добавил: — Только сразу говорю тебе, Никола: пойдём к нему вдвоём, Ларису с собой не берём. На сносях она. Подвергать риску не рекомендуется…

6

Сколько Васюку лет, никто, наверно, и не помнил. Появился он в деревне давно, поселившись в доме, стоящем на отшибе. Кто этот дом построил и куда делись прежние владельцы, история тоже умалчивает. Известно лишь, что и рощица, возле которой дом располагался, и ближайший к ней лес, пользовались в народе дурной славой. Случалось, видели там медведей, которых привлекал запах, доносящийся с пасеки старика. Кабаны и лоси вообще столько следов оставили, будто стадами к роще являлись. Хотя ни дубов с желудями, ни грибов там особо не водилось.

Пасека была одним из любимых занятий Васюка, которому он посвящал почти всё своё время.

Экология текущего века испортилась настолько, что после первого десятилетия люди стали бить тревогу: пчёлы погибали по всей Европе и даже в России. Как оказалось, поля засевались генномодифицированными растениями, пыльца и нектар которых несли в себе информацию, разрушающую генную структуру живых организмов. Насекомые, питающиеся мёдом, перестали воспроизводиться. То же самое в какой-то степени коснулось и человека.

Природные катаклизмы и революции остановили этот процесс, но ульев по деревням да сёлам осталось совсем мало. Вот Васюк и задался целью восстановить их количество. Поймал в лесу дикий рой — там пчелы ещё не сполна нахлебались лиха — одомашнил и стал размножать.

— Мёд — всему голова! Правда, после хлеба.

Сил у него с каждым годом становилось всё меньше, а лет семь назад, рассказывали люди, пришлось пережить Васюку встречу с шатуном.

Страшный это был зверь, надо заметить. Голодный и злой, похуже стаи волков — случалось, разрывал человека в клочья. Много народа сгинуло в тот год от его когтей. А осуждать такого — дело последнее, поскольку всякий выжить хочет при любых обстоятельствах. Не повезло зимой косолапому — разбудили. Так он свинарников только десяток разорил, не считая цепных собак, которых загрызал и ел на месте.

И случилось так, что столкнулись они с Васюком носом к носу возле самого дома. Дед как раз с кроликом зарезанным возвращался, нож в руке держал. Наверно, запах крови и привлёк зверя. Набросился он на старика, будто буйвол, а рычал так, что у нескольких коров в селе преждевременные роды случились. Но и Васюк, не скажи, что кряжистый или жилистый — обычный с

виду, к тому же и возраст был за шестьдесят, наверное, не отступил ни на шаг. А куда, если всё равно догонит и со спины рвать будет? Ножик-то смешной оказался, чуть больше кухонного — хорошо, что острый, как бритва.

Изодрал человека медведь до полусмерти, но и сам дух испустил. Навалился на Васюка, насилу три человека тушу оттащили. Огромный оказался зверюга. Повезло деду.

Правда, отлёживался он тогда недолго. Попросил сварить ему отвар из трав, набранных бабами по его списку, да остуженный по особой технологии. Чудодейственное оказалось варево. Через три недели ходил как огурчик. Среди женского населения тогда даже ссора пошла — кому первому под Васюка клинья забивать. А тот все потуги отмёл разом, сказав с усмешкой во весь рот:

— Я ведь, бабоньки, первую-то жену со свету сжил. Не испытывайте судьбу.

Они и отступились. Все, кроме одной. Та упорствовала до последнего часа, пока в лесу однажды летом не сгинула. Не нашли её — может, в болото за клюквой забралась, да утонула, может, волки съели. Год тогда выдался нехороший, пожары в лесах дымили. Зверьё стаями бродило в поисках новых мест обитания.

Кроме житейской обособленности, славился ещё Васюк нравом насмешливым и неуспокоенным. Любил сельские сборища, где чудил и речами восстанавливал против себя народ. А когда упрекали его в паясничестве да злословии, смеялся, высовывал язык и пояснял:

— Он же у меня двойной, как у гадюки. Убедитесь сами, если не верите. Накоплю яду, а куда ж его девать? Не себя же за хвост кусать.

Кое-кому действительно мерещилось раздвоение, только больше спьяну. Ну, и Васюку доставалось от мужиков. У тех же нервы не железные. А побить старика — дело плёвое. Заваливался даже от ветра, который летящий к нему кулак создавал. Упадёт, бывало, охает: «Лежачего не бьют… лежачего не бьют…», а сам всё пнуть обидчика норовит. Вот каким противным уродился!

Пьяным его тоже никто особо не видел. Разве что пару раз за все годы. Редкий мужик мог этим похвастаться. Народ в массе своей не знал, чем заняться в свободное время. Когда хозяйство исправно живёт бабьими заботами, да зима на дворе — сам Бог велел самогонку гнать. Тем более что для этих целей свёкла специально выращивалась. Те, кто позажиточней, пили, конечно, меньше, и не такое пойло: дурил свекольный самогон сильно. Нормальные люди предпочитали зерновой.

В своё время не приобрёл Васюк ни автомобиля, ни

культиватора. Может, и правильно: чувствовал, что скоро всё это станет пережитком прошлого. По старинке копал огород лопатой. Но привиделось однажды бабе, возвращавшейся из леса затемно, что не сам старик ею машет, а будто медведь какой. Даже недовольное рычание слышала. Только никто ей не поверил, потому что, во-первых, баба она, а во-вторых, что можно разобрать в темноте?

Жил Васюк бедновато, предпочитал по рынкам не ездить. Мёд, конечно, продавал, но покупал на вырученное только муку да соль с сахаром. Про всё остальное говорил: «От беса!» — и ухмылялся при этом. Носил чужие обноски, подаренные сельчанами. Не гнушался даже раздаваемым после покойников добром.

Почему из всего села выбрал отец Савелий именно Васюка, для кузнеца оставалось загадкой.

Они направились к его дому вдоль картофельных полей по поросшей густой травой грунтовой дороге, ступая каждый в своей колее и обсуждая, что могут узнать от старика. Поп едва поспевал за размашистыми шагами спутника, но при этом значимости в речах не терял.

— Скажу я тебе одну вещь. Васюк сведущ не только в пчёлах. Знаешь, что такое йога?

Никола пожал плечами. Конечно, слышал когда-то по молодости, но в подробности не вдавался.

— Это культура и наука одновременно. Даже мировоззрение, я бы сказал. Хитрое весьма, и глубокое, открывающее необыкновенную картину мира, — пояснил Савелий. — Если проникнуть в её сокровенную тайну — я имею в виду культуру, тем самым развяжешь узелок с правильным видением окружающего. Конечно, православие даст ей сто очков форы, но!.. — При этом он поднял указательный палец. — Не нужно забывать, что народ православный в массе остаётся тёмным и недалёким. Йога же развивает сознание и интеллект.

— Это к чему, дядя Савелий? — не понял Никола.

— Показывал мне Васюк некоторые позы, удивительно похожие на картинки из статеек про йогу. И сказал, что помогают они здоровье поддерживать, в том числе и душевное.

— Тоже, небось, начитался когда-то! — отмахнулся кузнец.

— Спросил я его об этом. Говорит, если внимательно вокруг смотреть да у природы учиться, никакие книжки не нужны. Хотя, — Савелий пожал плечами, — может, и лукавит он. Шкаф-то у него журналами забит дореволюционными.

— То-то и оно…

Пройдя последние усады, Никола со спутником свернули

прямиком к берёзовой роще и двинулись через поле по едва приметной тропинке. Нескошенная трава дурманила запахом. Густая была, и, наверное, жила ожиданьем косы, как девица ждёт жениха заветного. Насекомые стрекотали и жужжали, пользуясь погожим деньком. У них свои заботы: жизнь скоротечна, нужно успеть порадоваться ей.

Дом прятался за свисающими почти до земли ветвями берёз и стоял, покосившийся и убогий. Впрочем, старику, доживающему свой век, и того хватало с избытком. Сзади находился пристрой для скота, дальше до самого леса тянулся огород. А лес-то — вот он, казалось, протяни руки и дотронешься.

Вошли во двор. Палки в ограде местами сгнили, и забор выглядел жалким.

— Плохо ещё живёт у нас народ! — вздохнул Савелий, и они постучались.

Никто им не открыл, даже не отозвался, но, зная привычки хозяина, Савелий толкнул дверь, и та со скрипом поддалась. Пройдя тёмные сени, зашли они в дом, но и там деда не оказалось.

Крайне бедная обстановка, наверно, устраивала его, потому что мог же он себе позволить обновить хотя бы стол. Теперешний был неряшливо сколочен из ошкуренных берёзовых жердин, которые сверху не накрывала даже фанера. Вдоль одной стены стоял книжный шкаф, действительно набитый до отказа старинными журналами типа «Наука и жизнь» и «Моделист-конструктор». Вместо кухонного серванта использовался обычный комод, заставленный сейчас немытой посудой.

— Может, на огороде, — предположил Никола, но в этот момент его спутник указал пальцем на откинутую крышку погреба.

— Вот он где, старый хрыч. Забрался в подпол и ничего не слышит!

Они подошли к яме и снова позвали хозяина. В темноте никто не пошевелился и не зашуршал.

— Не случилось с ним плохого? — забеспокоился кузнец.

— Это запросто! — кивнул поп, осенив себя крестом. — Возраст-то у него…гм… неопределённый!

Действительно, по лицу Васюка трудно было сказать, сколько ему лет. Взглянешь мельком — моложавый старикан, ещё жить да жить. А иной раз присмотришься внимательнее — морщин на лице столько, что грецкому ореху завидно.

— Наверно, нужно заглянуть, — неуверенно предложил Никола.

— Полезли вместе. Я первый, с Божьей помощью. Эх! —

сказал Савелий, опускаясь на четвереньки. — Зажечь бы чего… Да ладно, разглядим.

Окна в доме были не занавешены, но света пропускали очень мало из-за столетней грязи и паутин, висевших на каждой раме. Савелий ухватился за лестницу, заканчивающуюся где-то в темноте, и поставил ногу на первую ступеньку…

Через полминуты его голова исчезла, и кузнец тоже приготовился к спуску. Он намного ловчее соскочил почти до пояса, повиснув на руках, упёртых в проём погреба, потом взялся за перекладины — и двинулся следом. Но едва опустил ногу ниже, как его окутала непроглядная тьма, в которой даже дышать сделалось трудно. И ни над головой, ни по сторонам не было видно никакого просвета…

7

Завертел Никола головой — ни дать ни взять пустота вокруг, даже взгляду зацепиться не за что. Только вот на ощупь вроде как ступени чувствуются, а и тех не видно — в сумраке утонули.

Крикнул Савелия — не отвечает. То ли туман такой плотный, то ли далеко вниз спустился.

При мысли, что здесь и заблудиться немудрено, похолодело внутри у кузнеца. Чертыхнулся он и торопливо двинулся следом. А тьма только сгущается, подвальная прохлада сменяется будто могильной. Конечно, что от страха не подумается, но решил Никола, что нашли они то, что искали — дорогу в самый ад. Потому как обречённость здесь чувствовалась полнейшая. Не будь он настроен спасти других, ни в жизни не полез бы в такой склеп: больно жутко.

Замечено давно уже: когда люди остаются одни и делается им не по себе, начинают они говорить вслух. И Никола тоже забормотал, чтобы подбодриться от своего голоса. Но ведь не стишки же читать — затеял хозяина дома материть. Без злобы, конечно, только для проформы.

И вдруг — будто пелена стала прозрачней. Снизу свет забрезжил, спускаться сразу стало веселее. Цель — она всех бодрит. Даже лошади, чуя ночлег, прибавляют шаг.

Ещё раз позвал он спутника, и донёсся до него отклик: не иначе близко уже Савелий-то был. И точно — ещё несколько ступеней, и брызнуло светом, воздух сделался прозрачнее и свежее, и даже ветерок пахнул многотравьем.

— Давай, давай, посмотри, какое здесь чудо! — услышал Никола и наконец-то вырвался из редеющего тумана. Но тут же плюхнулся вниз, и, едва собравшись да приготовившись к худшему, повалился на землю.

Над ним разбросал свои ветви огромный дуб в три обхвата, так что выходило, будто упал он с самой нижней его ветки. Небольшую полянку обступили другие деревья, а сама она благоухала цветами и была наполнена уже знакомым жужжанием насекомых. Ничего особенного — лужайка как лужайка. Васильки с ромашками размахнулись, колокольчики голову склонили, а зверобой, наоборот, поднял. Тимофеевка выше всех торчит, пижма под ней подлеском стелется. Даже клевер дикорастущий где-то на окраине приютился.

— Где это мы, дядя Савелий? — ошарашенно спросил кузнец, вертя головой и мало что понимая.

— Ты думаешь, я знаю больше твоего? — усмехнулся

спутник, стоящий чуть поодаль. — Сам только что сел на пятую точку. Ведать бы про такое — ноги поджал бы предварительно. Как мешок с костями спланировал.

Они затратили некоторое время на изучение местности, но нашли только небольшую тропку, уходящую в глубину леса.

— Значит, проторена дорожка-то! — сделал вывод Савелий. — Не первые мы здесь. Видно, Васюк про это место вперёд нас пронюхал.

— Чудно больно, — высказал мнение Никола. — Из подпола сразу в лес — это колдовством попахивает.

— А что удивляться! Сам видишь, какая нелепица вокруг творится. В прошлые времена о таком и не помышляли. Где это видно, чтобы нечисть без присмотра по дворам людским шастала?

Посовещавшись, решили они идти тропинкой дальше, потому что коли сподобило их сюда забраться, значит, есть в том промысел Божий. Может, и ведёт он к разгадке тех тайн, что перед ними возникли.

— К тому же, — добавил резонно Савелий, — обратной дороги мы всё равно не знаем.

Вооружившись верой и изготовленной наспех дубиной, двинулись они в глубину леса.

Лес как лес: комарьё звенит, берёзы перемежаются с елями и сосенками, кусты рябины да бузины вторым ярусом гущу создают. Только далеко идти не пришлось. Едва вильнула тропка пару раз, обходя сваленные бурей деревья, потом расширилась чуток — и увидели они одиноко стоящий пень, на котором восседал дед Васюк собственной персоной.

Был он одет не совсем обычно. Вместо рубашки холщёвой куртка из звериной шкуры — чтобы гнус не прокусывал. А руки всё равно оголены да на вид совсем не стариковские — кряжистые такие, узловатые. Штаны тоже кожаные, плохой выделки. Может, не дубили её, а просто сшили и носили, покуда шерсть сама не повылезала. Для зимы и холодновато, а летом — в самый раз, особо в чаще лесной. В довершении ко всему на ногах непонятно почему тапочки домашние надеты. Для форса, что ли…

— Вот так встреча! — воскликнул Савелий, между тем многозначительно ткнув спутника в бок, да так, что тот разве не охнул. Напрягся сразу Никола, оглядываться по сторонам стал и дубину свою перехватил поудобнее.

— Ну, я-то вас давненько поджидаю, — усмехнулся Васюк, продолжая сидеть.

— Стало быть, догадался, что мы к тебе идём, старый хрен?

— Нынче без догадливости пропадёшь.

— И то верно. А почто ты нас в такую Тмутаракань затащил? Неужто нельзя было по-человечески встретить, в доме? — Савелий прищурился, а глаза-то у него забегали по сторонам, выискивая что-то по ближним кустам.

— Отчего же, можно было. Только и вы, похоже, ко мне дело пытаете не простецкое. — Старик полез в карманы и вытащил оттуда трубку с кисетом. Неторопливо набил, чиркнул спичкой, затянулся и крякнул от удовольствия.

— Хороший табак… Не то, что прежде продавался, с отдушками.

— Так какой леший тебя сюда затащил? — спросил вслед за тем Савелий, на этот раз оглянувшись через плечо.

— Да ты, добрый человек, не пужайся, — благодушно остановил его Васюк. — Нет у меня в рукаве козырей-то. Не игры играть завёл вас сюда. А насчёт лешего — угадал ты! — И усмехнулся во весь рот, так что зубы блеснули — но не гнилые да чёрные, как прежде, а ровные и белые, что волчьи — можно берцовую кость разгрызать. — Он и затащил, если посудить. А вернее сказать, не отпускает. Братан он мой кровный, как его одного бросишь-то!

Глаза у Николы раскрылись так, что Васюк, глядя на него, развеселился. Хохотнул даже, но без обычной издёвки. Да и то скажешь — простому человеку такое услышать не каждый день достаётся.

— Верно, думаешь, сказки рассказываю? — спросил он, обращаясь на этот раз только к кузнецу.

— Похоже, дядя Васюк! — растерянно ответил тот.

— Нет, уже давно вышел из такого возраста. Ведь мне, почитай, три сотни лет будет в обед! — Он снова пыхнул дымом.

— Что же ты привычку свою не изживёшь никак? Здоровье лишнее, что ли? — Вставил Савелий.

— Здоровья много не бывает. Только привычка — вторая натура. Так у вас, людей, говорят.

— А зачем вышел из леса, если и табак у нас плохой, и бабы дуры?

— Любишь ты, Савелий, подковырнуть! — затрясся от смеха дед, схватившись за бока.

— И ты, знаю, возможности не упустишь!

— Точно! Это по мне. А что до табака и баб…Положим, бабы-то как раз встречаются всякие. Марфу помнишь, что пропала семь лет назад?

— Как не помнить! — кивнул Савелий. — Двоюродная сестра она мне. Волки её задрали.

— Куда волки! — отмахнулся дед. — Жива она по сей день. Только тут, в лесу обитает. Назад возвращаться не хочет. Жизнь у неё среди людей не шибко сладилась, а я люб оказался, да и хозяйственный, чтоб ты знал! — Он насмешливо повертел полы куртки. — Это у меня повседневная, а есть ещё парадно-выходная. Только в лесу она без надобности, сам понимаешь.

— Так что Марфа-то? — напомнил Савелий.

— А что она? Ушла со мной. Я ей всю правду открыл, не таясь, потому как вижу — готова она к ней, не заробеет. К слову-то сказать, мало среди вас, людей, кто хочет слышать правду-то. Она пострашнее ядерной войны кажется.

— Ума я не приложу, чего тебе самому среди нас надобно? — Савелий опять сощурился. Всё это время кузнец стоял, как истукан, и слушал, не веря собственным ушам. Правда, мало-помалу приходил в себя. Деда он знал не очень хорошо, не часто случалось пересекаться. Поэтому с ног сбило не его волшебное превращение в лешака, а известие, куда забралась нечисть лесная — под самый бок человека.

— Таким уж я уродился. В семье самый маленький был. Брат-то мой, тутошний Леший, громила двухметровая. А я — сам посмотри…

— Медведя-то он за тебя забил, что ли? — усмехнулся Савелий. — Прибедняешься, дед.

— Правду говоришь, того косолапого порешил без чужой помощи. Не со зла, конечно, а по необходимости. Во всем ведь есть свой резон. Не просто так разбудили его в ту зиму. Гордыня спать мешала. Сильным себя почувствовал, к спячке не подготовился, кишечник не прочистил. Это встречается не только среди зверей. Люди тоже от своей значимости, бывает, с ума сходят. Только не объяснишь им словами. Чтобы в себя прийти, толчок нужен. Иногда такой, что голову напрочь. Это уже не нами решается, а тем, кто всем верховодит. — Старик показал пальцем на небо. Потом, помолчав секунду, продолжил:

— А что до моего выхода из леса, так объяснить сложно. Показалось мне, что коли скоро культура ваша сама себя изживёт, нужно узнать о ней не понаслышке, чтобы детям донести. Знание — оно и в лесу ценится. Брат мой, конечно, немного другого мнения. По-вашему, ретроград он и старый пердун. Только читать всё равно научился и поговорить с ним можно, если в настроении будет.

— Выходит, за знаниями потянулись? — удивился Савелий.

— Так, пожалуй. Опять же, жизнь лесная супротив вашей скучна будет. Если кто непривычный, так с тоски помереть можно. Общаться со зверьём, конечно, увлекательно, только

страстей, подобных человечьим, здесь не найти. По-простому всё у животных, без изысков. Ну, выбивается в стае новый вожак… ну, загрызёт прежнего, потому как двум самцам у руля не место. Потом самки сами к нему тянутся: он ведь и производитель лучший, если сила в нём играет.

— У людей иначе всё, — согласился Савелий. — Сложнее.

— То-то и оно. А мне ведь интересно это до жути. Как в прежние годы сериал посмотреть. Не думай, что я пеньком на отшибе живу. Про всех знаю, ни одна свежая сплетня мимо не проскочит.

— Тогда и о деле нашем тоже слышал, дядя Васюк, — насупившись, вступил в разговор Никола. — Или как тебя величать правильно-то…

— Так и называй. Привычно мне это имя. Да ничего в нём зазорного нет.

— Имя как имя, — согласился Савелий. — Не хуже других будет.

— Вот и я о том же… — Дед, наконец, выкурил трубку, выбил о пенёк и аккуратно спрятал в грудной карман. — Что до дела вашего, то известно мне и о нём тоже. Знал я, что мимо меня не пройдёте, поэтому и встречу нашу организовал здесь. Чтобы процесс ускорить, — пояснил он, отвечая на удивлённый взгляд кузнеца. — Потому как помощи, которой вы от меня ждёте, оказать вам не могу. Путей, ведущих в преисподнюю, множество. У бесов, почитай, в каждом селе по десять отнорков имеется. Найти-то я их найду, а вот с открыванием проблемка. Нет у меня ключа, чтобы вот так взять — да и снять с них замки. И запоры там не железные, как вы сами понимаете, отмычкой ничего не сделаешь. Заклинание надобно произнести соответствующее. А мне по штанному расписанию знать его не положено. Не потому, что проштрафился я чем-то среди прочей нечисти, а просто природа наша с бесами совершенно разная. И возможности тоже. Пересекаемся только по необходимости. Для них пакости творить — что квасу испить в жаркий день. Нам же те лишь для выживания требуются.

— Чтобы не прознал про вас никто. А прознавших, стало быть, сгубить! — Савелий покачал головой. Впрочем, язвинки в его голове не было, и о собственной безопасности он сейчас не думал. Задачка им с Николой досталась, похоже, намного сложнее, чем предполагалось прежде.

— Не берите близко к сердцу! Вас это не касается, — отмахнулся старик. — Хотя, конечно, и не без того. Только я не договорил. Сам, может, и не помогу ничем, поскольку, как леший, слабоват, и совершенствоваться на этом поприще давно перестал.

А вот брат мой — другое дело. В тонкостях волшебства он сведущ больше. И живёт сейчас у него женщина одна — огонь-баба. Вот для неё, по-моему, вообще преград не существует.

— Ведьма? — спросил Савелий. Ему, совсем недавно столкнувшемуся с понятиями «чёрт» и «леший», осваиваться дальше было уже проще.

— И весьма знатная! — уважительно ответил дед и тут же спохватился, — Да вы её знать должны, а как же иначе! — И он усмехнулся во весь рот.

— Кто же такая? — Савелий потерялся в догадках.

— Мать Николы, Степанида Ивановна.

Тут уж гостям пришлось обоим рты открывать. А между тем Васюк вкратце рассказал некоторые подробности из жизни бухгалтера на селе, пояснил, откуда появились способности Степаниды к колдовству, и ещё раз подтвердил, что успехи её удивительны и многообещающи.

— Выходит, она не в райцентр к родне ходит? — догадался, наконец, Никола.

— Точно, — подтвердил дед. — К брату моему. У них идиллия полная. Только вот перебраться в лес Степанида не желает. Внуки держат. Подрастут, определятся в жизни, а там, говорит, посмотрим.

Кузнец кивнул. Это было похоже на мать, человек она семейный и ответственный.

— Стало быть, ты можешь нас до неё проводить? — поинтересовался Савелий.

— Дорогу покажу, не заблудитесь. Шагать всего ничего — через час будете на месте. Правда, если в другой раз захотите снова пройти тем же путем, то можете в болоте сгинуть. Кикимора тутошняя шибко людей не любит.

— О, Господи! — сказал Никола, перекрестившись. Неровен час, столкнёшься с такой напастью на узкой тропинке.

— Сегодня я оберегу вас. Можете не сомневаться.

— Мы и не сомневаемся. — Савелий поправил не очень густую бороду. — Мужик ты честный.

— Да, и ещё, пока вспомнил… — Дед посмотрел на кузнеца с сочувствием. — Не хотелось бы говорить, да придётся. Честность — она ведь и в плохом, и в хорошем одинакова, так ведь?

— Так-то оно так, дядя Васюк. А что сказать-то хотел? — напрягся Никола.

— А вот что. Если хочешь жену свою в чувство привести, одна тебе дорога — в Кикиморово болото. Только она знает, как болезнь излечить, что на Оксану твою навалилась. Мне неведомо и это.

— А маме? — с надеждой в голосе спросил кузнец.

— Яблоко то чёрту Кикимора дала. Ей и ответ держать. А как ты её уговаривать будешь, вопрос открытый. Боюсь, угрозами ничего не добьёшься. У себя дома старая карга самого дьявола не боится. Там каждая травинка на её стороне. А уж поднять утопленников да войско из них сколотить — для неё раз плюнуть. Любого в куски разорвут. Им ведь там, в топи, несладко живётся. Скукотища заела. На мир посмотреть даже пустыми глазницами за радость… Нет, не одолеешь её силой. Можешь попытаться хитростью, потому что жалость она тоже не признает. Суровая старуха. К тому же себе на уме.

Савелий вздохнул и почесал затылок. Лицо его с каждой минутой становилось всё более серьёзным.

— Да, загрузил ты нас, дед! — сказал он в сердцах. — Напугал даже. Но делать нечего. Никто другой не пойдёт дело делать.

— Это верно. И уж коли ввязались в него, зубы зажмите и не скрипите от страха. Думаю, впереди насмотритесь всякого. Человеку такое во сне не привидится, — подтвердил Васюк и показал рукой в сторону. — Вот тропинка пошла. Идите и не сворачивайте. Это главное условие. Читали, небось, детские книжки? За каждым деревом ждёт вас волк зубастый или кровосос, вставший из могилы! — И он в который раз хохотнул, так что даже подпрыгнул на пеньке. — Встретимся на селе, если Бог даст.

— А как же нам обратно вернуться? — спохватился вдруг Никола.

— Если не повезёт — пешком. Ведь в подполе у меня обыкновенный портал, к тому же односторонний. Второй в берлоге моей находится, где мы с Марфой живём. Можете заглянуть, если ноги топтать захочется. Но, думаю, брат подсобит, не откажется по-родственному! — И вот тут его затрясло, будто на телеге по разбитой дороге ехал.

— Ну, и шутки у тебя, Васюк! — фыркнул Савелий и потянул опешившего кузнеца за рукав. — Пошли, хлопец, время не ждёт… Спасибо за содействие, однако!

— Не на чем, люди добрые! — отозвался уже издалека старик, и вскоре густая листва подлеска скрыла его из вида.

Тропа уверенно бежала между деревьев, и спутники, переваривая только что услышанное, торопливо зашагали вперёд.

8

Яблочко заманчиво переливалось румяными боками. Библейское, предложенное когда-то дьяволом Адаму и Еве, ему в подметки не годилось. То, как поговаривали, и не вызрело совсем — поэтому у съевших его мозги набекрень повело, и червоточинку на боку имело — оттого и пробило первых людей на излишества.

А лежащее на столе испускало такой аромат, что слюнки текли. Не чета лимону! Бывало, залезешь по осени в подпол, где в ящиках Никола раскладывал садовый урожай — вот так же пахло. Нет, сейчас вкуснее!

Оксана только краешком сознания успела подивиться, откуда в начале лета мог взяться на её столе необыкновенный плод. А рука уже потянулась, схватила ярко-красное чудо, поднесла ко рту — и…

Первый же кусок застрял в горле. Почувствовала девушка неладное, закричать хотела — а уж поздно было. Перехватило дыхание, будто удавкой — ни вздохнуть, ни выдохнуть. Сознание мутнеть начало. Кинулась Оксана к двери, чтобы детей предупредить об опасности, потому как повеяло ей в лицо неземным холодом, и ясно стало — волшебное яблоко, заговорённое. Только последнее, что успела сделать — оттолкнуть его от себя, чтобы закатилось под кровать. Хотя бы Алёшенька с Настенькой не найдут! А потом упала на пол, провалившись в сон без сновидений.

Но упало лишь её тело. Душа, знавшая о том, что произойдёт, да не сумевшая достучаться до ума, рванулась — и поднялась под потолок.

Удивительно было смотреть на себя, лежащую в нелепой позе. Оксана снизилась, попыталась растормошить, схватиться за ухо — не получилось. Душа оказалась неспособной на это.

Зато, всмотревшись в глубину своей сущности, обнаружила там множество новых возможностей. Могла она, к примеру, по велению мысли перенестись в пространстве и увидеть то, что её интересует. Естественно, первым делом метнулась к детям — а те уже в руках у чёрта, и стоит тот на краю трещины, уходящей в землю. Ад! Было от чего содрогнуться! Простому человеку позволительно туда попасть только с провожатым, а вот ей — можно.

Не успела она это сделать. Замешкалась. То ли раздумывала слишком долго, то ли испуг сковал — увидела девушка Николу, слышала их разговор с нечистым, и закрылись врата перед самым

её носом. А потом уже билась она, проклиная саму себя, бросалась на прогоревшую траву, надеясь проломить свод преисподней — всё бесполезно. Не поддались запоры. И даже разгадать их секрет при всей своей прозорливости Оксана не смогла.

Попыталась докричаться до мужа, но охватила его паника, внутренний же голос замолчал. А лишь с ним и можно было общаться, потому как сознание для таких целей не предназначено. Торопясь, перенеслась девушка в дом свекрови и узнала, что та в очередной раз гостит у Лешего. Рванулась туда — и застала Степаниду за работой бумажной. Неотрывной, будто клей. Тогда и поняла, что всё произошло не случайно. Хорошо спланированная месть — вот что это такое.

Тут впору самой запаниковать. Перед мысленным взором замелькали странные образы: горящие костры, шипящее масло на раскалённых сковородах… крики грешников — страдающих и только ожидающих своей очереди. И посреди этого ужаса — два беззащитных существа с раскрасневшимися от слёз глазами, изнемогающие от непрерывного плача… Закровоточила грудь Оксаны. Точнее, то место, где у человека обычно находится сердце.

Между тем поднялась она над крышами домов, и окинула взглядом село. И будто пробило её током!

Дома стояли несколькими порядками, разбегаясь от неширокой площади возле пожарного пруда, оставшегося ещё с советских времен. Здесь проводилось большинство общих собраний, недалеко жил и сельский староста. А чуть поодаль, как-то несуразно, отдельно от других, находился так называемый «Матрёнин конец».

Это был ряд домов, выстроенных уже во времена разгула демократии, когда каждый творил, что душе угодно. Ни о какой геометрической точности в выборе места для новостроек тут не задумывались. Мало того, что участки оказались бесформенными, так ещё и народ, поселившийся тут, не отличался сознательностью. Прежде их называли презрительным словом — «дачники». Теперь такого понятия уже не существовало, но фраза «моя хата с краю — ничего не знаю» лучше всего их характеризовала.

И самый последний дом в этом порядке принадлежал Матрёне.

На первый взгляд это была ничем не примечательная старуха. Возможно, слишком ворчливая да крикливая, голосом зливша гусей на другом конце деревни — этакая Перепелиха в возрасте. Её не приглашали на общественные работы: стара уже, а на

собраниях сам староста плевался первым, когда она со своей клюкой расталкивала людей, норовя пробраться на его место. Любила она костерить всех без разбора — чаще без дела, поэтому как на серьёзную критику слова её не тянули. Народ уже старался не давать ей голоса, и даже собрания распускали по этой причине.

Матрёна знала, что люди её недолюбливают. Только и она их не шибко жаловала. То придёт к кому-нибудь в огород, раззавидуется на огурцы — на другой день могут те пожелтеть от фитофтороза. Или скот норовила чужой погладить. Потом болел он и умирал от неведомых болезней. Глаз у старухи считался чёрным, и это было замечено не впервой.

Но никто на селе не знал, кем на самом деле является Матрёна.

А, поднявшись над крышами домов, Оксана вдруг почувствовала, что приходит к ней некое знание, которое не может она пока ни опровергнуть, ни подтвердить. И говорит это знание, что Матрёна первейшая в округе чёрная ведьма. Что болтали люди про её недобрый глаз, было лишь каплей в море из того, что на самом деле вытворяла эта чертовка.

Впрочем, знание пришло, разложилось по полочкам — и отпала надобность размусоливать его в мелочах. Лишь особо выпукло очертилась мысль: умеет старуха говорить с душами умерших. Медиум, стало быть, со стажем. А раз так — и её, Оксану услышит. Во всяком случае, стоило попытаться.

Ринулась девушка с высоты, по привычке облетая стоящие в проезде тополя.

Матрёнин дом был одним из самых новых в селе. Выстроила его бригада гастарбайтеров с юго-востока за копейки, потому что выбор в то время у них был маленький — либо грабить и убивать русское население, либо попытаться продать ему свой копеечный труд. Предпочитали беженцы вначале второе, а уже потом, в годы революции, плавно перешли к первому. Ну, и поплатились за это поголовно: не любят на Руси разбойников.

Помнится, имелись тогда у Матрёны ещё и родственники: дочь, зять с детьми. Только часть из них быстро перебралась на местное кладбище, а последняя внучка подалась в далёкие края. Не захотела жить с бабкой. Та уж очень не любила её молодых ухажеров! Разве что колотушкой не прогоняла.

Оставшись одна, старуха почти полгода не выходила из дома, проживая старые запасы. Думала, наверно, помереть и больше не мучаться. А Бог не прибирал, пришлось со временем и кур снова завести, и картошку сажать несколько соток. Правда, землю копать мужиков нанимала за самогон. Откуда у неё спиртное,

никто вопросом не задавался.

Так всё выглядело с точки зрения простого обывателя. Оксане же привиделось, что изжила старуха всю родню, используя чёрную магию и забирая оставшиеся годы жизни в своё пользование. А внучка, сбежавшая было с глаз долой, всё-таки сгинула в случайном и нелепом пожаре. Для магии нет предела в расстоянии.

В последние годы, сделав основательный запас будущего, старуха взялась продвигаться в постижении колдовских наук. Она общалась не только с духами, но умела вызывать разных тварей, о существовании которых люди и не подозревали. Мысленно представив себе одну из них, Оксана содрогнулась. Впрочем, из каких глубин вылезают эти чудовища, трудно вообразить.

И поняла вдруг девушка, что, общаясь и привечая чудищ потустороннего мира, Матрёна сама начинает походить на них. Внешне это почти не отражалось — разве что становилась старая карга ещё более раздражительной да нетерпимой. А взгляни особым зрением — и мурашки по спине бегут. Ни дать ни взять, смесь динозавра и птеродактиля. Только с добавлением осьминожьих щупалец и крабовых клешней.

Но ведь Оксане с ней не детей крестить, а всего лишь вопрос прояснить надобно. Этим себя и успокоила. Увидела открытое окошко — и впорхнула туда, сложив ручки, чтобы протиснуться сподручней. Забылась, что нет теперь для её преград в этом мире… Кроме одной. О том и думала речь вести.

Старуха сидела за столом, покрытым белой скатертью, и смотрела в тарелку, по которой катился клубок ниток. Комната была на удивление чистой и опрятной. Мебель совсем не дряхлая, какую полагалось в представлении людей иметь ведьме, а занавески и вовсе новые, тюлевые, к тому же стираные недавно.

— Фу, кто это воздух портит? — Хозяйка вдруг поморщилась, прищурившись, и упёрлась глазами прямо в Оксану, невесомо присевшую на стул напротив.

— Это я, бабка Матрёна. — Сказала, а сама подумала: должно быть, чудно это выглядит со стороны. Нет у неё тела, нет и губ. Странная речь-то получается. Впрочем, старуха оказалась действительно из бывалых. Недовольно сморщившись — чуть не чихнула, пробормотала:

— А, это ты… Почуяла я, что не мертвятиной пахнуло. Зачем баламутишь? Не спится спокойно, что ли? Мужика позови, он тебе мигом снотворное даст.

— Не поможет мне сейчас мужик-то! Усыпили меня коварно, волшебством беспробудным.

Старуха удивлённо вскинула брови и даже отставила

тарелку.

— Это как понимать?

— Чёрт яблочко подложил заговорённое.

— Ты его надкусила, стало быть?

— Да.

— Что же не остереглась-то, дуреха? Неужто головы на плечах нет? Ладно, я такой фокус с зятем родным проделала. Ему простительно, он человек недалёкий… тьфу, вернее, далёкий от всего этого был.

— Пахло оно свежестью, — опустив голову, в своё оправдание сказала Оксана.

— Ясно дело, не дерьмом собачьим! Как же ещё привлечь, если не запахом? Даже баба мужика запахом манит, хотя глупые люди считают, что лицом красивым да фигурой точёной. — Она задумалась на секунду, потом снова заговорила: — Только зря ты ко мне пришла, красавица. Не могу я чужое волшебство исправить. А если бы и могла, всё равно не стала бы. Не в моих правилах помогать людям.

— Я не за тем пришла, — перебила её Оксана. — Другое у меня горе.

Старуха хмыкнула и приготовилась слушать. Впрочем, на лице её не отразилось никаких чувств.

— Чёрт украл детей и спрятал в преисподней. Дорогу хочу туда узнать.

Хозяйка даже присвистнула от удивлёния.

— Эк, чего удумала!

— Пропадут они, горемычные. Слышала я, человеку там долго не выдержать.

Матрёна скривилась, будто от зубной боли: похоже, знала она, что не всё так однозначно, как считает девушка, но переубеждать не стала.

— Мне бы пробраться туда, спасти их …

— Попасть в ад проще, чем выйти оттуда. Это нужно знать, прежде чем полезешь. Может, дети твои и в опасности, но не в такой, как будешь ты, перебравшись через ворота.

Оксана гневно сверкнула глазами, и воздух вокруг мигом наэлектризовался.

— У меня хватит сил постоять за себя!

Старуха взглянула на неё внимательнее, склонила голову, пробормотав про себя что-то, потом покусала губу и ответила:

— Похоже, чёрт тебя недооценивал. Что ж, ему и ответ за это держать. Могу я кое-что сделать, отчаянная ты головушка. Только есть одна загвоздка. — Она подняла для важности указательный палец. — Очень давно я обещала одному… гм…в общем, много

лет уже никому не помогаю даром. Понимаешь меня? Тот, кому я дала клятву, тоже расплачивается золотом.

Девушка взвилась под потолок от возбуждения.

— Говори, что тебе надо?

— Ишь, ты, какая прыткая! — хохотнула старуха, откинувшись на стуле. — Того, что я хочу иметь, достать очень трудно. Не скажу, что это штучный товар, потому что в аду его найдётся достаточно. Но и там он на дороге не валяется. Это масло, на котором жарят самых больших грешников! — Она сделала упор на слове «самых». — Не маргарин, не рыбий жир!.. А как называется, сейчас тебе не скажу. Попадёшь вниз — сама узнаешь. Только пообещай мне, что не возвратишься назад без наполненной бутылочки.

— Обещаю, — кивнула Оксана. У неё мелькнула мысль, что, не отыщи она нужную вещь, в крайнем случае, останется там навеки сама, но детей спасёт.

Будто угадав, о чём думает собеседница, Матрёна ухмыльнулась, поднялась и подошла к серванту. Там отодвинула один из ящиков, покопалась в нём, и, взяв что-то с собой, направилась к выходу. Шаги её были тяжелыми, и тапки шаркали по половицам.

— Пойдём со мной. Нечего в доме дымить.

Они миновали гостиную, сени, вышли во двор, пересекли его и оказались в курятнике. Большое, намного больше надобности, помещение было засыпано клочками соломы пополам с куриным помётом. Вдоль стены тянулся двухэтажный насест, а чуть поодаль — короб для цыплят. Не обращая внимания на рванувшихся к ней кур, Матрёна заковыляла к дальнему углу, где, остановившись, отмахнулась от комара и произнесла, обращаясь к следующей за ней по пятам Оксане:

— Здесь ворота, под нами…

9

Шли Никола с попом, как и обещал Васюк, около часа. За это время пугал их лес звуками непонятными, доносящимися, казалось, из-под каждого куста. Рычание слышалось, фырканье, так что Савелию вспомнилась «Пропавшая грамота» Гоголя, где бесы принимали разные обличья и смущали добрых людей. Он крестился непрестанно, даже прочел несколько молитв по памяти. То ли благодаря им, то ли по обещанию деда, только разбойных нападений на них никто не совершал. Разок лишь птичка с вершин деревьев испачкала Савелию штаны.

— Да Бог с ними, со штанами-то! — отмахнулся тот, обращаясь к кузнецу. — Лишь бы душеньку не замарать.

Обмозговали они, как смогли, слова Васюка, подивились им, и сделали вывод, что нет согласия среди нечистой силы. Одна живёт вдоль, другая поперёк. А коли так — то человек над ней верх взять может, потому что склонны люди к единению.

— Правда, не всегда так было, — добавил Савелий, вспоминая прошедшие годы смуты.

Когда с левой стороны трава высокая появилась, и подлесок поредел, стало понятно, что приближается болото. И вдруг такой жуткий вопль оттуда донёсся, что кровь у путников в жилах застыла. Ещё секунду — и бросились бы они бежать, куда глаза глядят, но вовремя Никола в себя пришёл, схватил товарища за рукав. Побледнели оба, лица испариной покрылись. Дыхание, не ровен час, оборвётся вместе с сердцебиением… Постояли, пар выпустили, потом бочком, бочком дальше пошли, стараясь уже говорить шёпотом.

А через четверть часа и на полянку вышли, совсем неприметную. Посреди дуб стоит, а возле него, пригорюнившись, великан двухметровый бородой обмахивается. И лицо у него не то опечаленное, не то озадаченное. Одет он в такие же шкуры, что и Васюк, а вместо тапочек домашних — сапоги кожаные, красной нитью прошитые.

— Здравствуй, хозяин великодушный! — приветствовал его Савелий, понимая, что лучше немного польстить, чем сразу испортить отношения.

Тот повернул к ним удивлённое лицо, будто топором рубленное из цельного куска дерева, вскинул брови, а потом вдруг кивнул и ответил:

— И вам здравия, добрые люди.

— Мы к тебе с поклоном от брата! — предупреждая следующий вопрос Лешего, произнёс Савелий. — Виделись с ним,

часа не прошло.

— Вот как! Что же, проходите, гостями будете. — Со стороны могло показаться, что удивлён старик немало. — Только, прощения прошу, выбрали вы не самое лучшее время.

— Если занят, можем мы подождать до завтра, — предложил всё так же дипломатично Савелий.

Леший поморщился, как от зубной боли, и покачал седой головой, отчего его нечесаная грива мотнулась подобно львиной.

— Не во мне дело. Баба моя… — Он вздохнул, затрудняясь описать ситуацию во всех красках. — В общем, вожжа ей под хвост попала.

— Степаниде? — изумлённо воскликнул Савелий. — Неужто? Душевностью всегда женщина отличалась.

Лицо старика немного просветлело, и показалось гостям, что морщины на нём сами собой стали расправляться:

— Так вы те самые…Кузнец, что ли? — Ткнув пальцем в сторону Николы, спросил он.

— Он и есть, — отозвался тот.

— Родственничек, значит… А ты, стало быть, поп доморощенный? — Хозяин перевёл взгляд на второго собеседника.

— Точно.

— В таком случае, скрывать мне от вас нечего. — И он досадливо махнул рукой. — С ума сошла Степанида Ивановна. Как есть, сошла.

— Ох, Боже мой! Ещё этого не хватало! — У Савелия даже глаза округлились, точно не поверил.

— Сейчас увидите сами. Входите.

Леший неприметным жестом отдал команду двери, и ствол дерева у самого основания располовинился, часть отодвинулась в сторону, открывая проход в землянку. Он вошёл первым, чтобы не смущать гостей, и через секунду те последовали за ним.

Густой полумрак скрыл вначале все детали помещения. Лишь тускло светящиеся пузырьки, как показалось Савелию, заполненные насекомыми, разгоняли темноту под потолком. Через несколько секунд глаза свыклись, и тогда взгляду представилась удивительная картина.

Всё нехитро обставленное помещение, включая и не зажжённый камин, завалено обрывками листов бумаги. Та заполняла и лежанки, тянущиеся вдоль стены наподобие тюремных нар, и кухонный стеллаж, больше напоминающий слесарный верстак (только тисков не хватало). Не говоря уже про пол, скамьи и большой дубовый стол посреди берлоги, за которым и восседала Степанида Ивановна. Рядом с ней высилась

кучка стружек от карандашей, их же огрызки и ещё несколько стопок листов, исчерканных вдоль и поперёк. Канцелярские принадлежностям уже не хватало места, и они располагались на скамьях по обе стороны стола. Древние счёты с костяшками, не переставая, издавали стрекочущие звуки наподобие очередей скорострельного пулемёта.

— Кто же придумал покупать такую хренотень? От неё же одни убытки! — бормотала женщина приглушённым голосом, при этом сгорбившись и вытянув вперёд шею. Через мгновение она выпрямлялась, будто лом проглатывала, и ехидно отвечала сама себе, но уже гнусаво и скрипуче:

— А ты что думала, Зинаида, в рай попала, что ли? Если начальник дебил, то отчёт сдать всегда проблема. То накладную взять забудет, что счёт-фактуру не выпишет. Подгоняй после него ответ, как первоклассница. А потом ещё требует, чтобы налог скрывали!

— Какой, к дьяволу, налог! — опять включался первый голос, и Степанида Ивановна снова горбилась. — Да нас с вами посадят, девоньки, поверьте моему слову. Если у шефа нет денег, чтобы купить компьютер с принтером, отмазывать он нас однозначно не станет.

— Спасение утопающих — дело рук самих утопающих! — встряло в разговор третье лицо — и Степанида Ивановна скроила такую мину, будто лимон откусила, не макнув его в сахар. — Давно я вам говорила: бежать надо отсюда. Вокруг полно фирм открылось, за такие гроши пристроиться-то можно.

Когда в диалоге возникла пауза, Степанида Ивановна посмотрела на вошедших и вдруг расплылась в широкой улыбке.

— Сынок! Что, маму потерял? Нас тут изверг и басурман один эксплуатирует. Отчёт ему подавай квартальный! Ни сверхурочных, ни отгулов. Но ты не переживай, Коля, уже доканчиваем мы его. Баланс подбить осталось.

Кузнец не знал, что и ответить. Степанида Ивановна поднялась, посмотрев уничижительным взглядом на Лешего, и подошла к сыну, при этом вызывающе покачивая бёдрами. Савелий крякнул от души и пробормотал вполголоса:

— Хороша, чертовка!

Поцеловав Николу, женщина нахмурилась и сказала:

— Придётся потерпеть. Вернусь через недельку. Суп на плите, курицу купишь сам. Бери охлаждённую, она вкуснее.

После снова направилась к столу, по дороге ущипнув Лешего за мягкое место, так что тот даже охнул от неожиданности. Усевшись на скамью, она мгновенно отключилась от всего мира и забормотала что-то о сводных справках.

Хозяин кивком головы пригласил гостей выйти из берлоги. Они опять последовали за ним, обескураженные и расстроенные.

— И давно это с ней случилось? — спросил Никола, едва вдохнув свежего воздуха.

— Два дня тому назад.

— Сдаётся мне, без нечистого и тут не обошлось, — высказал предположение Савелий. — Я не эксперт из криминального отдела, в почерках не силён, но…

— Правильно говоришь, — оборвал его Леший, и в двух словах описал свой разговор с чёртом. — А что из этого вышло, вы и сами видели, — закончил он.

Тяжёлая тишина повисла над поляной. Только сопение Николы разносилось вокруг. Всё, решительно всё предусмотрел его соперник. Нанёс удар не в бровь, а ниже пояса. Повалил, осталось лишь добить…

— Поговаривал брат твой, что более ты сведущ в колдовстве-то, — немного погодя произнёс Савелий, обращаясь к старику. — Можешь показать, где находятся ворота, ведущие в ад? Намекнул он про Степаниду — мол, это ей как стакан воды выпить. Но раз такое с бабой приключилось, вывели её из строя, не разъяснишь ли сам?

Леший покачал головой:

— Я хозяин только в своём лесу. Спросите, где какая трава растёт, под каким кустом заяц нору вырыл, сколько волков в каждой стае обитает — отвечу, не задумываясь. Потому как новостями владею всеми. А про чёртово логово вообще мало что знаю. Никогда не надобно мне было это. Слышал, конечно, о воротах-то, только не видел их никогда.

Ещё гуще тишина нависла. Даже кузнец сопеть перестал. Отчаяние и обида улетучиваться стали, а место их в душе пока не заполнилось ничем.

— Степанида, думаю, скоро в себя придёт, — наконец нарушил молчание хозяин. — Сама она говорит про завершение, будто намеки даёт. Может, дождётесь?

— Нет у нас времени ждать, — отозвался Никола, понурив голову. — Дети пропадают.

— Ну, что ж… — Леший вздохнул. — Коли сам я ничем помочь не могу, и, вышло так, мать твою одурманил, покажу дорогу до супруги своей бывшей, Кикиморы болотной. Может, она что подскажет. Но сам я не в ладах с нею, уже, почитай, лет десять. Встречаемся, бывает, но из разговоров только «здравствуй» да «прощай». Поэтому, извини — провожать не стану. Но предупредить хочу по-доброму: не любит она людей, поэтому назад вернуться шансов мало. В топи сгноить или гнуса

лесного натравить — это её любимое занятие. Много у Кикиморы забав, только все они для человека плохо заканчиваются. Поэтому подумай прежде семь раз, а затем уж режь.

Тотчас звук раздался со стороны трясины тягучий — похоже, газ выходил. Посмотрел Никола в ту сторону и сказал твёрдо, словно давно решение принял:

— Всё к тому выходит, что мимо Кикиморы не пройдёшь. Надобность в ней у меня имеется. Но один я отправляюсь, дядя Савелий. Не резон обоим смерть искать. У тебя жена на сносях.

— Может, и так, хлопец, — кивнул тот, и лицо его сделалось серьёзным, даже трагичным. Да и соответствовало моменту, надо сказать!

— Что ж, коли определились, покажу тропу самую короткую, — кивнул и Леший. — Не впервой мне по ней людей направлять. Кто-то сам гибели ищет, им и терять нечего. А другие, вроде, и пожили бы ещё, да страсти не дают покоя. Как вам, например. Против судьбы восстаёте, слово своё хотите вперёд высказать. Может, и получается у кого такое, Кикимора доклада не делает, только сдаётся мне, утопленничков у неё всё прибывает…

Поёжился Никола от этих слов, впору хоть решение меняй. Но характер ему достался от матери, а та Лешим помыкала, не то, что людьми. Поэтому скрипнул зубами, чертыхнулся, не к месту будь помянуто — и будто в холодную воду бросился:

— Показывай тропку заветную. Кроме жизни, терять мне уж нечего. Ни жены, ни детей, ни матери не оставил мне враг поганый.

Леший, повернувшись к лесу, махнул рукой — и тотчас расступились деревья, открыв взгляду неширокую просеку.

— По ней иди. Недалеко тут.

— Прощайте. Не поминайте лихом, если что… — Была бы у кузнеца шапка, бросил бы о землю, а теперь просто повернулся и зашагал, как мог твёрдо, потому что ноги сами несли в другую сторону. Да и вправду, чего размусоливать с расставанием? Не девки красные — каждый понимает, на что человек идёт. Коли слёзы лить да сопли по щекам мазать — легче умирать не станет. Это в театре сцену разыгрывают, чтобы драматизму нагнать.

Оставшись на полянке, посмотрел Леший ему вослед и сказал обыденно, будто с привычкой уже:

— Помолись за него, поп. Смерть за ним по пятам увязалась. Косу, знать, вострит.

Кивнув, принялся Савелий читать святые тексты, крестясь через каждую строчку. А когда закончил, спросил у него старик:

— Сам-то куда думаешь?

— Домой хотелось бы, если не возражаешь, любезный хозяин, — отозвался Савелий, будто с соседом через забор общаясь.

— Чего же мне возражать. Ступай вот к тому дереву, — и ткнул пальцем в недалеко стоящую сосну. — Там дом твой.

— Благодарствую. — Савелий, постояв немного в раздумьях, крякнул и направился к сосне. Но, по дороге остановившись, оглянулся и произнёс по-мужицки откровенно:

— Обманул тебя чёрт. Официанткой Степанида смотрелась бы лучше. — И пояснил свою мысль: — Юбки те короче носят, да и сговорчивей по натуре.

Осмыслил Леший его слова, кивнул:

— Учту в другой раз.

— Тогда привет ей передавай, когда в себя придёт.

Сказав так, Савелий сделал ещё пару шагов — и пропал, будто не было его на поляне никогда. Только следы на траве остались.

10

В последние годы жизнь Кикиморы сделалась скучнее. Народ к ней дорогу почти позабыл. После развала социализма был он поставлен в тяжёлые условия, и чтобы выжить, стал вводить в рацион подножный корм. Это и грибы, и ягоды лесные. Клюква считалась лучшим средством против всех болезней, собирали её не в пример больше обычного. Соответственно, и людишки во владения старухи заходили охотнее. Случались годы засушливые, даже пожароопасные. Выгорали леса сотнями гектаров. Лешие не могли с огнем справиться, хотя магией соответствующей владели. И останавливали пожар только рвы с дорогами, а особо — болота. Там и грибочки в самую сушь слой-другой выбрасывали, и гонобобель с черникой интерес поддерживали. Словом, клиент шёл.

Случались в те времена дни, когда удавалось старухе приют дать сразу целым семьям. То мужа в трясину загонит, а тех, кто с ним приехал, ночь для своего развлечения по кочкам таскает, а под утро всё-таки утопит. То детишек миражом заманивала — родители сами следом ползли. Весело жилось!

А потом и вовсе гражданская началась. В партизаны народ подался. По лесам скрывались деревнями — чтобы чумовые армейские не спалили вместе с избами. Известное дело, где можно прожить-то легче: возле озер. А оттуда до болота рукой подать, ведь из одного источника питаются водоёмы.

К слову, имела всегда Кикимора особую привязанность до людей в погонах. Подневольные они. Ещё в спокойные годы чуть лето наступает — солдатики размещаются по лесным квартирам. С техникой окапываются. А это самое подходящее дело, чтобы прибрать их к рукам. Танки-то, хоть и водоплавающие считались, по болотам ползали условно. А провалится в топь — сложно к нему подступиться, чтобы обратно вытянуть. Рискованно и даже чревато. Так что иной раз к танкистам и техперсонал прибавлялся.

Пехотинцы с автоматами полюбились старухе. Дадут им направление, куда идти, а тропку-то безопасную никто не покажет. Десятками гибли. Кикиморе с молодыми даже интересно — задор из них ещё не вышел: ерепенились, права качали, когда она их навещать приходила. Не знали ведь ещё, что утопленников даже в аду особо не жалуют. И если не пошлёт она заявку в Высший суд, никто за них и на том свете беспокоиться не станет, не только на этом. Вот и приноровилась старая народ у себя оставлять. Во-первых, вечера коротать есть с кем, во-вторых,

что она за царица, если подданных не имеет.

Вторая гражданская понравилась ей даже больше, чем первая. Люди в стародавние времена были тёмными, поговорить не о чем. А потом цивилизация рывок сделала: и оружие изобрела любопытное, и побочные средства самоуничтожения внедрила. Так Кикимора честно своим утопшим говорила: избавились, мол, вы от напасти гораздо большей. Радуйтесь! Скоро времена настанут — резать брат брата начнет. Грызть землю народ будет, как в Великую Отечественную. За ржаной колосок смертью лютой угрожать. Только мёртвого, понятно, этими страхами не проймёшь. Ему — пусть мучиться, лишь бы небо коптить. Рады были вернуться, но не прокрутишь жизнь назад, это не киноплёнка.

Опять же, если рассудить здраво, люди к ней попадали не с бухты-барахты. Грешники, в основном, да такие, что жарь их на сковороде тридцать лет и три года, а всё равно дурь не выкоптишь до конца. Но осознание собственной греховности до новичков долго доходило, потом каялись они, наверно. Впрочем, цель-то старухина — не столько им насолить или перевоспитать, сколько потребность душевную в смертоубийстве удовлетворить да одиночество скрасить. Не собиралась она тащить с собой весь этот мусор на Страшный суд. Думала так: придёт ей черед ноги протянуть — отпустит всех разом. Пущай черти разбираются, кто есть кто, а с неё взятки гладки.

Вечерами опускалась она в топи, и, пробираясь между сплетениями трав, как между могилками на кладбище, заглядывала в лицо своим трофеям. Каждого ведь по имени знала, из историй их могла книжку написать. Бормотание слушала, в разговоры вступала. Но не любила проповеди читать. Её дело — суд Божий вершить, а с душами пусть потом другие занимаются. Тем более что сама отъявленная убийца и кровосос. Случалось, младенцев варила да ела. Но не со зла, конечно, а по природе своей сволочной. Уродилась она такою, и в факте своего существования тоже видела высший промысел.

Вообще, к старости потянуло Кикимору на философию, и сделала она неожиданный для себя вывод. Не зря были созданы по одну сторону люди, а по другую — нечисть разная. Для равновесия всё. Про этот закон слышала она неоднократно, даже в книжках, случаем добытых, читала, но сути не понимала. А потом вдруг прочувствовала — и будто глаза открыла. Не численностью людей призвана управлять нечисть. Совсем иное предназначение её. Дело в том, что принципы бытия у тех и других разные. Одни служат для созидания, а другие — для сохранения. И только в том случае равновесие работать начинает,

когда каждая сторона свою миссию честно исполняет. Дело людей — создавая биомассу, ещё и сознание общественное развивать в правильном направлении. Как следствие — принимать нравственные законы, объединяться по внешним и внутренним принципам. То есть разрастаться по всем осям. По образу и подобию Вселенной. А случись наоборот — превращается человечество в средство уничтожения не только самого себя, но и окружающего мира. То есть в раковую опухоль. Поэтому если в первом случае дело нечисти сводится к помощи людям — где подставить хвост плешивый, чтобы упал, но до конца не разбился; где показательно провалить в болото, но позволить выбраться, тем самым подвигнув человека к внутреннему изменению и даже перерождению. Во втором же приходится приступать к изничтожению, чтобы угрозу для всей Вселенной ликвидировать. Потому как в этом случае превращалась нечисть в доблестных санитаров и защитников Вселенского порядка. Становилась участниками крестового похода.

По сей причине угрызений совести Кикимора никогда не испытывала. Это было не в её принципах.

Кроме всего прочего, слыла она в узких кругах тёткой непредсказуемой и упрямой. Имея своё мнение, меняла его редко. Черти недолюбливали её за принципиальность, и уже перестали выпрашивать пару душонок в конце года, если не сходился их собственный баланс. В помощи другим Кикимора особого прока не видела, поскольку сама чужой помощью никогда не пользовалась. В крайнем случае, действовала по правилу «дашь на дашь».

Хозяйство она вела скромное. Никаких излишеств. Тем более что раздобыть их делалось всё труднее. Любила только настойки да наливки изготавливать. Ягоды, слава Богу, хватало; помощников, чтобы собрать её, тоже. Чернику с земляникой забраживала, потом перегоняла. Вино не уважала: для моей души, говорит, крепенькое лучше идёт. А вот клюковку ценила особо: и вкусно, и для здоровья полезно.

Выпьет, бывало, вечерами — и давай песни горланить. Утопленники подпевают, потому как скучно век коротать в безрадостности. Вой такой поднимается, что зверьё от болот прочь бежит без оглядки. В эти минуты, раззадорив себя, могла старуха голыми руками и лося взрослого завалить. Видно, жизнь её бабья не сложилась, злая она сделалась на мужиков-то…

К этой душегубке и направлялся Никола. Сам того не подозревая, шёл смерти навстречу. Вернее, брела та за его спиной, простуженно кашляя да подправляя косу точилом, только кузнец этого не слышал. Он вообще мало что соображал в ту

минуту, когда вокруг него лес закончился, а болото — вот оно, расстелилось бескрайним полем.

Сердце у парня замерло в груди — не шелохнётся. Дыхание тоже пропало. Ни дать ни взять — мертвец. Только глаза блестят упрямым огнём, да болезненный румянец на щеках играет. Что дальше делать, не придумает никак. Вперёд лезть — рискует утонуть прежде, чем с Кикиморой встретится. А после смерти-то — на что ему их беседа!

И вдруг смех услышал девичий. Словно серебро покатилось по каменному полу — звонко, раскатисто. Оглянулся Никола — слева березняк на краю болота поднимается — как будто оттуда доносится человеческий голос. Двинулся медленно, потому что предупреждён был Лешим. И точно, среди ветвей мелькнул платок красный да метнулся в сторону топей.

Насупился кузнец, остановился и крикнул:

— Не морочь мне голову, я знаю, кто ты!

Смех тотчас смолк, а после некоторой паузы послышался в кустах шорох, и вышла оттуда девушка, от красоты которой можно было бы ослепнуть. Впрочем, это касалось только тех, кто что-то видел вокруг. Никола же весь в мыслях об Оксане был — ничего не разбирал.

Незнакомка очень робко взглянула на парня и спросила:

— Подглядываешь, как девушки купаются? Не стыдно?

Она была одета в лёгкое платьице. В таких тёплыми вечерами деревенские девки без всяких купальников на пруд ходят. Парням за радость: наполовину прозрачно оно в мокром виде! Если тело пышное — есть, на что пялится. На незнакомке платье-то ещё сухим было. А поверх платок розовел — для красоты и форсу. Лицо и фигура будто из мрамора выточены — ни дать, ни взять, богиня лесная или нимфа. И босиком! Это по шишкам-то…

— Мне стыдиться нечего, — угрюмо ответил Никола. — Отсмотрел я своё за девками-то. Поздно уже.

— Что же, старым себя считаешь? — Она прыснула в ладошку. — Посмотрись в воду!

— Уволь, к воде не подойду, пока слово не дашь, что не утащишь меня в неё. — Сказал, а сам даже вздрогнул — а ну как обидел хозяйку здешнюю с первых слов? Далеко ему ещё до Савелия Игнатьевича, тот настоящий дипломат — посольством бы руководить. Только это не его война, а за себя биться придётся кузнецу в одиночку.

— Что, и слову моему поверишь? — Она насмешливо сощурила глаза.

— Слышал я, не обманщица ты, — ответил Никола.

— А что ещё люди болтают?

Вздохнув, как перед прыжком в прорубь, он выдохнул:

— От мужа я твоего иду… бывшего… Если ещё помнишь его.

Хмыкнула девушка и подошла ближе, уже не притворяясь.

— Коли так, могу я тебе обещать, что в дом свой провожу. А там как карта ляжет. — Она взглянула куда-то за его плечо и улыбнулась неприметно, только уголками рта. Губы её блестели заманчиво и романтично. Был бы Никола в другом настроении, непременно обратил бы на них внимание.

— Ступай за мной и ничего не бойся пока…

Сказала — и лёгкой, почти невесомой походкой двинулась в обход березняка прямиком к первым клюквенным кочкам. Перекрестился кузнец мысленно — и поспешил за ней, стараясь ступать след в след.

Не видел он, как старуха с косой, фыркнув и брезгливо глядя себе под ноги, тоже побрела за ним по болоту.

11

Дорогой девушка молчала, но Николу это даже обрадовало. Если здесь говорить да отвлекаться, можно, не ровен час, с тропы свалиться. А тропинка, похоже, только одной Кикиморе и известна была. Правда, потом оказалось, что не тропа это вовсе. В том смысле, что не существовала она как брод между берегом и домом на сваях.

Убедиться ему в этом пришлось, когда захлюпало под ногами. Взглянул кузнец в сторону — а из-под воды бледные лица смотрят распухшими глазницами. Утопленники! Возможно, будущие товарищи по несчастью. Испугался он пуще прежнего, только когда что-то делаешь, страх меньше в душу проникает. Стоял бы пнём — обязательно получил разрыв сердца, а тут задержал дыхание, почувствовал, как к горлу содержимое желудка подкатывает — но, слава Богу, переборол себя.

А девушка иногда назад оборачивается и усмехается загадочно. Ясное дело, в своей вотчине чувствует себя хозяйкой, а его считает блохой незначимой. Не потому, что сила у неё большая имеется в руках — про то Никола не знал ничего, а вот волшебством она всё вокруг опутала. Каждая травинка сейчас имела крепость мостка, потому и выдерживала их, даже не прогибаясь. А задумай он сейчас обратно в одиночку пройти — тут ему и конец придёт неминуемый. Глубина под ним, почитай, сто метров, не меньше. Славились здешние болота бездонностью.

То справа, то слева иногда вырывались пузыри, бередя поверхность топей и пугая гостя. Дом появился впереди неожиданно — будто не было его вовсе, а миновали они какой-то рубеж — и стало видно. Охранное заклинание, не иначе, чтобы с берега чужой взгляд жилище не разглядел и вопросами лишними не стал задаваться.

По мере приближения всё больше щемило сердце у Николы. Своими силами ему отсюда не выбраться. Оставалось полагаться на чудо.

Поднялись они по ступенькам на твёрдый настил, и тут вздохнул он с некоторым облегчением. Пусть не спасение, но всё-таки какое-то прибежище. Точно палуба корабля в бескрайнем океане — не сбежать с неё…

— Ну, милости прошу! — Девушка отворила дверь избы и пропустила кузнеца первым. — Я здесь свой век коротаю.

— И не похоже, чтобы весело, — заметил Никола, осматривая дом и с удивлением обнаружив, что он и построен мастерски, и очень даже неплохо обставлен. — Для молодой девки-то.

— Ну, если тебе окажется по нраву мой настоящий облик, то могу показать и его. — Хозяйка, мгновенно крутанувшись вокруг себя, замерла, и Николе сделалось ещё больше не по себе. Вот уж встретить такую на кладбище — поседеешь прежде времени.

Кикимора сделалась страшною старухой, немного сгорбленной, одетой, конечно, не в живописные лохмотья, как баба Яга из памятного всем фильма «Морозко», но не в джинсы и даже не в новый сарафан. Что-то в бабушкином сундуке, может, и напомнило бы её наряд, только даже бабушки в прежние годы на Руси одевались в брюки да рубашки с открытым воротом. Впрочем, деревенский народ жил попроще и победнее городских.

Лицо её бороздили морщины, а верхняя губа под крючковатым носом открывала несколько гнилых зубов с зеленоватым налётом. Осклабившись во весь рот, Кикимора хихикнула довольным скрипучим голосом:

— Как я тебе, добрый человек? Не нравлюсь?

— Отчего же… — буркнул Никола. Другого он, пожалуй, и не воображал. — Бабка как бабка. Крепкая ещё для своих лет. — Сказал, а сам испугался: не любят женщины говорить про возраст. И точно, задело это хозяйку — фыркнула она:

— Думаешь, старая карга?

— Не думал, — попытался оправдаться кузнец. — К слову пришлось.

— Ну-ну, — зловеще произнесла собеседница, повернувшись и направившись к столу. Тот в ожидании гостя был пуст…

Знал бы Никола, что готовит она угощение только тем, с кем ей поговорить хочется, провалился бы сквозь пол сам, без чужой помощи. Слава Богу, не знал. Не ведал и того, что за стол этот первою Смерть присела, прислонив косу свою к серванту.

— Что-то не видно в твоём доме яблочек наливных, хозяйка, — оглядевшись, спросил кузнец. Ведь он, в сущности, сюда и явился, чтобы выяснить этот вопрос.

— А зачем они мне? — хмыкнула Кикимора. — Зубов-то осталось мало. А те, что есть, болят. Яблоки грызть молодым к лицу. — То ли намекала она издевательски на жену Николы, то ли действительно сетовала, было непонятно, но кузнец, раз вступив на опасную дорожку, решил с неё уже не сходить.

— Слышал я, другим ты их дарить мастерица, — сказал, а сам за настроением собеседницы следит. В себя приходить стал Никола, почувствовал, знать, опасность. Без полной отдачи всех сил не одолеть ему Кикимору, потому как настроена она далеко не миролюбиво. Иначе не обернулась бы старухой.

— Про что людишки говорят, мне неведомо, да и неинтересно, — отмахнулась она. — Ты вот — главная моя забота

нынче.

— А что я, — пожал плечами гость. — По твоим меркам, наверно, такой же, как и все…

— Это мы сейчас проверим, — пообещала старуха, скривив рот так, будто повело его заболеванием каким. И в тот же миг половицы разошлись под ногами кузнеца, и полетел он вниз, как мешок с навозом. Уцепиться успел за края люка, а ноги над самой водой повисли. Замер Никола на мгновение, осмотрелся, как мог — а под ним трясина. Другого, впрочем, и быть не могло. Но самое неприятное — тянулись к нему из воды чьи-то руки в количестве не меньше десятка, так что даже поверхность воды бурлила. И лица слуг Кикиморовых рассмотреть оказалось возможным. Страшные они — кто-то высох, кого-то, напротив, вширь раздало. И глаза мёртвые, невидящие…

Вой оттуда послышался жуткий, будто голодные звери добычу почуяли. Старуха даже не обернулась поначалу, прибирала на столе — то ли чашки ставила, то ли варенье в вазочку перекладывала.

Понял кузнец: это ещё не самое страшное, что его может сегодня ожидать. Напрягся, отпихнул ухватившиеся за пятку пальцы, и подтянулся на руках. Лёг грудью на пол, отдышался, потом ноги подтянул.

— Присаживайся, мил человек, — между тем спокойно произнесла старуха. — Наверно, проголодался с дороги. Сейчас чаёк пить будем. — А сама три чашки поставила, словно ещё гостя ждала.

Обратил внимание Никола на это, но промолчал, побоялся заново Кикимору сердить. Может, таких ловушек у неё в доме понаставлено множество. Другая, не ровен час, сработает удачнее.

— Я до людей некоторую слабость питаю, — пояснила хозяйка, направившись к кухонному серванту. — Особенно мастеровых уважаю. Они мне про все свои хитрости профессиональные рассказывают. А я страсть как люблю послушать да разобраться в этом. Вот ты, например, кузнец?

— Кузнец, — кивнул Никола.

— А кузнецов у меня ещё не было. Редко они нынче по болотам хаживают да заботу пытают.

— Если интересно что, спрашивай, я с тобой и так поделюсь. Для этого нет надобности человека в топь затаскивать.

— Не скажи, любезный! — хохотнула старуха. — Иные и после смерти секреты свои утаить стараются. Есть тут, к примеру, один физик-ядерщик. Почитай, три года отмалчивался, какой-то подпиской мне в лицо тыкал. Невыездной, говорит, я, поэтому и

сказать ничего не имею права. Потом срок прошёл, разговорила я его. Много чего человек знает!

— Зачем тебе эти знания-то? — спросил Никола. Голос его помимо воли звучал угрюмо.

— А зачем они вообще нужны? Ты вот, помимо своего ремесла, имеешь желание что-то узнать?

— Имею. Затем и пришёл сюда.

— То-то и оно, что пришёл. А мне и ходить никуда не нужно — все сами являются. Любопытно, что в мире творится. Прежде вот никто и не слышал про ядерное оружие, калайдеры да генную инженерию.

— Вас, нечисть лесную, не в обиду будет сказано, тоже никто не видел отродясь, — ответил Никола. — Только из сказок и слышали. Хоронились надёжно. А теперь — поди ж ты! — на всех углах встречаемся.

— И то верно! — осклабилась старуха. — Каждому свои знания достаются… Так, говоришь, про яблочки наливные тебе интересно? — Она ни с того, ни с сего вернулась к прежней теме.

— Интересно.

— А многим ли за секрет заплатить готов? — Кикимора поставила на стол тарелку свежей выпечки.

— Что спросишь, говори!

— А если жизнь твою?

Кузнец покачал головой:

— На что мне такой секрет, если воспользоваться я им не смогу?

— Тоже верно, — кивнула она и предложила: — Ну, присаживайся. — И стала наливать чай из принесённого чайника — опять в три чашки.

— Кто же с нами за столом соседствовать будет? — не удержавшись, спросил Никола. — Или ещё ждёшь кого?

— Да все тут, просто ты не видишь, — отмахнулась карга. — Но уж коли жить тебе осталось не больше часа, просвещу… — Она будто водой на него с пальцев брызнула — и увидел кузнец рядом с собой ещё одну старуху. Одета та в серый плащ с капюшоном, и лица её было почти не разглядеть. Только костяная челюсть выступала. Да по косе, прислонённой рядом, догадался обо всём Никола.

12

Смерть это была его. Такую невозможно не узнать: при виде её внутри сердечко стынуть стало. Значит, не обманула Кикимора, действительно решила покончить с ним. Каким способом — уже не важно. В чужой монастырь со своими порядками не приходят. Скажут: полезай в печь — и полезешь, потому что волшебство здесь всё решает, а не человеческая воля.

Ощутил Никола мгновенное отчаяние, какое только в ступор может человека завести, а свет в конце тоннеля не обещает. Обида в душе всколыхнулась на долю свою горемычную да судьбу бестолковую. Умереть, не сделав главного в жизни — не выручив жены и детей. Того, в чём предназначение мужика состоит, природой заложенное.

Великое унижение почувствовал кузнец, только под глыбами разочарования и безнадёги шевельнулось ещё что-то в душе. Может, вера человека в разумность Сущего: не случается ничего в этом мире без определённого назначения, и хотя зачастую скрыто оно от понимания людского, всё равно имеется и верховодит над всем. Даже над нечистью, колдовством наделённою. А раз так, то в любой, самой трудной и нелепой ситуации, скрыт высший смысл. И ключ к его разгадке в том, чтобы надоедливое отчаяние из сердца отринуть. Принять всё, как есть, и попытаться сделать хотя бы то, что первое придёт в голову.

И стала набухать внутри кузнеца злость, только уже спортивная. Как говорят на Руси, помирать, так с музыкой. Переменилось что-то в нём после жуткого знакомства, будто на мир немного с другой точки зрения посмотрел. Случается такое даже со зверем, когда припрёшь его к стенке, и остаётся у него выбор — либо умереть в бою, либо сложить лапки и сгинуть бесславно. Мало-мальски уважающий себя хищник выбирает первое, и славную какофонию перед кончиной устраивает.

Расправились плечи у Николы, желваки на скулах заходили. Явный признак, что боевой дух в нём просыпается. И хотя выбор действий не сильно богат — в штыковую пойти, как матросы первой гражданской, или хитрость какую измыслить — уже заработала голова. Даже задышалось легче.

— Давно за мной ходишь, старая? — спросил вторую гостью.

— От самой берлоги лесной. — Скрипнула та, немного откинув с лица капюшон. Череп пустыми глазницами внимательно рассматривал собеседника.

— А ну, как не захочу я с тобой пойти? — Озорно сказал, а сам костяшками пальцев хрустнул, точно боксёр перед боем.

— Кто же тебя спросит? — ухмыльнулась Кикимора. Принял во внимание ответ кузнец, но продолжил разговор со Смертью:

— Наверно, косу-то затупила о людские ребра?

— Почитай, лет сто не отбивала, — согласилась она.

— А если отобью да заточу — отпустишь? — Никола тем временем уже примирялся взглядом к косе. Кто знает, может, сейчас только ловкость да быстрота позволят справиться с двумя старухами.

— Вопрос не ко мне. — Смерть кивнула на хозяйку дома.

— Для неё у меня подарок особый будет. — Никола глаза сузил, чтобы не разгадали его намерения.

— Это что ты, красавчик, удумал? — всплеснула руками Кикимора. — Драку, что ли, затеешь?

— Зачем драку? Зубы тебе намерен вышибить.

— О Господи!

— Да ты, хозяйка, не бойся, — пояснил кузнец. — Не со зла. Помочь тебе хочу с гнилью расстаться. Улыбка твоя страшна очень. Точно упыриная.

Старухи удивлённо переглянулись, и Кикимора уточнила:

— Дантистом, что ли, работал прежде?

— Нет, как был кузнецом, так и остался. Но опыт в этом деле кое-какой имею. Выкую тебе железные, чтобы можно бревна перепиливать.

— Что-то я в толк не возьму… А как же они держаться будут?

— На присосках! А вживить решишь — своим мастерством пользуйся, тут я тебе не советчик. Или обратись к брату Лешего, деду Васюку, он по части здоровья дока великий. Свои-то зубы у него точно у жеребёнка — ровные да белые.

— Может, чистит чем? — спросила Смерть, и, открыв рот, залезла туда костяной пятерней. Похоже, у неё тоже имелись проблемы.

— Спросите потом. Ну, что, договорились? — С этими словами Никола подхватил косу, примерился, ладно ли лежит в руке, да принялся крутить ею, как хворостинкой, прямо перед собеседницами. Конечно, испугать их было трудно, но и это оказался маленький плюс в его сторону.

— Хорошо работаешь, — похвалила Смерть. — В помощники мне пойти не согласишься? — И хохотнула впервые за разговор. Похоже, тот налаживался.

— Пошёл бы, да своих дел невпроворот, — честно признался Никола.

— Ну, ладно, давайте чайку попьём, — спохватилась Кикимора. — Остынет.

Они хлебнули, взялись за баранки домашние.

— Давненько такой командировки не было, — откинувшись на спинку стула, произнесла Смерть. — Обычно всё впопыхах да второпях. Ни поговорить с человеком, ни посидеть с трубкой… Вжик поперёк грудины — и через плечо да на солнышко.

Оказалось, она ещё и курит.

— Ну, что, хозяйка, делать будем?

Кикимора, конечно, посомневалась чуток для приличия, но ведь невооружённым взглядом видно, как морщится, когда твёрдый кусок в дупло попадает. Махнула рукой — согласна.

— Посмотрим на твоё мастерство, кузнец.

Тот в ответ попросил:

— Давай молоток и зубило. Только договоримся — без подвоха. Не люблю я, когда в самый неподходящий момент пол под ногами моль съедает.

— Скажи, чего тебе надобно, а потом в сундучке вон том бери, — предложила старуха. — Не простой он, с изюминкой, как у вас говорят. Самобранка, только для мастеровой среды. Хочешь, напильник выправит, хочешь — стамеску.

Кивнул Никола и принялся перечислять необходимое. Когда половина комнаты оказалась завалена железом, Смерть почесала затылок и озадаченно проговорила:

— У меня работа проще…

Перетащил кузнец всё в чулан, кликнул Кикимору окна открыть, дров принести да зажёг огонь в горниле. Пока угли нагорали, установил наковальню и разобрал молоточки, щипцы и прочие вещицы. Потом попросил хозяйку открыть рот и внимательно его изучил.

— Тебе железные или золотые? — спросил лишь.

— Ты мастер, сам и думай, чтобы лучше вышло, — пожала плечами та, невольно скалясь, потому как чувствовала, что вскорости придётся со своим старческим достоянием расстаться.

— Если форсить будешь, то выбирай золото. А из соображений долговечности…

— Из них, милый, из соображений… — кивнула Кикимора. — Давненько я мозговых косточек не грызла, — повернувшись ко второй старухе, посетовала она. — Всё вырезка, да и та помягче. А душа-то просит иногда…

Расстарался кузнец, стучал вдохновенно, как только в ожидании смерти выходит, и получились у него чудные зубы — острые да прочные, клинок дамасской стали перекусят, не заметив. В масле калил индустриальном, ещё с советским знаком качества. Осмотрел он их — если и не шедевр, то всё равно работа неплохая. Самому нравится. Вышел с готовыми челюстями довольный, смахнул пот с лица и говорит:

— Ну, бабки, принимайте работу! — И прежде, чем те рот открыли от удивлёния, подхватил косу, заложил промеж челюстей да щелкнул ими от души. С печальным звоном коса приказала долго жить.

— Что же ты натворил, окаянный? — возмутилась тотчас Смерть, всплеснув костяшками рук, но Кикимора встала на защиту мужика:

— Как же, по-твоему, он товар лицом представит?

— Лучше бы сервант погрыз!

— Дерево кусать особой доблести нет, — резонно отозвался Никола. — Оно, как известно, ответить не может. А косу я тебя новую скую… Если договоримся, конечно.

— Вот она, современная молодёжь! — сокрушённо покачала головой Смерть. — Через тебя мне без работы остаться — раз плюнуть.

— Говорю же — не переживай, дело поправимое! — повторил кузнец. — Посмотри на это старьё: точить уже нечего, металл весь вышел. А вернёшься с новой — авторитет промеж подруг завоюешь. И у меня заказов прибавится.

— А как же отчёт по сегодняшней заявке? — ворчливо спросила старуха, посмотрев на Кикимору. — Снимаешь её, стало быть?

Та, посмотрев ещё раз на новенькие блестящие зубы в руках Николы, вздохнула, будто тяжело ей это решение давалось, и махнула рукой:

— Снимаю, бес с ним живёт!

— Дело того стоит, — кивнула Смерть и обратилась к кузнецу: — А теперь, парень, мной займись. Зубы пока не прошу, а косу организуй.

Никола поднял с пола припасённую заранее заготовку — хитёр, оказывается, мужик, будто в воду глядел! — осмотрел её критически, одобрительно что-то пробормотал и на сундук покосился. Потом сказал без улыбки, на полном серьёзе:

— Вы тут пошушукайтесь пока. Вернусь — зубы рвать будем…

Ближе к полночи разбужен оказался лес нечеловеческими воплями, перемежающимися горестными всхлипами и продолжительными стенаниями. Закачались вековые сосны, будто их бурей к земле клонило. Подлесок — тот и вовсе местами повалило. Звери, после очередного дня забравшиеся в норы, в страхе прижимали хвосты и уши. Они-то догадались по голосу, кого бессонница мучает. Совы, вылетевшие на охоту, зажмурились и долго не могли открыть от ужаса глаза. Являлась Кикимора на болоте царицей, и когда становилось ей плохо, у

всех, кто жил рядом с ней, дело тоже должно было обернуться лихом.

Не сказать, чтобы имелись у неё все зубы. Часть их давно выпала с жёстким мясом, часть обломалась и едва выглядывала из челюсти. Тем болезненнее оказалось вырывать их. Использовал для этой цели Никола и нить шёлковую, и пассатижи, и пальцы свои крепкие. А чтобы боль сделалась терпимою, уговорил Кикимору принять обезболивающие триста грамм. Старуха после них заметно повеселела, но и орала громче да охотнее. Впрочем, кто тут мог её в этом упрекнуть?

Смерть только головой качала от удивления да иногда длинными ногтями проводила по наточенной, как бритва, новой косе. Та в руках пела и просилась в дело. А потом старуха просто ушла, не попрощавшись и оставив недопитую чашку с чаем. На блюдце вывалила несколько порций выкуренного табака, и тот вонял в помещении, разбавляя запах гноя из дёсен хозяйки. После завершения операции продезинфицировала Кикимора рот самогоном, полезла в шкафчик, достала оттуда флакон какой-то особенный, фигурный, отхлебнула из него, и через четверть часа заявила:

— Я готова испробовать твоё изделие, кузнец.

Подивился тот, но вспомнил, что на нечисти все раны зарастают не в пример быстрее человечьих, и протянул ей новые челюсти.

Пришлись они точно впору, так что комар носа не подточит. Округлились глаза у хозяйки, зачмокала она, примеряясь, что бы куснуть, потом взяла метлу домашнюю — и одолела с первого раза. Черенок даже хрустнуть не успел, как оказался располовинен. Потом настала очередь корневища, лежащего возле входа. Он за несколько движений был превращён в горстку щепок.

Глаза старухи разгорелись, прямо помолодела вся.

— Ну, спасибо тебе, кузнец, за такой подарок. Проси, чего хочешь!

И тогда снова сделался Никола суровым и неулыбчивым. Тряхнул кудрями и произнёс:

— Пришёл я к тебе с просьбой, хозяйка. Скажи мне, как жену ото сна разбудить. Слыхал я, что это ты яблоко-то заговорённое передала чёрту.

Усмехнулась старуха, да радость её была такова, что удержу уже не стало:

— Так и быть, научу. Хитрости особой нет. Застрял в горле кусок. Положи Оксану к себе на колени, да не забудь лицом вниз повернуть. А потом промеж лопаток с силой и ударь! Поможет

это.

Никола озадаченно почесал затылок. Уж больно лекарство простенькое.

— Не сомневайся. Не обманываю я напрасно. Если не поможет, покрой меня матом — явлюсь я, подсоблю самолично.

Кивнул кузнец, обдумывая, что дальше сказать. Щекотливая ситуация. С одной стороны, пошла хозяйка болот ему навстречу, лицом повернулась, а с другой — надолго ли её расположения хватит? Но решился-таки, через минуту спросил снова:

— А не подскажешь, как ворота в ад открыть? Надобно мне детишек своих оттуда выручить.

— Извини, чего не знаю, того не знаю, — развела руками старуха. Слава Богу, восприняла его просьбу спокойно, хоть и не помогла. — Не по моей это части. Одно скажу: на болоте нет таких ворот, о которых бы я не знала. Стало быть, здесь тебе искать бесполезно.

Пригорюнился Никола, а хозяйка, вдруг снова крутанувшись на месте, обернулась прежней красавицей и заулыбалась приветливо так, радушно. И печаль его развеять попыталась:

— Ты молодой ещё, найдёшь другую женщину, родит она тебе детей. Эка беда!

Не стал ей ничего объяснять кузнец, только головой покачал и попросил отправить его обратно к Лешему.

— Или, если не трудно, то прямо в село. Страсть как душа по Оксане болит.

— Удивляюсь я на вас, людей, — пожала плечами Кикимора. — Чем я хуже? Она, небось, после родов-то располнела да обрюзгла, а у меня кожа — кровь с молоком.

— Не понять тебе, хозяйка, — ответил Никола, — души русской. Мы ведь однолюбы.

— Кто же тебе мешает любить сегодня одну, и завтра одну… только другую?

Но, видя непоколебимость гостя, сдалась, наконец.

— Приготовься, — говорит. — Сейчас отправлять буду. Кстати, и инструменты можешь с собой взять. Сгодятся ведь они тебе, верно?

— Сгодятся, если подаришь, — согласился Никола. — Кое-чего у меня не хватает для тонких работ. Сундук твой — редкостное чудо.

— Сама знаю, — кивнула девушка. — Но скажи в конце, не робей: нравлюсь я тебе в этом обличье?

Никола задумался на секунду, потом бросил, будто украдкой, взгляд на собеседницу, окинув её при этом с головы до ног, и откровенно ответил:

— Хороша ты, спору нет. Только грудь нужно подтянуть немного, потому как на кормящую мать похожа. Висит она у тебя. Мужика нормального это отрезвляет.

Она помолчала, оценивая его слова, кивнула с улыбкой и произнесла:

— Тогда откровенность за откровенность. Из уважения к твоей матери хотела я сегодня тебя съесть. Слышала в детстве, что, поедая печень, перенимаешь чужие опыт и умения. Сама для себя никак не могу ни доказать это, ни опровергнуть. Но на всякий случай всех мастеровых людей пропускаю через котёл.

— Дикий это обычай, варварский, — отозвался Никола. — Папуасы тоже врагов ели, чтобы их храбрость к ним перешла. Лучше бы учились чему-нибудь, чтобы умом разжиться.

Девушка хихикнула, но, похоже, осталась в хорошем расположении духа.

— Прощай, кузнец. Потешил ты меня сегодня. Не припомню случая, чтобы кто-то ушёл отсюда живым в последние сто лет. Но мнения моего о людях ты не изменил.

— Не старался.

— Передавай привет матери. Умная она у тебя. Пусть заглянет как-нибудь, потолкуем. Думаю, найдётся, о чем…

— Спасибо, передам. Позволь ещё, хозяйка, совет дать, покуда ты в таком обличье юном. С прежнем-то на откровенности не тянет.

— Говори, раз начал.

— Заведи себе мужика хорошего, постоянного да делового. Будешь только бабьи вопросы решать, а остальные на его плечи переложишь. Не потребуется тебе чужую печень-то поедать. Да и то сказать, зверья в округе не хватает, что ли?

Она задумалась на секунду, потом кивнула — мол, принимаю к сведению, но обещать ничего не стану, потом показала в один из углов комнаты:

— Иди туда. Домой попадёшь…

— Без обмана? — спросил на всякий случай Никола.

— А то! — И она звонко да заливисто расхохоталась, потешаясь над его осторожностью…

13

Мысленно зажмурилась душа Оксаны, проваливаясь в дышащую огнём трещину, только не ощутила особого дискомфорта. Лишь в первое мгновение будто через кольцо пламенное проскочила. А дальше бушующие языки и вовсе муляжом оказались — подсветкой искусной. Они мелькали перед ней всё время, пока совершалось падение, но успевала девушка рассмотреть, что это фонари, возможно, даже электрические.

Колодец, по которому она спускалась, точно в лифте, был глубиной никак не меньше сотни метров. Вначале показались, что он прорублен в единой каменной плите, но позже, при детальном рассмотрении, выяснилось, что каменные блоки так тщательно подогнаны друг к другу. На месте девушки любой мужик фыркнул бы: даже до бетонных колец не додумались! Но вдаваться в технические подробности Оксана не стала. Сейчас её заботило другое.

Опустившись до самого дна, она вдруг ощутила под ногами твёрдую поверхность. Удивившись и тронув рукой ближайшую стену, поняла, что может чувствовать здесь вещи. Они казались ей прохладными. Порадовавшись этому обстоятельству (всё-таки привычнее, что ни говори), осмотрелась.

Перед ней начинался плохо освещённый коридор, с небольшим наклоном уводящий ещё ниже, в глубь земли. Поскольку обратной дороги не было — решила действовать в одиночку, так крепись! — то выбирать не приходилось.

Осторожно ступая и стараясь не производить лишнего шума, Оксана двинулась вперёд.

Коридор тянулся недолго — через полсотни метров раздвоился, потом ещё раз. И пришлось девушке идти по наитию, поскольку плана местности у неё не было. Дело осложнялось тем, что боялась она идти напролом: если чувствует себя телесной, значит, и ловушки разнообразные на пути могут быть ей опасны, и охрана, не ровен час, расставлена окажется. А заявлять о своём присутствии раньше времени не хотелось, думалось вначале провести разведку.

Первый звук она услышала, уже достаточно углубившись и запутавшись в поворотах. Теперь, даже если бы хотела, обратной дороги не нашла бы. Пробравшись ближе, увидела впереди небольшую пещерку, в которой, помимо огромной кучи угля, обнаружила копошащегося с лопатой щуплого молодого беса. Кроме подштанников, из одежды на нём ничего не имелось, зато шею отягощала огромная золотая цепь, периодически издававшая

мелодичное позвякивание. Впрочем, основной шум происходил оттого, что чёрт подгребал уголь к квадратному отверстию в стене и иногда ловким движением забрасывал туда порцию-другую. При этом недовольно бормотал какие-то ругательства, но в чей адрес, Оксане разобрать не удалось.

План взять языка созрел у неё мгновенно. Осмотрев свои руки, не обнаружила она особых мускулов, но положилась на везение да бабью ловкость. Кроме того, должен был сработать ещё один момент неожиданности: девушка-то оказалась совершенно голой. Отделившись от тела, она сохранила его формы и красоту, а вот запастись какой ни на есть одеждой не сподобилась. Впрочем, в этой части подземелья царила довольно сильная жара, и, верно, раздетых бегало сколько угодно.

Несмотря на опасения, вышло всё достаточно эффектно. Оксана подкралась как можно ближе, пользуясь шумом, который создавал работяга, и неожиданно громко сказала:

— Эй!

Вздрогнувший бес обернулся и даже сел на уголь от неожиданности. Лопата оказалась воткнута в кучу, и девушка, ухватившись за неё, сильно рванула на себя. А потом, коротко размахнувшись, ударила чёрта железной частью по голове. Тот, как подкошенный, рухнул и даже скатился до самого каменного пола. Повозившись немного, стащила с него Оксана подштанники, брезгливо поморщилась, но надела на себя. Чёрта закопала в уголь, оставив торчать только рогатую голову. Потом, осмотревшись, увидела в углу кувшин с водой, напилась сама и полила на плешь пленнику. Тот быстро очнулся.

— Сколько пальцев? — спросила девушка, показав руку.

— Три! — просипел чёрт, мотая головой и стараясь понять, что с ним произошло.

— Значит, жить будешь. Хочешь ещё лопатой? — Для убедительности она опять замахнулась — на этот раз от души.

Собеседник торопливо закачал головой.

— Говорить станешь, или за смертью посылать? — У Оксаны, кажется, и хрипотца появилась в голосе — ни дать, ни взять, героиня эпоса.

— Скажу! — снова сипнул бес. — Только цепь не отнимай.

— Не надобно мне твоё золото. Знаешь меня?

Нет, не знал тот, кто она такая. Это радовало. Значит, не ждут её, и лишних подвохов не привидится. При условии соблюдения строжайшей скрытности, конечно.

— Сегодня ночью двоих детей принесли сюда. Живыми. Где они?

— Сюда живым не пробраться! — попытался было пискнуть

чёрт, но девушка поиграла лопатой в руке, и он ответил конкретнее: — Не надо, не надо!.. Не видел я их сам, только слышал. Унесли их на первый ярус. Там обычно пленников держат.

— Зачем они здесь? — сурово спросила Оксана. — Измываться да издеваться?

— Как будто выкуп хотят получить…

— Какой?

Бес вдруг расплылся в глуповатой улыбке и ответил, точно пропел:

— Известно, какой… У нас один товар для расчёта.

— Как же пройти на первый ярус? И на каком мы сейчас находимся?

— На верхнем. А первый под нами. Если идти, держась освещённых коридоров, выйдешь в большой зал. Там лестница есть.

— Спасибо. Ты мне больше не нужен. Отдохни. — С этими словами она размахнулась-таки и отвесила пленнику такой поклон, что у того и голова повисла. Потрогала шею — жилка бьётся, значит, жив. Временно о ней никто не узнает. Не пришла ещё пора показываться.

Замерла на мгновение — криков не слышно. Двинулась дальше, оставив лопату работнику: очнётся ведь, а у него, небось, плановое задание…

Коридоры действительно продолжали разбегаться в разные стороны, но хорошо освещённым оказался только один из них. На стенах висели факелы, коптя и потрескивая. Всё-таки электричеством здесь не пахло.

Залы сменяли друг друга, и девушка отмечала в памяти их особенности — больше автоматически, чем по необходимости. Один оказался расписан охрой, и изображения по большей части были срамными. В следующем тоже особым целомудрием не пахло, но художники хотя бы одели персонажей. То ли богов с богинями, то ли чудищ каких-то. Тела на людские похожи, а вместо человеческих голов птичьи да звериные. И одежды на них напялены чудные, теперь такие не носят. В третьей пещере колодец обнаружился бездонный, и оттуда сыростью пахнуло и плесенью, а ещё звуки донеслись неведомые. Кто их издавал, девушка выяснять не стала.

А вот когда почувствовала запах жареной пищи, остановилась, и обдумать свои действия присела. Что, если это уже место, где грешников мучают? Судя по дымку, тянущемуся из коридоров, вытяжка тут поганая. Криков только почему-то не слышно. В любом случае, осторожность не помешает…

Прижимаясь к стене, выглянула Оксана из-за угла, и увидела небольшой зал, очень напоминающий кухню. Только грешников не заметила. Жарились куски мяса, шипя и подпрыгивая на сковородах. Между горячими плитами бес ходил в белом колпаке, с половниками в руках. Он поднимал крышки баков, принюхивался, пробовал кончиком языка и продолжал мерить помещение шагами. Повар!

Осмотрев кухню внимательнее, увидела девушка распахнутую дверь, а за ней — ещё один зал, уставленный скамьями да столами. Стало быть, тут черти трапезничают.

По всему выходило, что особой опасности пока не предвиделось. Но попробовать проскочить столовую стороной значило рискнуть заблудиться и потерять направление в хитросплетении переходов.

Не раздумывая больше, пошла она вперёд, нахмурив лицо так, что, взглянув на него, ничего хорошего для себя бедняга повар там не увидел бы. Впрочем, он, наверно, и не успел. Потому как, повернувшись на шум, получил такую оплеуху, что повалился на пол, где стоял, разбросав в разные стороны половники. Заметив стоящий рядом бак для мусора, подхватила Оксана беса под мышки, поднатужилась, да засунула туда, а крышкой горло пережала — чтобы дышал, но не особо вольготно.

— Ты все сплетни знать должен, если сюда народ ваш толпами ходит. Скажи, где мне детей своих искать? — А сама поднятым половником поигрывает.

Открыл повар глаза, хлопает ими. Когда понял, чего от него добиваются, забормотал отрывисто:

— Не было ещё такого, чтобы здесь люди свободно шастали!

— Всё когда-нибудь случается в первый раз, — резонно ответила девушка и налегла на крышку.

Захрипел чёрт, даже посинел, и потому поспешно ответил:

— Слышал я про детишек-то… подожди, дай вздохнуть!.. Ох! — Он едва перевёл дыхание. — Сигизмунд приволок их… на первом ярусе они… В клетки посажены.

— Дети мои в клетках? — Глаза девушки сощурились и зажглись оранжевым огнём.

— А где же ещё? — попытался объяснить пленник. — Всех живых там держат. До выкупа.

— Вот как! Выкуп захотели? — Лицо Оксаны вспыхнуло от гнева.

— Это обычное явление! — хрипнул повар, потому что его собеседница, по всему видно, расходилась не на шутку. — В последнее время… ох!.. люди несговорчивыми стали… В церковь подались. Трудно души добываются.

— Значит, видел ты его, Сигизмунда? Что же он ещё говорил? — Сквозь стиснутые зубы произнесла девушка, давясь собственным негодованием.

— Тебя с кузнецом вместе называл червяками земляными! За то, что домоседы и дальше собственного огорода никуда не ходите. Сказал, что вы у него теперь на крючке! — вспомнил бес. Только не к добру это у него вышло.

Волна возмущения захлестнула девушку. Она закипала, как чайник на плите: не поднимешь крышку — взлетит на воздух. Ей обязательно нужно что-нибудь сделать — да так, чтобы пыль столбом, и после трава не расти.

Не ко времени разоткровенничался чёрт: при обычном раскладе слетела бы с плеч его голова. Только в этот момент некоторые обстоятельства отвлекли Оксану. Со стороны столовой донесся шум шагов и весёлые голоса, а вслед за ними появились ещё четверо хвостатых. Они пришли пообедать, но, похоже, выбрали для этого неудачное время.

— Помогите! — взвизгнул повар, надеясь на поддержку товарищей, и получил промеж рогов такую затрещину, что обмяк и повис подбородком на крышке.

— Масло смени: слишком много дыма! — Выразительно сказала Оксана и сразу потеряла к нему всякий интерес, потому что в соседнем помещении послышались угрожающие крики. Наклонившись за вторым половником, поднялась девушка из-за плит медленно и грозно, точно богиня возмездия. Черти вначале опешили, а потом, увидев её обнажённый торс да подштанники, загоготали в четыре голоса. Похоже, им ещё не доводилось иметь дело с разгневанными ведьмами.

Оксана ощутила, как всколыхнулась у неё внутри неведомая прежде сила, так что между половников искра пронеслась. Сейчас ей даже надобности в них не было, потому как, поведи она бровью — по ее воле, кажется, сам воздух электричеством задышит. Но чертям невдомёк было. Продолжали они потешаться, тыкая, точно невоспитанные дети, пальцами в её раскачивающиеся яблоки грудей. Один даже острить пытался, сравнивая их с футбольными мячами — естественно, в пользу мяча. Это и послужило последней каплей.

Взмахнув руками, точно ангел крыльями, направили Оксана их на бесов, и сорвались с её половников молнии, опаливая шкуры и пробивая тщедушные тела. Взвизгнули черти, но новая волна огня настигла их на пороге, и они повалились друг на друга уже без чувств. И не видели, как победительница просто переступила через них, двинувшись дальше.

Вонь вокруг поднялась, точно поросят зарезанных на костре

палили.

А тут ещё голоса раздались, и новые бесы отобедать явились…

Когда снова вышла Оксана в коридор, сверкая кошачьими зрачками и уже без всяких факелов прекрасно видя, что происходит в тёмных отводах, столовой больше не существовало. Догорающие скамьи, перевёрнутые и оплавленные железные печи, непроглядная пелена дыма, проедающая глаза — вот и всё, что она оставила за спиной.

14

Сделал Никола только пару шагов, напряжённый весь, хотя и подсказывает душа: честна с ним Кикимора — а стоит уже посреди собственной гостиной с огромным баулом за плечами. Вздохнул облегчённо, мешок на пол бросил. Тяжёлый, собака: разве что наковальни там нет, всё остальное, из сундука добытое, с собой забрал.

Но теперь про добро это думать времени нет, Оксана помощи дожидается. Поспешил кузнец в соседнюю комнату. Жена, как прежде, на их кровати общей лежит. Дыхание ровное, лицо бледное.

Боязно стало Николе: вдруг не получится? Но ведь не узнаешь, к делу не примерившись. Поднял он её, как пушинку, сам уселся на край, а тело положил на колени, будто выпороть собирался. Теплое, каждая неровность знакома до боли!

Руки Оксаны безвольно повисли. Голову он ей поддержал, а ладонью крепкой, благословясь, прицельно между лопаток и треснул.

Охнула девушка, а изо рта у неё — вот чудо! — кусочек яблока выпал. Покатился под кровать — там ему самое и место, с глаз долой!

Обрадовался Никола, вскричал:

— Оксанушка! Здравствуй!

Та зашевелилась, голову подняла, повертела ею из стороны в сторону, да на кузнеца посмотрела. Вгляделся он в глаза её темные — а там пустота. Вообще ни одной мысли, ни одного чувства. Будто ещё не проснулась девка.

— Золотце мое, пришла ли ты в себя? — Он притянул жену к себе, обнял горячо, а потом снова посмотрел в очи.

Она его узнала, потому что после некоторой паузы спросила ровным, даже равнодушным голосом:

— Долго ли я спала?

— Долго, Осанушка, долго. Почитай, полсуток. Утро уже.

— Дела делать надо. — И, поднявшись, направилась к столу, на котором ещё с прошлого дня продолжала лежать высохшая тряпка. Взяв её в руки, стала стряхивать на пол крошки и мусор. Обыденно так, по-простому.

Опешил кузнец. Нет, это не его жена! Она не могла бы чем-то заниматься, не узнав, как дела у мужа и где детишки.

— Послушай, душа моя! — Он осторожно взял её за локоть. — Наши дети в опасности. Чёрт утащил их с собой.

— Плохо, — согласилась Оксана потухшим голосом, но

работу не оставила. — Когда вернуть обещал?

— Не обещал ничего, в том-то и дело! — Отчаяние снова овладевало Николой. Только думал с одной напастью разобраться, как переросла она в другую. Что-то Кикимора не договорила ему в рецепте!

И тут вспомнил он: обмолвилась старуха, что если не получится разбудить жену, материться он должен начать и поминать хозяйку болот нехорошими словами. Так кузнец и сделал! Не любитель он был по жизни матом ругаться, но тут постарался на славу. Выговаривал даже слова, которые с детства больше не слышал — и неологизмы переиначенные, и жаргонизмы адаптированные, и по фени целый список от «а» до «я».

Если всё правильно обещала Кикимора, должно было ей икаться начать без остановки до самого вечера. Зашипело что-то в воздухе перед головой кузнеца, потом туман сгустился, и на его фоне появилось лицо озорное девчушки с крепкими металлическими зубами, будто напоказ.

— Что случилось, мил человек? — спросила она. — Я даже задремать не успела.

— Неправильно подействовал твой рецепт! — пожаловался Никола. — Посмотри, что с Оксаной творится.

Туман, как есть облачком, повернулся в сторону, и через несколько секунд Кикимора ответила:

— Зря ты меня винишь, хлопец. Всё у тебя получилось. А то, что вернулась к тебе жена не целиком, вопрос другой.

— Это как понять — «не целиком»? — изумился кузнец.

— Разве сам слепой? Она же автоматом бездушным ходит. Что запрограммировала со вчерашнего дня, то и выполняет. А закончит — сядет и будет ждать другую команду. Скажи ей, чтобы во дворе прибралась и коз подоила. Сама не догадается. А лучше список напиши. Да! — Глаза у девчонки блеснули смехом. — Не забудь там про интим написать, ты её теперь только так в постель-то заманишь! — И она захохотала озорно, даже раскраснелась вся.

Облако стало медленно таять в воздухе. Никола испуганно замахал руками:

— Подожди! Как мне бороться-то с этим?

— Вернётся к ней душа, не переживай. Если черти отпустят, — добавила девица, становясь всё более призрачной. — В преисподнюю она подалась, детей спасать. Вы, люди, все сумасшедшие!

— Как же ей это удалось? — выкрикнул Никола ещё один вопрос, но лицо собеседницы уже исчезло, а вместе с ним

растаяла последняя возможность получить хоть какую-нибудь поддержку.

Сел он снова на край кровати и, насупившись, смотрел на Оксану, подметающую веником половики. Она, похоже, даже внимания не обратила, что разговаривал он с гостьей болотной. Точно о ней сказала Кикимора: автомат бездушный.

Что оставалось Николе делать? За какую верёвочку ни дёрнет — всюду вместо звона хрюканье поросячье доносится. За какое дело ни возьмётся, оборачивается оно худом. Ничего не выгорает, одни пни вместо леса. И чем дальше он в тот лес углубляется, тем теснее там от обломов.

Может, звёзды его так расположились на небе? Они, хитрые, тасуются, как им вздумается, ни один астролог за всю историю человечества толком ничего предсказать не мог. Может, судьба такая — через тернии пройти, а в результате остаться ни с чем. Впрочем, жизнь Николы сложилась удачно… если не считать давней потери да вот нынешней тоже. Зато обе — под дых, из седла выбивают. После революции пять лет ничего не мог с собой поделать, всё любимую вспоминал. Как стало отпускать, познакомился с Оксаной — тут повылезала изо всех щелей нечисть проклятая. Будто знала, что чувствительный он, можно его пнуть — и подломится он, точно хворостинка.

А ведь действительно, сломался. Сидит и слюни распускает. Ни одной мысли дельной, ни намёка даже. Впору петельку к потолку прилаживать…

Кузнец вздрогнул от неожиданности. Вот так дорассуждался! Точно нашёптывает ему кто-то слова эти. Оглянулся через плечо — там Оксана с каменным лицом пыль на комоде стирает. На его зов даже не обернулась… Она-то точно не могла этого сделать! Похоже, кто-то третий в игре присутствует.

Подумал так — и встала перед его мысленным взором ухмыляющаяся рожа чёрта. Даже будто помигивает тот украдкой! Своим шелудивым хвостом помахивает да вертит на пальце связку ключей. Символично, не иначе от преисподней!

И понял тогда кузнец, что всё происходящее имеет под собой одну-единственную цель: добиться, чтобы от отчаяния решил он сам встречи с нечистым искать. Тогда и козырей с собой в рукаве не принесёт, и сговорчивость проявит: он же в роли просителя станет выступать. И верёвки из него можно вить, заставить землю жевать, а уж документик подмахнуть любой — раз плюнуть.

И предложенный ему сценарий сам собой вырисовываться начал. Не нужно для этого особым умом обладать — на поверхности, оказывается, всё лежало, только из-за суетливости не мог он этого рассмотреть. Впрочем, так было подстроено,

чтобы не оставалось у него времени на раздумья. Тем быстрее должен был пройти положенные мытарства и вернее к единственному выводу прийти.

— Что же, — сказал Никола вслух ни грозно, ни ядовито, а сурово да устало, — если остаётся последний способ детей вернуть — поклонюсь хоть чёрту!

15

Только сказать успел — будто хихиканье послышалось откуда-то. Нахмурился Никола: теперь за свои слова ответ держать надо. Впрочем, он того и хотел. Не было в голове пока никакого плана, но мелькнула мысль, что видимый враг не так опасен, как скрытый. В бою важно в глаза супостату смотреть, чтобы проскочившую слабину не упустить. Ведь и нечистый не без червоточины. Нужно только найти её…

А тут вдруг записка прямо из воздуха материализовалась, да на пол упала. Подбежал кузнец, поднял, а там корявыми буквами написано:

«Приходи к большому дубу за Матрёниным концом». И подпись: «Сигизмунд».

— Вот, значит, как тебя звать… — потёр подбородок Никола. Теперь он знал о чёрте немножечко больше. Неважно, что не мог этим сейчас воспользоваться.

Подошёл к Оксане, а в голове слова Кикиморы крутятся про то, что остановится его жена, выполнив то, что задумала, и распоряжений ждать будет. Потому как автомат она бездушный.

— Золотце мое, — говорит. — Я тебе напишу, что по дому сделать надо. Почитай, пожалуйста, и не забудь коз подоить, кур накормить да огород полить. Хорошо?

— Хорошо, — ответила девушка. Она ни разу не улыбнулась после сна волшебного. Неторопливо делала что-то — лишь бы руки занять, а цели особой не имела.

Взял кузнец карандаш, огляделся в поисках клочка бумажки, да не увидел вокруг ни одного, кроме записки чертовой. Перевернул её и по пунктам всё разложил. Получилось ни много, ни мало, почти целая страничка.

— Вот, Оксанушка, список. Если долго не вернусь, спать ложись, не жди меня. — Потом спохватился, что только работу одну жене навязывает, а ни отдыха, ни обеда не запланировал — и внёс поправки. Посидел ещё, задумавшись, не забыл ли чего, крякнул, поднялся и направился к двери. На входе оглянулся — может, видит это всё в последний раз — бросился к жене, обнял и поцеловал её жарко-жарко (та только на мгновение суету свою обыденную приостановила) и больше уже не задерживался.

Наступал чудесный вечер, с юга дул слабый ветерок, напоённый ароматом вечерних трав. Появилась первая звезда, а закат красновато-жёлтые мазки на редких облачках малевать начал. Небо на западе оставалось ещё прозрачным да светлым, восток же сумраком насупился — к ночи готовился. Таким

вечером хорошо на речку идти, дневные заботы смывать. Малые детишки возле берега плещутся, чуть постарше — за ними присматривают, а взрослые глубже заплывают, шушукаются да хихикают. А то прыснет женский голосок — и далеко по воде слышно. Народ это время года любит, потому как к природе ближе всего становится — почитай, полуголым ходит. А для девок с парнями вообще красота — щипайся да щупайся, при купании не возбраняется.

Но не чувствовал Никола в окружающем никакого очарования. Напряжённый шёл, будто лом проглотил да выронить страшился, чужие взгляды на себе ощущал. Слухи, что ли, разлетелись, и из каждого окна любопытные да досужие глаза провожают, или соглядатаи нечистой силы посты организовали — передают его друг другу? Всё одно неприятно. Но такое неудобство стерпеть несложно, не в нём суть. Важнее на главном сосредоточиться. Кулаки кузнец сжал, а внутри рядом с отчаянием злость боевая бурлила. И неизвестно, какая из них превозможет.

Понятное дело, видится он со стороны телёнком, за веревочку ведомым. В носу кольцо вставлено, чтобы больно стало, если не в ту сторону пойти задумает. Только снова шальная мыслишка проскочила у Николы про зверя загнанного, которому уже терять нечего — конец один. Проскочила — и спряталась глубоко под отчаянием. До поры до времени.

Никого он не встретил, пока порядками шёл. Может, и хорошо это. Сейчас говорить-то ему не хотелось — только раны бередить да из пустого в порожнее воду переливать. Одно ясно: в деревне никто ему совета дельного дать не может. Если уж Васюк отступился — почитай, безнадёга одна.

Показался впереди дом старухи Матрёны, и стало у кузнеца сосать под ложечкой, будто страхом окутывать. Но не оттого, что встреча с чёртом всё ближе делалась. Никола даже удивился: ведь не из робкого он десятка, чего смущаться-то? Может, волшебство бесовское работать начинает?

Как бы там ни было, продолжил путь, а за последним домом — глянь, какое диво! — полегчало ему малость. Не стал кузнец разбираться в тонкостях — отчего да почему, отметил только это обстоятельство. Сейчас у него задача вполне конкретная имеется.

До леса метров триста осталось, а дуб уже видно прекрасно. Почти на самом краю стоит, возвышается над собратьями. Крона раскидистая и мощная, будто великан на отдых расположился. Под ним даже подлеска нет, а образовалась полянка, желудями прошлогодними засыпанная.

Подошёл Никола ближе, огляделся. Не заметно никого

поблизости. То ли затаился враг, то ли не торопится на переговоры… Поднял кузнец с земли палочку небольшую да промеж пальцев переломил. Хрустнула та жалобно, и в этот момент голос раздался неприятный:

— Вовремя пришёл, без опозданий…

Повертел Никола головой, а чёрт наверху сидит, на ветке. Толстую выбрал да высокую. Сам на корточках, хвост свисает. Только не допрыгнуть до него при всём желании. Одежда на нём клоунская — не то штаны, не то юбка. Рубашка тоже с отворотами огромными. Похоже, писк последней моды, а выглядит дурак дураком.

— Не было говорено срока-то, — ответил кузнец, будто буркнул. Впрочем, недовольство своё выказывать сейчас время не пришло.

— Не было, верно. Только судьба детушек тебя тревожит, спокойно спать не даёт.

— Да уж не до сна, — согласился Никола. — Забыл, когда в последний раз глаза закрывал.

— Это хорошо! — Чёрт потёр руки, ухмыляясь.

— Зачем на дерево-то залез? Так добрые люди не разговаривают.

— Запомнил, как ты в прошлый раз беседу вел! — снова хмыкнул нечистый. — Подумал, здесь безопаснее будет.

— Почто детей украл?

— А! — лицо чёрта сразу сделалось злым. — Или ты забыл, как обошёлся тогда со мной?

— На чужой каравай рот не разевай! — отозвался кузнец. — Жил бы спокойно, не досталось бы на орехи.

— Какой же это каравай ты называешь чужим?

— Жену мою. Или права ты на неё какие имел, когда подхалимничал да в ухажёры навязывался?

— Не была она тогда твоей женой, кузнец!

— А если и не была, то тебе лучше моего известно, какая её судьба ждала. — Никола, вступая в препирательство, цель имел одну — выиграть время да оглядеться на месте. Знал он, что в споре не силён, и на эту карту не ставил.

— Знать про судьбу нам не положено. Вертеть ею — другое дело, тут запретов нет. Молода и красива была Оксана. Но ведь баба есть баба. Сказать по совести, моё право на неё от твоего ничем не отличалось. Даже больше — совратить чёрту такую девку доблестно. Ты вот что получил, влюбив её в себя? Домишко жалкий да мальцов парочку. А я бы власть поимел огромную. Чувствуешь разницу? Сейчас не сам бы бегал, а помощников заставлял. Не воровал детишек, а только планы строил, как

напакостить…

— И не рисковал своей шеей, — понятливо кивнул Никола. — Хороши у вас порядки…

— Всё от души зависит, кузнец. — Чёрт двусмысленно подмигнул ему. — Одна другой рознь.

Понял Никола, куда собеседник клонит, не стал противиться встречному ветру, а повернул парус да расправил его.

— За моей, знать, пришёл? — спросил напрямую, а сам от досады так двинул по дереву, что будь на месте кулака молот, наверно, пробил бы дыру насквозь. Только в этот раз не получилось, лишь кулак до крови расколотил.

— Не злись, не поможет! — торжествующе произнёс нечистый. — Правильно рассуждаешь: твоя душа немалого стоит. Может, не получу я за неё повышения, но кредиты погашу, и ещё в прибыли останусь. — Хотел сказать чёрт, что после нескольких лет работы на других он сможет сам ссужать деньгами и потом заставлять неудачников отрабатывать невыплаченные вовремя долги. Но не стал: незачем противника в свои финансовые дела посвящать.

— Как же ты меня заставить-то хочешь? — спросил Никола, сделавшись ещё более угрюмым. — Против воли, я слышал, это не делается?

— Сам согласишься, кузнец, когда узнаешь, какие страдания испытывают твои дети.

Опять сжал кулаки Никола, и злость его, похоже, на первый план выбираться стала.

— Ну-ну, рассказывай! — произнёс он, а угроза в словах недвусмысленная. Почувствовал её чёрт, но думалось ему, что там, наверху, в безопасности он. Не подпрыгнуть человеку так высоко, он же не кузнечик. Собрался поведать о страхах адовых, уже рот открыл пошире, чтобы живописнее звучало, только послышались шаги совсем рядом, и вышла из-за кусточков Оксана.

Она была такой же задумчивой, и лицо, будто маска деревянное — ничего на нём не отражается. Пустота в душе и голове звенящая, не иначе.

— Оксанушка, что ты здесь делаешь? — изумился и испугался за жену кузнец.

— Записку ты мне оставил, — спокойно ответила та, и протянула ему листочек. Взглянул Никола — там список забот и хлопот, которые нужно переделать до вечера. Не понял ничего, переспросил. Вместо ответа перевернула девушка листок, а там слова чёрта накарябаны: «Приходи к большому дубу за Матрёниным концом. Сигизмунд».

Хлопнул себя кузнец от досады, поморщился. Вот недотёпа, не смог догадаться, как получится!

Хихикнул сверху чёрт, заулыбался во весь рот. Приятно ему на дело рук своих посмотреть. По его же задумке Оксана стала такой. Хотя, может, и он не мог просчитать всего. А для Николы появление жены — помеха лишняя. Только душа болеть сильнее станет да руки связываются.

— Послушная стала Оксана! — ухмыльнулся нечистый. Триумф, почитай что, полный. И острить можно без всяких последствий. Вот что значит хорошо составить, и — главное — скрупулезно воплотить, план. Понятно, что собеседнику обидно, будто по голым нервам железным серпом водят. В том и состоит искусство дипломатии, чтобы сразу раздавить морально, психологической опоры лишить. Куклой безвольной обернуть, а самому кукловодом заделаться.

— Давай ближе к делу разговор вести, — буркнул Никола. Кипит у него внутри, давление копится. — Что ты с ней сделал? Никогда не была она такой.

— Ничего, ровным счётом ничего! — осклабился чёрт. — Сама во всём виновата. Никто не просил её вылезать из тела и соваться в преисподнюю. Попала, небось, в самое пекло. Заблудиться там ничего не стоит, а все дороги ведут к жаровням. Её, конечно, уже схватили и посадили. Попала она, думаю, туда, откуда все мучения грешников видны, как на ладони. Это для профилактики, — пояснил он, — чтобы в другой раз неповадно было лезть, куда не положено.

— Что с нею будет?

— Всё зависит от твоего слова, кузнец! Самой ей никогда наверх не выбраться. Ключ надобно иметь. Или, например, моё согласие. Тогда я для неё ворота открою.

— Знать, можешь ты и меня провести? — Мелькнула у Николы мысль, что сподручнее самому за душой Оксаны сходить, раз всё равно договор с чёртом подписывать придётся.

— Тебя — нет, — покачал лысеющей головой нечистый. И по всему было видно, что это обстоятельство очень его удручает. — Это не в моих силах. Ранг у меня маловат. Для этого нужно найти хорошую ведьму или звать кого-нибудь постарше званием… Только придётся делиться с ними, — быстро пояснил он. — А что мне тогда достанется?

— Мать-то моя, я слышал, тоже ведьмою стала?

Чёрт при упоминании Степаниды Ивановны в очередной раз расплылся от удовольствия. Знать, Леший рассказал, чьих рук дело то, что с нею приключилось.

— Она и была ею с самого рождения, только не знала об

этом. Ворота открыть для неё — раз плюнуть.

— Что же ты, собака поганая, сотворил? Её-то зачем в дело вплёл? — взбеленился Никола.

— Тогда уж выплел! — хихикнул чёрт над каламбуром. — А потому всё, что мать твоя неминуемо встревать стала бы. Сила у неё немалая, натворить бед могла бы.

— Чем её лечить-то прикажешь?

Чёрт задумался на мгновение, решая, стоит ли раскрывать свои карты. Но, видя обескураженное лицо собеседника, понял, что опасности в том не будет. На коленях уже стоит враг его, голову склонил. Остаётся только махнуть топором — и покатится, горемычная, по траве росистой. Потому хмыкнул и признался:

— Это средство для памяти не я готовил. Сказали мне, пройдёт время — и действие само закончится. А на людей оно по-разному влияет. От силы внутренней человека зависит. Одного, может, год в забытьи продержать, второго пару месяцев всего.

Добил он этим кузнеца. Не смогут выжить Алёша с Настенькой в преисподней два месяца. Он и сам без них засохнет. Замахнулся Никола, чтобы ещё раз двинуть по дереву, но рука уже саднила — не стал. Закипевшая было злость его снова понемногу в отчаяние переплавляться стала. В самом деле, нет другого выхода. Обнял жену, посадил на пенёк ближайший, и повернулся к собеседнику:

— Припёр ты меня к стене. Называй свою цену, Сигизмунд!

16

Квартальный отчёт подходил к завершению. Среди баб отдела созрел бунт. Степанида Ивановна категорически отказалась общаться с шефом лично, возомнив себя угнетённой пролетаркой, над которой издевается проклятый буржуин. В лучшем случае через подруг она отправляла заявки прислать ещё бумаги, карандашей, скрепок, и иногда выдвигала политические требования типа шестичасового рабочего дня, спецпайка для сверхурочников и молока за вредность. Лишь Зинаида оставалась верна обеим сторонам, и это спасало Лешего от многих проблем. Он даже подумывать стал, не оставить ли потом, когда женщина вернётся в чувство, Зинаиду у себя, но потом хлопал по собственному лбу рукой и говорил:

— Какой же я дурень! Ведь это всё она!

Запутаться в личном составе было немудрено. У каждой сотрудницы имелся свой характер, своя семья, свои заботы и проблемы. Помнить это для мужика, живущего в лесу, представлялось затруднительным. Леший и забывал половину, а потом, получив очередную угрозу от одной, увернувшись от степлера, брошенного другой, вечерами находил утешения в объятьях третьей. Зинаида оказалась сговорчивой и заботливой. Мужа у неё не было, тот сбежал к любовнице пару лет назад, поэтому страсть как хотелось женщине создать для кого-нибудь семейный уют.

Привыкать уже начал Леший к такой тройной жизни. А потом вся эта канитель разом закончилась. Пришла к нему Степанида Ивановна под вечер с огромной стопкой бумаг, бросила их на землю так, что разлетелись они чуть не на пять метров, и сказала с ненавистью в голосе:

— Вот ваш отчёт, подавитесь!

Спохватился было Леший, что записки-то, подаренной чёртом, давно не видел — потерял, наверно. А без неё не знает, что и ответить. Но тут женщина стала ещё пуще ругаться, грозиться, что уволится назавтра, так что старик в сердцах махнул рукой — да и сказал:

— Лучше была бы ты не бухгалтером, Степанида, а официанткой! Кричала б поменьше…

Остановилась та, задумалась, потом ушла в берлогу (а разговор-то на воздухе проходил), и стала там греметь посудой.

— Гм… Подействовало, что ли? — пожал плечами Леший.

Действительно, подействовало. Через полчасика пригласила его женщина обедать, а сама оделась так соблазнительно, что

старику вначале её съесть захотелось. В фигуральном смысле, конечно. Блузочка с открытым декольте, воротничок и рукава кружевами вышиты, короткая юбочка нейтрально-соблазнительного чёрного цвета и чулки тоже тёмные (где только взяла их, пройдоха, неужели в сундуке?). Но взглянул на стол — и обмер. Чего там только не было! И котлеты, и голубцы, и заяц, фаршированный морковкой, и рыбы всякой навалом. Наверно, воспользовалась Степанида своим колдовским даром, не иначе.

Разбежались глаза у Лешего, сел он и набил пузо от души. В гордом одиночестве. Потому как на приглашение присоединиться Степанида ответила грубовато: «Не положено нам»…

Давно не доводилось ему такой вкуснятины едать. Попросил бы добавки, только стол и без того ломился от блюд. А когда отвалился, точно клещ напившийся, подошла к нему женщина снова, покачивая бёдрами и сверкая ногами, теперь уже оголёнными намного выше колен. Положила локти на стол — а бюст её под полурасстёгнутой рубахой сам собой перед глазами Лешего раскачивается, будто в руки просится. Только вместо развития этой темы пропела Степанида ласковым голосом:

— С вас килограмм золота, любезный.

Икнул старик от неожиданности, едва не попросилось у него содержимое желудка обратно.

— За что? — Только и смог сказать, и в течение пяти минут ему расписали в подробности, откуда что доставлялось и какая у товара закупочная цена. Бухгалтер из Степаниды, похоже, весь так и не испарился.

Делать нечего, полез Леший в комод, достал оттуда мешок с золотыми самородками, отсыпал хорошую пригоршню и спрашивает:

— Достаточно будет?

— За обед достаточно. А чаевые? — И женщина протянула руки, — не одну, а сразу обе: чтобы больше вместилось. Чертыхаясь и ругаясь, на чём свет стоит, заполнил старик подставленные ладони, и думал уже убрать мешок-то, только в нём ещё оставалось что-то, и Степанида это заметила.

— Посетители пошли жмоты… Кстати, интимные услуги оплачиваются по отдельному тарифу.

— Сколько? — вконец упавшим голосом спросил Леший. Вместо ответа отобрала женщина у него остатки золота вместе с мешочком, аккуратно пересыпала туда свой заработок, завязала, спрятала под подушкой и вернулась к столу.

— Ну, что, касатик, приуныл? Вздрогнем, что ли? — И схватила старика за грудки. Прижав к себе, чмокнула так, что с потолка песок посыпался, подняла со скамьи и поволокла в угол,

к лежанке.

Конечно, сервис того стоил. Куда там Зинаиде с её британской чопорностью да привычкой лежать, как бревно! Официантки — народ горячий, недаром что на полставки поварами числятся. Возле плиты жару наберутся, а потом его куда-то выплескивать надо. Инициативу сами из рук вырывают.

Через час одуревший Леший решил выйти и посмотреть на небо звёздное, может, выкурить трубку, хотя давно уже бросил… А Степанида, воспользовавшись случаем, полезла под подушку и стала золото своё перебирать, как Кощей Бессмертный, да просчитывать, куда вложить его можно и сколько с этого дивидендов получится. Похоже, она всё-таки не до конца из одной роли вышла, зато во второй — будто всю жизнь жила.

Сел старик прямо на землю, прислонился к дереву, голову на грудь опустил и задумался. Невесёлые мысли, безрадостные. С тех пор, как побывал у него чёрт, всё будто кубарем летит. Был хозяином в своём доме, а теперь точно постоялец. Выселили его, почитай, из берлоги-то. Всё какие-то театры разыгрываются. Озлобиться бы, показать силу немалую, да нельзя: сам виноват, что бабу колдовством удерживать стал. Подумал бы прежде, с кем связывается. Не простая она деревенская, которых у него прежде с десяток было, если не больше. Те, горемычные, поначалу жили в мире, который он им внушал, а потом привыкали и уже уходить никуда не хотели. Здесь же другой случай. Степанида Ивановна ведьма первоклассная, с ней и шутки шутить нельзя, и неволить опасно. Угораздило же его пойти на поводу у чёрта! По доброй воле-то она могла неделю прожить. А тут три дня — и уже самому впору гнать её. Только куда же прогонишь охмурённую? Пропасть может. А оставлять всё в том виде, как есть, уже душа противиться. И виноват, к тому же…

Незнакомое это чувство, давно забытое. Собственной вины не ощущал старик уже много лет. И людей изводить приходилось, и женщин воровал, а потом избавлялся от них, когда старели да красоту теряли. Но без всяких угрызений совести обходилось. Всегда правоту свою ощущал. Сейчас же точно первоклассник перед директором школы. Только директор — совесть его проснувшаяся. Грызть начинает, как собака кость.

Подумалось ещё Лешему, что, связавшись с людьми, от них набираться стал разного. Не всегда нужного или полезного. В прежние годы хоронился он больше. Прогресс науки надел народу на глаза очки непроницаемые. Сквозь них не виделось очевидного. Сказками стали нечисть считать. А когда порушилось всё наносное, очки-то спали — тут и выяснилось, что никуда соседи и не пропадали, просто жить стали тише. Теперь и людей

сделалось меньше, и техники всякой по лесам уже не видно. Посчитал для себя Леший, что можно из буреломов вылезать да снова себя хозяином почувствовать. К деревням стал подбираться ближе, в контакт вступать с сельчанами. Не рановато ли?

Думалось, что старого пня уже не изменить. Не вырастет на нём свежая веточка. Оказалось, ещё как вырастет. Даже самому интересно: как новое ему прививается. Может, есть в этом что-то положительное?

Задумался старик, бороду почесал. И вдруг вздрогнул так, что спину едва через куртку не поцарапал: визг в берлоге раздался нечеловеческий. Вернее, понятно, что принадлежал он Степаниде, но как могла обычная женщина кричать так громко? Мышь, что ли, увидела? Никогда не замечал он за ведьмой страха перед мышами.

Всё выяснилось через секунду. Дверь отворилась, будто её ногой едва с петель не сорвало, и на пороге возникла сама гостья. На ней, кроме короткой чёрной юбки, ничего не было. Впрочем, о наготе своей она сейчас не думала. Глаза её сверкали оранжевым блеском, словно только что транс волшебный прошёл. В руках баба держала скалку, которую в прошлый раз старик ей из поленца выстругал, чтобы тесто раскатывать. И этой скалкой размахивала Степанида так многообещающе, что заныли у Лешего бока.

«Ни дать ни взять — тигрица!» — подумалось ему, и в этот самый момент бросилась женщина к нему с воплем:

— Вот, значит, как ты меня пользуешь, старый облезлый пень! Деньгами соблазнить удумал! — И, как есть голая, помчалась за ним по лесу, потому что не стал дожидаться старик, когда пригладят его по голове — вскочил на ноги, и, что есть прыти, рванул, куда глаза глядят.

В лесу, конечно, он за хозяина, деревья разом с его пути отпрыгивали да проход расчищали, только и Степанида теперь для них не чужая стала. Они перед ней ещё и прогибаться начали, точно кланялись. Чего не сделаешь от страха, когда разъярённая баба с оружием несётся!

Перепрыгивал Леший через канавки малые да ямки неприметные, а сзади, казалось, этих мелочей и не замечали даже — земля выравнивалась, словно после трактора с бороной. Хорошо ещё, борозды неглубокие оставались.

Вот в этот момент и понял старик, что, как ни крути, годы своё берут. Одышка у него появилась. Пробежал-то всего ничего — пару сотен метров, а потом и спёкся, как марафонец перед финишем. Ноги заплетаться начали, перед глазами круги красные пошли — не иначе давление поднялось. Тут-то его и настигла

Степанида.

Успела она раза четыре приложить скалкой и ни разу не промазала, потому что повалился Леший без сил и чуть сознание не потерял от пробежки. Не до того, чтобы отмахиваться или даже закрываться. А женщина повизгивает да поточнее в темечко целит со словами:

— Охмурил-таки, подлец! Воспользовался слабостью и податливостью! Насильничал, работать заставлял. Ноги как о подстилку вытирал! Радовался, что слова поперёк не слышит! Вот тебе! Вот тебе!

Рад был бы Леший оправдаться чем-нибудь, но, во-первых, рассказывать сейчас про чёртовы проделки бессмысленно: никто слушать не станет, а во-вторых, уже и говорить-то нечем — язык прикусил, неловко подставившись под четвёртый удар.

И тут словно глаза у Степаниды ещё раз открылись. Охнула она и выронила скалку, а сама стоит, ни жива, ни мертва. Глаза большие сделались, точно от ужаса. Но не себя смотрит, а на старика, по голове которого струйка кровяная стекает.

— Прости меня, дуру шатоломную! — вскричала в очередной раз за сегодня и кинулась обнимать Лешего. — Что с тобой сделала? Убила?

— Не совсем пока, — проскрипел тот. — Но ещё двадцать шагов — и точно дуба дал бы… Староват я становлюсь, Степанидушка! Не для меня забавы да беганье. — И ни одного слова в упрёк про вероломство с дубиной.

Она повисла на его шее, прижавшись всем телом, и не сказать, чтобы Лешему это не понравилось. Всё-таки замечательная она баба! И не только характером, но и остальными достоинствами, хорошо сейчас видимыми.

— Что же ты, хрыч старый, натворил? Признавайся, или подлечу сегодня, а завтра доконаю!

— Не хотел я, честное слово не хотел, чтобы так вышло. Чёрт лысый сподобил. Приходил недавно и бутылочку принёс с питьём волшебным. Память отбивает временно. Думал я тебя подольше задержать, хотя бы на пару недель. Надоело уже одному жить, хочется по-человечески… — Сказал так — и недавние свои мысли вспомнил, усмехнулся даже.

— Нашёл бы себе нормальную девку, да и жил бы, — сквозь слёзы проговорила Степанида Ивановна, положив голову старику на грудь. — Вот и была бы семья.

— Да как же я без тебя-то? — спросил он, охнув, потому что голова его качнулась, и отозвалось это движение болью во всем теле.

— Привык уже, дурачок?

— Привык.

— За это и прощаю тебя. Но в другой раз деньгами меня не приманивай, ни к чему мне твоё золото. Если нужно, сама спрошу. Понял? — Она подняла лицо и посмотрела в его глаза. А там — раскаяние искреннее.

— Понял. — Леший вздохнул. — Пойдём домой, что ли? Мне ведь тебе поведать многое нужно.

— Так ведь только из постели, блудник окаянный! — воскликнула она удивлённо. — Чего ты тут без меня наглотался, признавайся? Кореньев укрепляющих, что ли?

— Да нет, Степанида, не о том речь веду. — Они поднялись, и, обнявшись, двинулись потихоньку к берлоге. — Про Николу с Оксаной да внучат. Были у меня твой сын с Савелием на днях. Много чего в селе случилось. Касается это тебя напрямую.

Охнула женщина и вцепилась ему в руку:

— Говори, не тяни! Что там?

Когда рассказ его закончился, остановилась Степанида, задумалась. На лице её борьба отразилась, мысли противоречивые. Потом посмотрела на спутника и кивнула, зловеще сузив глаза:

— Так вот он какой, цветочек аленький! — Касалось это, понятно, чёрта. — То, что послал Николу к Кикиморе, правильно. Хоть и боюсь я старую каргу, а другого пути у сына не было. Бог даст, пронесёт лихо мимо него. Думаю, что и на твою бывшую управу найти можно. Говорили мы как-то с нею мимоходом. Злая, но деловая баба. Если найдёт Никола к ней подход, должна помочь ему. Впрочем, вчера это было, всё давно решилось.

— Могла она и загубить парня, — заметил Леший. — Не впервой ей это.

— Так ведь и ты всю жизнь на молодых заглядывался! — усмехнулась Степанида, и понял старик, что вернулась она в себя полностью, до последней капли. — А теперь вон привык, говоришь.

— Всё меняется, — согласился он. — Время нынче быстрее летит, что ли…

— Мы становимся старше да неповоротливее. Молодёжь соображает лучше нас. Верю я в Николу. А коли так, будем считать, что живой он и невредимый. И, чтобы вину твою передо мной загладить, сделай что-нибудь для него.

Удивился Леший, почесал затылок:

— Чего же ты хочешь?

— Дай ему умение, чтобы противников одолеть. Ты же справляешься со своей заботой, хотя и немолодой. Волшебством хитрым, не иначе. Надели им Николу, пусть попользуется.

Одному богатырю с целым легионом чертей без поддержки не справиться.

Задуматься теперь пришёл черёд Лешего. Хмыкал он несколько раз, прикидывая варианты, потом остановился на одном и говорит:

— Если только силу ему дать медвежью…

— Хорошее дело, — одобрила Степанида. Она тем временем уже размышляла, как ей самой сподручнее в дело ввязаться.

Кивнул старик и стал бормотать непонятные слова, руками размахивать и ветер поднимать. Закружился вокруг него вихрь и по повелению Лешего ринулся над лесом в ту сторону, где находилось село.

— Отыщет? — спросила женщина с пониманием.

— Отыщет. Даже под землей.

— Тогда и нам мешкать нечего, старый. Ты со мной?

— Куда? — удивлённо спросил он.

— В ад, конечно. Но для этого домой вернуться нужно. Корешок у меня на сеновале сушится один. Шибко нужен, чтобы ворота отворить. Я ведь в стороне от беды своей семьи не останусь, не думай.

— Эк, тебя завело! — озадаченно буркнул Леший. Потом махнул рукой и решился: — Куда же мне деваться — с тобой. Только вот в чём загвоздка: портал мой сегодня уже не сработает. Отправлял я вашего попа. Теперь сутки ждать придётся, пока не восстановится. Не доделанный он, времени всё не найду. Да и то сказать, не было прежде необходимости пользоваться так часто… А нынче вон как вышло! — И старик развёл руками.

— Полетим на метле, — решительно отозвалась Степанида Ивановна и посмотрела на хозяина с едва заметной усмешкой: — Не испугаешься?

У Лешего душа в пятки ушла. И пожалел он, что дал согласие.

17

Чёрт руки потирал! Сломался кузнец, нечего в ответ сказать. А тут ещё жена его явилась бесчувственная. Чудно было видеть её такой, но даже порадовался нечистый: лишняя боль Николу покладистее сделает. Договор заранее заготовлен был, ведь это часть плана, и думал над ним чёрт долгие пять лет. Теперь пришла пора собирать урожай.

Полез он в карман, а самого радость распирает. Такого громилу обработать не всякий сумеет. Его товарищи, небось, сейчас дыхание затаили: готовятся дифирамбы петь. Кое-кого известил он насчёт своих задумок — так ставки на него принялись ставить, как на ипподроме. Нашлось немало насмешников. Тем лишь бы зубы поскалить, помощи не дождёшься. Поганый всё-таки в основной массе народ — черти.

Плюнул от этих мыслей нечистый, да чуть в Николу не угодил. Скрипнул кузнец зубами, но стерпел, только в глазах яростный огонь засверкал, как в прежние годы у комсомольцев на стройках века. Ему бы сейчас будёновку со звездой да шашку — перепилил бы дуб, не задумываясь. А уж если челюсти железные, что Кикиморе достались…

Чёрт, видно, о них тоже наслышан был — даже поёжился. Знать, об одном и том же подумали. Привидится такое во сне — оторопь возьмёт.

Между тем появившаяся из штанин бумажка с договором полетела вниз.

— Ознакомься, кузнец. Ничего против стандартного варианта. Обязуюсь я больше не солить тебе до самой твоей погибели, когда душа перейдёт в мою собственность.

Подхватил Никола листочек, прочитал внимательно, потом спросил:

— Что-то я не пойму. А дальше что с нею будет?

— Так ведь это не твоя забота уже! — хмыкнул чёрт. — Доживай свой век и не беспокойся ни о чём.

— Слышал я другое, любезный! — покачал головой кузнец. — О мере ответственности сторон. Если ты часть меня получить хочешь, обязан сообщить, с какой целью. Ведь ценность-то приобретаешь немалую.

— Между прочим, отчёта я давать не обязан, — недовольно отозвался чёрт. — Но коли спросил, изволь, отвечу. Ты — это кусок мяса от головы до пальцев на ногах. Жизнь твоя закончится в глубокой старости, в довольстве и спокойствии. Чего надобно ещё знать, чтобы радоваться?

— Не по существу говоришь! — оборвал его Никола. — Про душу бессмертную речь веди.

— Она к тебе пришита, как пуговица к рубашке! Почему ты её считаешь своей, не понимаю! — Нечистый скроил ужасную физиономию и пожал плечами. — Пусть с ней деется, что угодно. Оказавшись в могиле, не всё ли равно тебе будет?

— А может быть, ты обманываешь меня, плешивый хвост? — воскликнул кузнец. — И душа — часть меня самого, как кровь, к примеру. Попробуй, слей её всю — и конец придёт. Смотрю я вот на жену, и сомнением всё больше терзаюсь. Нет у неё души сейчас — и совсем другою она сделалась. Читал я в юности, что человек не заканчивается напяленной на него шляпой. Может быть, совсем иная у нас природа, чем ты хочешь представить? Что на это скажешь?

— Высокие материи нужно было в институте изучать, — хмыкнул нечистый веско. — Философии разные… Теперь поздно уже.

— Сдаётся, неполный договор-то твой! И стараешься ты меня в заблуждение ввести. А ну как шепну я твоему начальству после смерти, что обманом ты завлекаешь людей в ад?

— Если бумага подписана, можешь говорить что угодно. Там нет сносок со звёздочками мелким шрифтом, ничего между строчек не выведено. Всё прозрачно. Но коли уж тебе интересно, что ждёт твою душу, то знай: будет она жариться на сковороде по вторникам и четвергам, а в остальные дни смотреть на мучения других и трепетать в ожидании худшего. И длиться это будет до скончания веков, потому что добровольно расставшемуся с ней новая душа не полагается. Так что лови булавку и постарайся выдавить из пальца хотя бы одну каплю, большего мне и не требуется! — хихикнул чёрт.

Никола подставил ладонь, и полетела игла прямехонько в неё. Просто чудно как-то. Хотя, имея дело с нечистью, уже не приходится удивляться…

Понимал кузнец, что стоит на краю обрыва. Или перед глубоким омутом — с камнем на шее. Шаг один нужно лишь сделать… Только как он мучительно даётся, это шаг!

— Похоже, я всё-таки поймал тебя на слове. Ты обмолвился, что другая мне полагаться не будет. Значит, требуется она для чего-то?

Чёрт недовольно поморщился. Он догадывался: придётся с кузнецом спорить, но, ожидал, только о цене. Заранее заготовил список того, что могло бы приложиться к сытой и спокойной жизни — с целью понемногу прибавлять на свою сторону весов в случае надобности. А тут дебаты пошли! Если открывать перед

Николой все карты, придётся и о реинкарнации говорить, и о том, кто всем этим руководит, и о смысле жизни — тьфу, не к добру вспомнилось! Так можно далеко зайти. Не для того они собрались на краю леса, чтобы диспуты разводить. Багаж знаний нужно собирать загодя, а коли речь о цене завелась, так на ней и сосредоточиться.

— Мне ведь достаточно того, что я имею, кузнец! — заявил он, теряя терпение. — Тебе нужно просить у меня милости, а не наоборот. Только я не стану разбрасываться нажитым. Сказать по совести, твоя душа с каждым днём стоит всё меньше. Помнишь то время, когда мы встретились с тобой первый раз? Была тогда в тебе изюминка, которая ценилась в аду дороже жемчуга и злата. Но растерял ты её. Вся твоя доблесть лишь в том, что не гуляешь по бабам окрестным, живёшь своею семьей. Ну, ещё выпиваешь нечасто. Если собрать все плюсы, они едва-едва перетянут стоимость детей. Я мог бы продать их: не сомневайся, желающие сразу же нашлись бы. Только тогда участь у них оказалась бы незавидной. Не знаешь ты многого, кузнец, о законах в преисподней. Ответь для начала, прояви смекалку: на чём жарятся самые большие грешники?

Пожал плечами Никола: никогда он на эту тему не думал.

— На масле, наверно, растительном…

— Как бы не так! Масло-то, понятно, имеется, только вытапливается оно из детишек малых, которым ещё семи лет не исполнилось. Безгрешными они считаются по церковным канонам. И масло из них не подгорает, не расходуется, если крышку не открывать да брызгам не давать разлетаться, потому и ценится высоко.

Решил для себя уже всё кузнец. Похоже, нет никакой возможности склонить спор на свою сторону. Можно возмущаться, цену гнуть, злато-серебро просить, хотя не нужно оно ему даже с довеском. Результат будет един: лишится он души своей бессмертной, и до Страшного Суда станет влачить жалкое существование в преисподней. Без права на побег, но с обязанностью искупать вину и грызть самого себя день за днём, ночь за ночью. Безрадостная перспектива, но единственно реальная, если хочет он помочь детям и жене.

Приготовился он палец протыкать, чтобы кровь выдавить — булавку уже поднёс, предварительно обслюнявив её, но узнал про масло неподгораемое, не выдержал и крикнул:

— Ах ты, нехристь поганая! Доколе же ты издеваться над людьми будешь?

В ту же секунду послышался голос Оксаны, которая повернула к нему своё лицо, и произнесла только:

— Коля!

Одним словом она его будто отрезвила. То ли предупредить о чем хотела, то ли остановить от шага невозвратного. Стоял он как во сне, зачарованный думами горестными, и за ними ни света белого не видел, ни к чувствам своим не прислушивался. А тут пришёл в себя, злодеяние бесовское осмыслил — и снова злость в нём поднялась.

Замахнулся кузнец кулаком, но задержался на мгновение, как перед броском в холодную воду — и вдруг точно в грудь его ударило воздушной волной, прилетевшей из-за леса. Покачнулся: неожиданно всё-таки, но первая мысль, которая мелькнула в голове — чёрт строит свои козни, значит, боится. После всё-таки влепил по дубу от души здоровой рукою. Думал, и эту сейчас расшибёт («Наплевать, всё равно уже на краю пропасти качаюсь! Нечего кости жалеть!»), но не тут-то было. Дерево, словно хворостина какая, шатнулась и закачалось из стороны в сторону.

Взвизгнул наверху нечистый, вцепившись в ветку, а Никола удивился сам на себя. Слегка правой рукой ствол толкнул — и снова дуб кроной зашумел. Будто мощь человеческая в сто крат возросла.

Произнёс: «Эге!», а листок-то с договором сложил и в карман засунул.

— Что ты делаешь, кузнец? Тебе осталось только палец приложить…

— Подожди немного, тёмная душа. Нам, похоже, ещё условия обговорить надо… — С этими словами ухватился Никола за ствол, упёрся ногами в землю — и давай, как можно сильнее, сотрясать. Посыпались сверху листья, веточки сухие да желуди невызревшие. А вслед за ними грохнулся оземь и чёрт, распластавшись так, словно размазало его по траве. Только некогда было Николе этой картиной упиваться. Схватил он нечистого, да, как в прежние времена, накрутил на руку хвост.

— Остановись, кузнец! Ты забываешь, что твои дети…

— Мы к ним ещё вернёмся. Прежде давай разберём некоторые пункты. Сейчас тебе придётся о них подробнее рассказать! — И с этими словами ухватил чёрта за ногу.

Но, видимо, не знал ещё он своей истинной силушки, возникшей вдруг в теле, потому что суставы бесовские хрустнули, точно дубовые палочки. Завопил нечистый, заохал, принялся юлить да приговаривать, что он пошутил, что ничего страшного детишкам не грозит…

Держал его Никола крепко, а тут ещё и Оксана вдруг встала и подошла ближе. Посмотрела как-то странно в глаза чёрту, произнесла негромко:

— Обманывает он тебя. — И замолчала, будто пластинка закончилась. Хотел узнать кузнец, в чём обман заключается, но девушка молча вернулась обратно к пеньку.

— Ну, говори тогда ты правду, — сказал Никола противнику. — А то, не ровен час, и хвост оторву.

— Откуда у тебя такая сила, кузнец? — пробормотал чёрт, жалобно поскуливая. — Нечеловеческая она…

Попытался Никола перехватить его поудобнее, чтобы по спине пригладить — за бока взялся, но рёбра нечистого затрещали, точно соломинки перед косой.

— Ой! — закричал тот, убедившись, что положение хуже некуда. — Всё скажу… Даже проведу к тому, кто откроет тебе ворота в преисподнюю. Только дай вздохнуть!..

Ослабил Никола хватку, зато за один рог взялся и едва не оторвал вместе с головой.

— Что же прежде не говорил?

— Берёг на крайний случай, — честно признался чёрт.

— Опять будешь врать да юлить?

— Как на духу! Бабка Матрёна умеет это делать.

Присвистнул кузнец. Вот так новость. Выходит, на селе много людей тайными знаниями обладают. Никогда бы не подумал он про Матрёну. Старуха и есть старуха, ничего в ней особенного не было. Живёт одна, сварливая да заносчивая немного, но про кого лучше-то сказать можно?

— Пойдём к ней прямо сейчас! — потребовал, чтобы не оттягивать дело в долгий ящик. Нужно пользоваться моментом, пока чёрт в его руках находится.

Тот согласился без спора: видно, невтерпёж было, когда кулак кузнеца перед носом маячит, смертью угрожает.

Оксану с собой взяли — не бросать же её на краю стремительно темнеющего леса! Уже и звёзды на небо высыпались. Пошла девушка не сказать чтобы охотно, но тоже не противилась. Похоже, ей было безразлично, что делать.

Двинулись гуськом — вначале чёрт семенил, подрагивая хвостом, который продолжал держать в руке Никола, потом шагал сам кузнец, постоянно оглядываясь назад — не отстала ли жена. Оксана замыкала шествие, равнодушно глядя на дивную красоту опускающейся на село ночи. Но в заботах этих не обратили они внимания, как вслед за ними мелькнула в темноте кустов какая-то тень, потом послышалось жалобное звяканье стекла о стекло, и всё затихло. Четвёртый свидетель этого разговора, крадучись, следовал за ними по пятам…

18

Они шли недолго, потому что дом старухи находился всего в трехстах метрах от леса. Странно, но из трубы шёл дымок. Обычно во времена тёплых ночей люди не пользовались большими печами, готовили на «голландках» или во дворе в самодельных железных плитах с подтопком — для экономии дров, в первую очередь.

Чёрт уверенно вёл их прямо к калитке, возле которой остановился и предупредил:

— Матрёна занята колдовством. Если постучимся, недовольна будет.

— Долго ждать-то?

— Уже заканчивает, — потянув носом воздух, ответил нечистый.

— Не живётся людям спокойно! — буркнул Никола, отмахнувшись от назойливого комара.

— Ты вот куёшь и не спрашиваешь у других разрешения… — возразил чёрт. Задумался на мгновение кузнец, и понял, что доля правды в этих словах имеется.

Вскоре что-то в доме громыхнуло, будто посуда разбилась.

— Можно идти, она вернулась.

Не стал уточнять Никола, где Матрёна умудрилась побывать, если никто в калитку не входил и не выходил. Скидку сделал на то, что от страха у нечистого поджилки тряслись — может, и с мозгами сделалось плохо.

Постучали в дверь каким-то хитрым образом: видимо, чёрт знал условный сигнал. Правда, старуха встретила их весьма необычно: ещё в сенях разразилась отборным матом. Пробубнила, что носит тут всяких, по ночам спать не дают, а сама, когда открыла дверь, даже и ко сну подготовлена не была: передник на ней висел грязный да закопчённый, точно от печи она только что отошла.

— Бабка Матрёна, не обессудь и не сердись. Это я, кузнец Никола. Со мной жена моя Оксана и ещё один… его ты, говорят, тоже хорошо знаешь.

Подняла старуха фонарь повыше — и увидела чёрта. Тот скроил жалобную мину — виноват, мол. Матрёна ещё раз смачно ругнулась и прошла в дом, так ничего и не сказав. Похоже, это было с её стороны приглашением.

Вошли они следом, и Никола почувствовал, что пахнет серой и гарью.

— Дымоход, у тебя, похоже, засорился, — сказал

миролюбиво, стараясь расположить старуху к себе. — Тяга плохая.

— Знаю, — отозвалась та, направившись к комоду, на котором стояли горшочки разной величины, стаканчики с цветными жидкостями и пара горящих свечей. Света в гостиной хватало, и те явно были зажжены для других целей.

Пока хозяйка неторопливо разбирала посуду, Никола придвинулся ближе к скамье, стоящей возле стола, и присел на её край, дав знак Оксане садиться рядом. Чёрт, чей хвост так и не выпускали из мозолистых рук, принужден был расположиться прямо на полу. Заметив это краем глаза, хмыкнула старуха и покачала головой, точно с осуждением.

Она занималась своими делами достаточно долго, но кузнец не решился напомнить о себе. Когда, наконец, та угомонилась и подошла ближе, то первым делом посмотрела внимательно на девушку, сидящую с непроницаемым лицом. Пробормотала что-то, потом придвинулась к чёрту, буркнула себе под нос очередные ругательства, покрутила у виска и произнесла с ядовитой хрипотцой:

— Неудачник, как есть неудачник! Сколько раз я тебе говорила — не задирайся на сильных, довольствуйся малым. Вот она, зависть!

Чёрт не оправдывался, потому что шкурой ощущал, как потешаются сейчас над ним все знакомые в аду — особо те, которые сделали ставки против. Слова старухи не могли уже сделать ему горше.

— Смотрю, ты не трусливого десятка! — Обернувшись к Николе, продолжила Матрёна. — Не каждый решится противиться нечистой силе. Тем более, одолеть её — это, почитай, подвиг для обычного человека. Почто пришёл тогда?

— Дорогу ищу в ад.

Она будто не удивилась нисколько.

— Думаешь, там тебя ждут?

— Ждут. Дети. Вот он украл. А сам туда провести не может. Говорит, не положено по штатному расписанию…

Матрёна снова перевела взгляд на пуще понурившегося чёрта и кивнула:

— Ну, дело хорошее. Только вот знаешь ли ты моё правило, хлопец?

— Какое? — скорее почувствовал, чем подумал кузнец, что слова хозяйки ничего хорошего ему не обещают.

— Не делаю я никогда за просто так. Всегда беру плату определённую, и не каждому она нравится.

— Что же это за плата такая? — насупился Никола.

— Разная. Последнее время годами жизни интересуюсь. — Старуха ответила веско, словно гвоздь по саму шляпку в доску заколотила с одного удара. — Те, которые человек мог бы прожить, да добровольно мне передаёт в полноправное пользование. А за это получает то, что обычными средствами добиться не может.

— Сколько же ты хочешь? — спросил кузнец, огорошенный словами хозяйки. Всё больше вживаясь в атмосферу волшебства, он уже не задавался вопросом, как это возможно сделать. Если Матрёна говорит, значит, может.

И мелькнула ещё одна мысль: всем от простого человека прибыли поиметь хочется, а самому ему сплошной убыток. Что нечисть сейчас, что жульё разное да кровопийцы-капиталисты в недалёком прошлом — похоже, одного поля ягодки.

— За такое двадцать лет, не меньше. — Та подняла палец для значимости. — Если думаешь, что много — ищи дуру, которая тебя слушать станет.

Задумался Никола, а внутри снова закипает всё. Куда же ему деваться?

— Если свои отдавать не хочешь, можем на жену твою договориться. Мне всё равно, чьи они будут. Тем более, — старуха гадко хихикнула, — покуда ей что воля, что неволя — всё едино. В самый раз моментом воспользоваться!

— Что ты говоришь, бабка Матрёна? — возмутился кузнец. — Разве можно человека обманывать, судьбой его играть?

Захохотала старуха так, что даже слёзы у неё на глазах появились. Затряслась вся, будто задом по стиральной доске проехала. Утёрлась потом краешком платка, головой покачала и произнесла с придыхом:

— Насмешил ты меня, Никола. Давненько так не веселилась… Такой же наивный, как и везучий. Не буду с толку сбивать, это больше по его части, — она кивнула на чёрта, поднявшего было с надеждой голову. — Цену мою ты слышал, решай сам.

— Решил уже. Согласен. — Кузнец в порыве так дёрнул рукой, что хвост, обёрнутый вокруг неё, едва выдержал. Чёрт пискнул, но, заметив суровый взгляд старухи, зажал себе рот рукой и притих.

— Тогда пойдём в курятник. Такие вещи лучше делать там.

Хозяйка вытащила из ящика комода небрежно завёрнутую в тряпицу вещь, напоминающую череп младенца, и склянку с фиолетовой жидкостью, потом двинулась к выходу первой. Остальные отправились за нею в прежнем порядке.

Возле дверей взяла Матрёна с серванта керосиновую лампу, и

нырнула в темноту проёма.

Куры уже спали, иногда тревожно встряхивая крыльями и издавая негромкие звуки. Петух, закудахтав, узнал хозяйку, успокоился и спрятал голову под крылом, чтобы не мешал свет. Насест был полон, но старуха обошла его стороной, и направилась в угол. Низкий потолок нависал над всем пространством курятника, однако стоять в полный рост кузнецу оказалось несложно.

— Думаю, сейчас тебе будет немного странно видеть, что я стану делать, — сообщила Матрёна, обращаясь к Николе.

— Я уже всякого насмотрелся за эти дни, — ответил тот. — Потерплю.

— Мне, кстати, никакого договора не нужно, я работаю под честное слово, — пояснила старуха. — Совершаю свою часть, ты принимаешь работу — и мы быстро всё заканчиваем. Выпьешь из этой бутылочки, — она чуть приподняла склянку. — Даже не почувствуешь ничего.

— А если нет у меня впереди такого количества лет? — на всякий случай спросил кузнец.

— Тогда возьму, сколько есть, не обессудь. Оставлю пару месяцев — и довольно. Возражай, пока возможность есть.

Покачал Никола головой: если уж решился, нечего мешкать. Всё лучше, чем душу закладывать. Отмашку дал старухе, и та начала в транс входить.

Сначала лицо её посерело, потом позеленело, глаза выкатились из орбит, губы стали трястись и бормотать что-то нечленораздельное. Жуть просто! Такого даже в старых фильмах ужасов не показывали. Голливудская братия заплакала бы от досады, достанься ей плёнка с видеозаписью. Но это оказались только цветочки. Через пару минут закружилась ведьма по комнате, волосы распустила, и те начали развеваться, подобно мочалке — смешно и страшно одновременно. И выть начала, да с каждым мгновением всё громче. Бегает по кругу и рычит, как зверь лесной. Куры, наверно, привычные ко всему — даже не шелохнутся лишний раз, чтобы хозяйку не отвлекать. Чёрт с Оксаной тоже молчат, а вот кузнецу не по себе стало. Действительно, такого он ещё не видел.

Между тем завизжала Матрёна, потом как бросится к Николе с загнутыми крючком пальцами — тут уж не выдержал мужик, сам закричал во весь голос. И такой ужасный хор вышел, что взвизгнула даже Оксана, на мгновение пробудившись от своего забытья. Куры дружно зашлись кудахтаньем, а чёрт — тот просто затаился, посматривая сквозь зажмуренные веки то правым, то левым глазом.

Впрочем, судя по тому, что старая ведьма снова отскочила в угол, всё шло, как и задумано. И вполне вероятно, что закончилось бы для кузнеца драматически, но… В этот момент случилось непредвиденное. Наверху, на потолке, послышался шум, возня, потом хрип, перешедший в трехэтажные ругательства. Пара досок выгнулись дугой, с треском лопнули, и оттуда в облаке мелких соломинок, опилок и пыли свалился отец Савелий собственной персоной.

Был он одет, супротив обычного, в рясу поповскую, на шее имел огромный серебряный крест, а в руках, точно бомбы с зажигательной смесью, держал две наполненные бутыли. Лицо его, присыпанное мусором, выглядело точно неживое — ни дать ни взять американский янки после линчевания. Зато через эту маску просвечивали два ярких огня — глаза, горящие героическим пламенем.

— Никола! — возопил Савелий, повалившись на пол и изо всех сил пытаясь подняться. — Я иду на помощь! Держись!.. Я уже близко… Не робей, православные! Свят, свят, свят…

19

Если не знать святого отца, можно было подумать, что он в стельку пьян. Но это не так.

Оказавшись, по милости Лешего, в селе, Савелий посоветовался с женой и решил наблюдать за домом кузнеца. А потом, крадучись, провожал того и к лесу, и обратно, к Матрёниной избе. Надо сказать честно, что из осторожности не подходил Савелий особо близко к чёрту (ведь всякий знает, какой нюх у нечисти!). А, затаившись в курятнике ведьмы, для конспирации обмазался куриным помётом. Конечно, выбирал тот, что посуше, но желаемого добился: чужой запах не потревожил ни кур, ни саму старуху. Что делало Савелию честь как бывшему десантнику и командиру взвода. Так вот, прячась за кустами, он почти ничего не слышал и информацией не владел. Но, как человек умный, провёл кривую событий, аппроксимировал её в прошлое, интерполировал на ближайшее будущее, и понял, что затеял Никола стрельбу на поражение. И главной мишенью видит самого себя.

Не понравилось Савелию такой расклад. «Продать душу никогда не поздно!» — подумал он философски.

Заняв на сеновале выгодную позицию, он стал готовиться к наступлению — разгрёб стожок соломы и освободил несколько хилых и подгнивших досок полатей. Самый подходящий момент настал тогда, когда внизу от визга и криков можно было уши затыкать. Вытащил тогда он из кармана две бутылки со святой водой, заботливо приготовленные Ларисой, откупорил одну, и, благословясь, с именем Бога на устах, подпрыгнул вверх. Расчёт оказался точным. От удара каблуков доски не выдержали, и Савелий, как был в боевом обмундировании, рухнул на земляной пол.

Тут уж он позволил себе расслабиться и покрыл ведьму с чёртом таким матом, что те изгибаться стали, как вши на гребешке. К тому же ор свой дикий Матрёна прекратила, и доносилось теперь только поскуливание нечистого.

— Бей неверных! За Родину и Сталина! — закричал Савелий в установившейся тишине и принялся размахивать открытой бутылкой, поливая всё вокруг. Если бы сейчас у него в руках появился счетверённый пулемёт с разрывными пулями крупного калибра, походил бы он на былинных богатырей Добрыню Никитича и Илью Муромца. Но и с верою наперевес со стороны смотрелся замечательно!

Правда, эффект от поливания святой водой почему-то не

сработал. Матрёна, зажмурившись на мгновение, вдруг распрямилась, поймала на лету несколько капель, поднесла их к носу и загоготала неудержимо. Чёрт, съёжившийся у ног кузнеца, прощался со свободой и здоровьем: ожоги должны были надолго забросить его в лазарет, но получив струей прямо по носу, вдруг заулыбался во весь рот и даже плечи расправил.

— Вот так поп! Всем попам поп! Давно я о тебе такое слышала, но убедиться не могла! — Старуха едва отдышалась от смеха.

И тут по курятнику распространился сильнейший запах самогона. Побледневший Савелий замолчал, понюхал горлышко бутылки, обо всём догадался и тогда поднял её, как гранату со словами: «Отступать некуда! Позади — Москва!», и швырнул в старуху. Только Матрёна на поверку оказалась увёртливой — отскочила как молодая. А потом небольшим взмахом руки опутала святого отца невидимыми нитями, и тот повалился, качая головой и грозно вращая глазами. Впрочем, он мог ещё ругаться, чем сразу же воспользовался.

Кузнеца такой подвиг будто от сна пробудил. Всё, что накипело в нём за вечер, вылилось в одну минуту. С криком: «Наших бьют!» он бросился к насесту, забыв даже о чёрте, которого только что держал, ухватился там за самую толстую жердину, выдрал её из стены и без размаха ударил Матрёну по сгорбленной спине.

К несчастью для чёрта, он в ту же секунду пытался подняться на ноги, чтобы убраться подальше. Удар пришёлся ему по хребту. Нечистого перевернуло в воздухе и бросило на стену — там три бруса треснули вдоль волокон. Дальше нечеловеческая сила кузнеца продолжила движение жердины, набирая скорость и мощь… Но на её пути возникла щуплая фигура Матрёны — и палка с жалобным писком превратилась в щепу, словно ударившись в глухую бетонную стену. Старуха даже не покачнулась. Хмыкнула только озадаченно — откуда у мужика такая сила? А потом бросила и в его сторону заклинание. Почувствовал Никола, что опутываются его руки и ноги незримыми ремнями, затягиваются, так что крови по жилам тяжело бежать сделалось — и повалился на грязный пол рядом с Савелием.

— Вот, значит, какая твоя честность, старая карга! — рыкнул, стараясь перекричать товарища.

— Не я виновата, — ответила хозяйка дома. — Не присылал бы соглядатаев — исполнили бы, что задумано. — Она нёмного выпрямилась, охнув, потом подошла к святому отцу, подняла валяющуюся рядом с ним вторую бутылку, посмотрела на неё,

вспомнила недавний конфуз Савелия, и снова затрясло её от смеха.

— Чтоб тебе под землю провалиться! — Поп был крайне раздосадован, но держался молодцом. — Поперхнётся тебе моя самогоночка!

Матрёна, продолжая ухмыляться, откупорила бутылку, и, как есть, без закуски, влила в себя содержимое.

Вдруг лицо её страшно повело в сторону, оно стало распухать, одновременно клонясь к земле, а из надувающегося, словно воздушный шар, тела вытянулись в разные стороны щупальца. Они беспрестанно шевелились, хватая всё, до чего могли дотянуться. Чёрт, не успевший забиться в угол и попавший под горячую руку, взвизгнул, когда одно вцепилось ему в ляжку. Два других потянулись следом, оплетая туловище и шею. Ох, рогатый и заёрзал!

Впрочем, Матрёне, похоже, было не до него. Она словно раздвоилась — глыбообразная голова, думающая о том, как быстрее завершить трансформацию, и конечности, живущие собственной жизнью. Всё вместе продолжало расти вширь и в высоту, подпирая потолок и превращаясь в уродливое создание, напоминающее не то осьминога, не то краба морского. Вместо рта у туши неожиданно выделился и открылся огромный клюв, попытавшийся сразу же кого-нибудь достать. Самым близким оказался тот же чёрт — он едва не получил по темечку. Правда, изловчился и с визгом выскользнул из одной петли. Две другие его так и не отпускали.

И в этот момент возле стены, где находилась тварь, послышался грохот, земля разверзлась, и открылась трещина. Небольшие языки пламени, вырывающиеся оттуда, сразу оплавили края надлома и подожгли соломенную труху на полу. Чудовище, напоследок сверкнув глазами величиной с хороший тазик, полезло вниз, круша затылком потолочную балку и утягивая за собой чёрта. С хрустом протиснулось оно в узковатый проход, и оттуда ещё некоторое время доносились крики о помощи.

Когда всё затихло, напрягся Никола, стараясь преодолеть путы, а те неожиданно спали сами. Вскочил он и бросился к Оксане. Та продолжала стоять возле насеста, равнодушная к происходящему.

— Оксанушка, ты не испугалась? — спросил он с тревогой.

— Нет, — ответила та.

— Слава Богу! Мы одолели их! — вставая с земли, произнёс отец Савелий. — С помощью святого слова, воды и веры, не иначе.

Они обнялись с Николой, как два товарища, переживших тяжёлую битву, и сели держать совет.

Разлом не пропадал. Свет из него продолжал струиться, освещая угол курятника и беспокоя птиц.

— Это и есть ворота, дядя Савелий? — спросил Никола, боясь ошибиться.

— Похоже, что так, — кивнул тот.

— Туда мне самая дорога. — Кузнец решительно поднялся на ноги. — Пока ещё не опомнилась нечисть проклятая.

— Я иду с тобой, хлопец, — ответил Савелий. — Или ты думаешь, что брошу прихожанина на погибель, когда дело касается врагов рода человеческого?

— Я тоже иду с тобой, — произнесла вдруг девушка, как-то странно хлопая глазами. Похоже, в них появились слёзы, и, Никола обрадовался: это был добрый знак.

— Может быть, подождёшь здесь, золотце моё? — ласково спросил, взяв жену за руку. — Не женское это дело — биться с бесами.

— Чувствую, что часть меня уже там. — Оксана показала рукой на трещину и попыталась через силу улыбнуться. — Я должна отыскать её…

— Что же, если тварь безбожная смогла пройти этим путём, то уж нам и подавно бояться нечего! — подбодрил всех Савелий, впрочем, сам не до конца уверенный, что всё обстоит именно так. — Воды у меня с собой больше не осталось, но, думаю, мы найдём внизу колодцы. Ведь и бесам поганым нужно что-то пить. Идёмте, братья и сестры!

Они обнялись, как перед дальней дорогой, в которой может случиться всякое, и подошли к краю расщелины. Оттуда тянуло жаром, но вполне терпимым. Свет мерцал весьма подозрительно. «Светомузыку включили, что ли, змеиные отродья?» — пробормотал отец Савелий, бывший электрик, подсчитывая периоды между вспышками. Потом они взялись за руки и одновременно бросились вниз, где колышущийся на глубине двух метров туман сразу принял их в свои объятия.

Герои уже не видели, как дымящаяся соломинка на полу курятника вдруг вспыхнула, передала эстафету соседней щепочке, та — ещё дальше, и вскоре огонь добрался до стены. Облизнув её своими языками, устремился к потолку, а там мгновенно полыхнул целый стожок. Куры, проснувшиеся и одуревшие от дыма, бестолково метались, проваливаясь в разлом или исчезая в щели под дверью.

Через несколько минут курятник бабки Матрёны пылал в ночи, освещая всю цепочку неправильно поставленных домов

своего порядка.

20

Леший испугался не на шутку. Его охватил страх — не простой, как перед видимой опасностью, когда можно злость в себе распалить, или, для варианта, голову страусом под пенёк засунуть, чтобы схорониться.

Страх, который столетиями он вынашивал в душе — совсем другой. Тот не имел объяснения, не поддавался расчёту и абсолютно не контролировался умом, потому как природой своей вышел из непознаваемого. Это был страх от Сущего — наказание и проклятие всей его жизни.

Ещё в детстве отец Лешего сделал ему качели, перекинув пару верёвок через горизонтальный сук и приладив к ним дощечку для сидения. И надо же такому случиться, что малыш, подкинутый вверх, впервые понял, что это для него не удовольствие, а мучение. Отцепившись от верёвок, закрыл ладошками глаза — и полетел прямиком в соседнее дерево. Там, крепко ударившись о ствол, заревел коровой, но не потому, что больно — к этому лешаки имеют врождённый иммунитет, а от ужаса, испытанного в момент полёта.

Уже потом, повзрослев, возвращался он к пережитому во сне, просыпаясь в поту и мелкой дрожи. И понял со временем, что, наделив его силой великой, Создатель — для равновесия или же для развлечения своего — вложил в душу эту слабость. И нести крест придётся до самой смерти, потому как одолеть себя сложнее, чем целую армию врагов.

Даже лазая по деревьям, не решался Леший прыгать или, хуже того, планировать вниз. Делая вид, что торопиться ему некуда, карабкался по стволу, обдирая коленки, но не смел даже представить, как ноги вдруг оторвутся от опоры, и он спелой грушей, как в детстве, грохнется о землю.

Приглашение Степаниды Ивановны ввергло его в ужас. Они едва доплелись до берлоги, и женщине пришлось уже всерьёз тащить старика на себе.

— Отдохнёшь перед дорожкой, милый? — спросила она.

— Угу, — пробормотал Леший. Но, занятая своими планами, гостья пропустила тон его ответа мимо ушей. Она очень деловито осмотрела метлу, на которой несколько дней назад прилетела в лес, почесала лоб и быстро перевязала ей «хвост», вплетя несколько можжевеловых веточек — для увеличения грузоподъёмности. Потом, забравшись на скамью, ощупала и обнюхала каждый пучок травы, подвешенный для сушки и хранения, а некоторые по щепотке собрала в особый мешочек.

Напоследок критически осмотрела себя, открыла сундук и надела сарафан, который нравился ей самой.

Приготовившись, вышла на воздух — и увидела старика бледным и осунувшимся, будто с момента их последней встречи прошло много лет, а не десять минут. Сидя прямо на земле с прикрытыми глазами, Леший держался за сердце и слегка постанывал. Впрочем, услышав шаги Степаниды Ивановны, сделал над собой усилие, изобразил боевую готовность и даже поднялся на ноги.

— Когда летал в последний раз? — спросила женщина, переворачивая метлу.

— М-м-м… давненько, — соврал старик.

— Тогда сядешь вперёд. Я буду поддерживать.

Он хотел выкрикнуть, что впереди будет ещё страшнее, и метла обязательно сбросит их, как чувствующая слабину лошадь, но ведьма не дала ему времени на размышления.

— Садись, дорогой! — произнесла нежно, словно поросёнку перед забоем, помогла закинуть ногу и решительно гаркнула, взмахнув рукой:

— Эге-гей, родимая! До села нас!

Леший, дыхание которого мгновенно остановилось, ухватился обеими руками за черенок и застыл каменным изваянием.

Они круто взметнулись над кронами ближайших деревьев, но, не расступись те вовремя, обязательно задели бы за них башмаками: метла не ожидала такой нагрузки, застонала и лишь за счёт силы духа превозмогла собственные возможности.

После, конечно, подъём сделался более щадящим, но самого факта полёта хватило бы Лешему, чтобы умереть геройской смертью от разрыва сердца. В обычном случае. Сейчас же его обнимала сзади чудесная и храбрейшая женщина, ради внуков готовая вступить в борьбу даже с самим дьяволом, не то, что с его слугами. Чувствовать себя трусом рядом с ней просто невозможно. Пыхтя, старик с трудом сделал первый выдох, потом встречный ветер вновь наполнил лёгкие — и следующий дался уже намного проще.

Красота ночного леса с высоты птичьего полёта могла бы вдохновить бессонного поэта. Нечеловеческое зрение пилотов вырывало из темноты мельчайшие детали, но сейчас оба были заняты совсем не лирическим осмыслением действительности: Леший старался выжить, а Степанида Ивановна разрабатывала план военных действий. Небо над их головами казалось глубоким, будто омут, и звёзды плавали в нём лягушачьей икрой да мелкими головастиками. Они торопились жить, пока шумело

лето, и обитатели земли мало обращали на них внимания.

Ветерок теребил старику густую шевелюру и щекотал бородой грудь. Это на какое-то время отвлекло его от насущной необходимости держаться двумя руками, а потом он с удивлёнием обнаружил, что до сих пор жив, хотя ноги вот уже несколько минут не ощущают под собой опоры. Выходит, даже в аду полёта можно существовать вполне сносно. Такое открытие стало для Лешего откровением. Крепкие, но мягкие руки Степаниды Ивановны, обнимающие его за талию, показались ему якорями, не позволившими дать крена. Нежданная радость избавления от собственного страха плеснулась в нём, будто родничок в грязной луже. Перерождение было таким быстрым и глубоким, что старик снова стал ловить воздух ртом — на этот раз, чтобы охладить вспыхнувший внутри восторг. Это походило на глоток свежей воды для умирающего в пустыне.

Когда впереди показалась светящаяся точка, Степанида Ивановна включила внутренне зрение, позволяющее ей видеть многое из того, что недоступно простому человеку. И среди всполохов света, разлившегося над селом, заметила следы неведомого существа. Они обрывались в пламени пожара. Мысленно приказала метле направиться туда, а сама предупредила спутника:

— Милый, позаботься, чтобы нас никто не увидел.

Снизившись над избами, обнаружили они спешащих со всех сторон к пожару людей с вёдрами и баграми наперевес. В опасной близости от дома бабки Матрёны горел её курятник. Селяне отнеслись к чужой беде, как к собственной.

Старик быстрым движением руки создал вокруг охранный кокон, и пилоты сделали пару заходов над разгоревшимся кострищем. Если ничего не предпринять, огонь наверняка перекинулся бы на дом. Впрочем, люди тоже это понимали, поэтому суетились именно возле избы, поливая её стену водой и оттаскивая разлетавшиеся в разные стороны горящие головешки.

— Здесь что-то случилось! — потянув носом, точно гончая, произнесла Степанида Ивановна. — Я чувствую запах сына. С ним, кажется, Савелий. И ещё кто-то… не пойму. Огромный и злобный.

— В селе неоткуда взяться такому, — пробурчал недоверчиво Леший. Только он и сам что-то заподозрил. Под языками пламени, кажется, был ещё какой-то источник света.

— Ты сможешь потушить пожар?

— А нужно? — спросил на всякий случай старик. — Люди могут заподозрить нечистое…

— Постарайся, чтобы вышло естественно. А я пока надоумлю

несколько человек, чтобы плескали из ведёр прямо в огонь.

Они, продолжая кружиться вокруг пожара, принялись разбрасывать в разные стороны паутины волшебства. Через несколько минут часть кострища, словно захлебнувшись, задымилась, и сквозь облако пара ведьма увидела то, что прежде от них было скрыто.

— Это ворота в преисподнюю. Никола всё-таки сумел отыскать ключи. — В её голосе звучала гордость за сына.

— Похоже, он уже там, — почесав затылок свободной рукой, сказал Леший.

— Если разлом не замкнулся, корешки мне не потребуются.

— Предлагаешь приземляться? — Это была ещё одна болезненная тема для старика.

— Нет, мы нырнём прямо в ворота. Думаю, они открыты для нас. — Игриво усмехнулась ведьма, чуть ущипнув спутника в бок, отчего тот едва не завалился набок.

— Да что ты!

— Приготовься, боюсь, там нас ожидают сюрпризы!

Вопроса о том, опасно ли проникать в дышащий пламенем провал, даже не поднимался. Леший, как существо, обладающее властью над огнём — как же ещё тушить лесные пожары и оберегать свои владения? — мог выставить ещё один оберегающий щит.

— Держись крепче, дорогой! — И Степанида Ивановна, совершив головокружительный пируэт, пошла на снижение. Впрочем, бросаться в омут без оглядки было не в её правилах. Резко остановившись и зависнув над пожарищем, она дождалась, пока спутник не придёт в себе и совершит охранное заклинание. Только после этого отдала приказ метле на спуск.

Наверно, создание самолетов с вертикальной посадкой в своё время было придумано людьми не случайно. Хотя подсмотреть за полётом бабы на метле изобретателям вряд ли пришлось, они, думается, черпали идеи из того же вселенского источника, что и прирождённые ведьмы. Очень удобно при определённых обстоятельствах!

Степанида Ивановна с Лешим ощутили, как затрещал искусственный кокон, защищающий их от огня, как искры забегали по его поверхности, создавая для людей неповторимое зрелище «возвращение дьявола», услышали испуганные крики, потом миновали самую жаркую часть провала — а дальше погрузились в непроницаемый туман, будто в жижу.

— Ого, здесь не так уж и душно! — произнесла удивлённо Степанида Ивановна, сама впервые переступившая порог преисподней.

Темнота густела, превращаясь в подобие киселя, сквозь который, наверное, с трудом проходил воздух, а потом вдруг рассеялась, и они увидели вокруг стену каменного колодца. Та тянулась довольно долго, но при этом метла, похоже, расслабилась: спуск происходил без её участия.

Наконец, увидев внизу свет, через минуту достигли дна. Ощутив под ногами твёрдую почву, Леший сразу почувствовал себя намного увереннее.

— Кого будем бить? — спросил он грубовато, разминая затёкшие руки.

— Увидим, милый, — ответила, погладив его по плечу, Степанида Ивановна, но в голосе её явственно звучало: «Всех, кто нам не понравится!»

Метлу она взяла под мышку, не желая расставаться с послушной воспитанницей — ведь дрессировка обычно отнимает много времени и сил. Спутник, оглядевшись, подобрал хорошего размера дрын, валяющийся в первой попавшейся куче строительного мусора, и кровожадно засопел.

— Ты не жалеешь, что пошёл со мной? — спросила женщина, обняв его мускулистую руку.

— Давненько не приходилось разминаться, — ответил тот недвусмысленно. Впрочем, особой злости Леший не чувствовал. Лишь молодецкий задор, каким руководствовались на Руси мужики, участвуя в потасовках стенка на стенку. Бесы не были его заклятыми врагами, хотя и к друзьям он их причислить не мог. Народ этот считался шкодливым и ненадёжным, иметь с ним дела означало рискнуть остаться в дураках, что и подтвердила их недавняя встреча с Сигизмундом. Она, пожалуй, и послужила главной причиной, по которой старик согласился проникнуть в ад. Хотел он найти коварного чёрта и вытрясти из него душу!

Они двинулись коридором, уходившим с небольшим наклоном в глубину земли, готовые в любой момент встретиться с местным воинством.

21

Спуск до самого дна каменного колодца прошёл для Николы со спутниками спокойно, если не считать того, что в конце поддерживающая сила оставила их, и пришлось падать с высоты чуть менее метра. То ли агрессивный настрой на окружающую магию повлиял, то ли крест святой действие возымел. Но всё закончилось благополучно. Что называется, повалились, да не запылились.

Поднявшись на ноги, Оксана как-то странно напряглась, повела носом и сказала впервые за последние дни нормальным голосом:

— Знакомо мне здесь всё… Будто бывала уже.

— Когда же это могло быть-то, золотце моё? — спросил обрадованный изменениям Никола. Но отец Савелий толкнул его в бок и прошептал, наклоняясь к уху:

— Прежде нас спустилась за детьми душа её.

Догадка оказалась верной. Девушка вела их быстро, «вспоминая» некоторые подробности, о которых не могла и знать. За очередным поворотом выяснялось, что не ошибалась она. В одном из небольших залов обнаружила подсобное помещение — кочегарку, в которой лежала брошенная лопата. Повертев в руках, решил кузнец, что пригодится та в дороге, и с собой взял.

— Кровь на ней, — заметил Савелий, указав на рыжеватое пятно.

— Чья? — невольно предположив недоброе, спросил кузнец.

— Сдается мне, душа не может кровоточить. Разве что фигурально. Значит, пострадал кто-то другой, — пожал плечами поп. Правду узнать сейчас они вряд ли могли.

— Бесовская она, — уверенно произнесла Оксана, сверкнув очами.

Догадываясь, что опасность приближается, путники двинулись дальше. Пришлось им пройти несколько коридоров и длинных проходов, прежде чем почувствовали они запах дыма и гари. «Не добрались ли мы до самого сердца?» — буркнул Савелий, рисуя себе картину мучений грешников. Насторожился и Никола, перехватив лопату удобнее. Девушка шла впереди, не сворачивая в многочисленные отводы от основного пути, и на развилках определяла направление быстро и без особых колебаний.

Оказалось, дымили остатки погромленной мебели и головешки от перевёрнутых печей. О том, что помещение использовалось под кухню, можно было судить по разбитым

котлам, и разбросанной в беспорядке медной посуде. Среди погрома кое-где лежали черти — полуживые, сильно обожжённые и в обморочном состоянии, а то и вовсе убиенные. Разбираться с ними никто не стал — переступили, как через бревна — и направились в очередной открывшийся коридор.

Вскоре пришлось Оксане остановиться: впереди громоздился завал. Камни большущие и закопчённые дымом. Обойти его не получалось: все проходы разбегались по сторонам и уводили неведомо куда.

— Похоже, след потерян, — смекнул Савелий. — Однако славно здесь кто-то до нас поработал. При случае, постараемся и мы не ударить лицом в грязь.

Они выбрали одно из ответвлений и вошли в него, понимая, что теперь придётся двигаться наугад. Впрочем, прежде путники тоже не знали, куда направлялись. Важнее было, что дорожка оказалась уже проторённой.

Здесь факелы попадались не так часто, приходилось перемещаться в потёмках, но отец Савелий обнаружил удивительно свойство своего креста: он излучал свечение, которое при кромешной темноте позволяло хоть что-то видеть вокруг. Как оказалось позднее, с приближением опасности крест словно разгорался. Впервые он проявил себя так, когда справа от прохода вдруг открылась небольшая пещерка, в которой находилось десяток бесов женского пола, сидящих за столами и орудующих огромными сапожными иглами. Их пятачки шмыгали в такт стежкам, и длинные косы свисали прямо на открытые торсы. Шили они грубую рабочую одежду из несгораемой ткани. Под потолком тускло светился один-единственный фонарь. Увидев людей, швеи взвизгнули и бросились наутёк, расталкивая друг друга. У пещерки имелся ещё один выход, через который вскоре вместо них появились пять крупных чертей, вооружённых вилами — ни дать ни взять секьюрити.

Тут крест заполыхал, создавая ощущение крепкого тыла. Никола не стал вступать в разговоры, полагая, что это никогда не поздно будет сделать, а схватил лопату наперевес — и бросился в бой. Длился тот недолго: двое противников упали с разбитыми лицами, а трое остальных кинулись наутёк вслед за женщинами.

— Комплекция у них незавидная. Голодают, поди, — заметил отец Савелий, благословляя кузнеца.

Тот перевернул полураздетые тела врагов, не обнаружил никаких трофеев, кроме вил, и разочарованно хмыкнул.

— Числом берут, — предположил он. — Обычно чем мельче, тем подлее.

Пока они обсуждали местных бойцов, Оксана заглянула

одному из них в глаза, приподняв подрагивающие веки. Потом поднялась с корточек и загадочно сказала:

— Ждут нас, как избавителей. Несладко им тут. Но требуется доказательство нашей силы.

— Знамо дело! — согласился Савелий. — Вот, ужо, дойдём до главного логова — и покажем кузькину мать!..

Впрочем, слова девушки он до конца не понял, но объяснения допытываться не стал.

Зато в углу подобрал поп кувшин с грязной тухловатой водой. Попросив спутников задержаться, опустил в него крест и прочитал несколько молитв, призванных уменьшить влияние бесовского на души людские. Вода пошла пузырями, будто газом насыщалась, а когда процесс завершился, пахнуло из кувшина родником чистым да серебряной свежестью.

Следующая стычка с местным воинством произошла случайно. Отряд хорошо вооруженных чертей проходил по тёмному коридору в тот момент, когда путники выскочили из бокового проема. Шум поднялся нешуточный: принялись бесы выстраиваться в боевой порядок, но не успели этого сделать. Врезался в них Никола, потрясая губительной лопатой. Разметал и потоптал всех за несколько минут. Лопата, не выдержав ударов, сломалась, но черенком её и кулаками махал кузнец тоже исправно — любо-дорого посмотреть. Сзади, не отставая, следовал отец Савелий, брызгая освящённой водой. И там, куда падали её капли, шкура чертей начинала дымиться и надуваться пузырями, будто от химического ожога.

Рассыпался отряд, стрекоча задал, а в спину ему неожиданно ударил сноп искр — это Оксана насупила брови да взглядом сгусток пламени метнула. Мало бесам не показалось!

— Жена твоя, Никола, силу набирает, — констатировал факт Савелий. — Не ровен час, разнесёт тут всё.

— Поделом им, раз до воровства детей опустились.

Настоящее испытание выдалось часом позже. Двигались они тёмными проходами, где факелов уже одного на три сотни шагов не сыскать стало. И вдруг заметили впереди свет. Подготовились на всякий случай: подобрал кузнец оброненный кем-то сучок — явно на дрова несли; подкинул на ладони — удобный; Савелий крест почистил, прочёл над остатками воды пару молитв, а Оксана то ли думу думала, не переставая, то ли прислушивалась к чему. С тем и вышли они в огромный зал, одна половина которого была заполнена чертями. Да не простыми бесенятами мальчишеского возраста, а матёрыми, одетыми в одежду ратную да вооружёнными мечами настоящими. На головах каждого красовался шлем с плюмажем, а в руках щиты странной формы —

походили они на восьмёрку. Впереди воинства стоял огромного роста чёрт, рога которого задирались над головой наподобие козлиных — в полметра, не меньше.

И показалось Николе, что врагов было числом около сотни. Тут впору испугаться обычному человеку. Но билась в жилах кузнеца сила неимоверная, ярила его, требовала применения… Как при таком раскладе отступать, показывать спину? Зарычал он зверем, раздалось по подземелью медвежье рыканье.

Переглядываться стали между собой черти. Только главарь их не смутился: взмахнул мечом и говорит с иноземным акцентом:

— Предлагаю вас сдаться. Сопротивление бесполезно. Обещаем быструю смерть без боли и страданий.

Посовещались Никола с Савелием и обратились к Оксане:

— А можешь ты ещё раз пальнуть на них искрами? Целься в главного. Без руководства любая армия разбежится.

Девушку и просить не нужно: насупилась так, что брови свела, а на лбу морщины легли, забормотала слова непонятные — и сорвался с её рук огненный шар. Огромный, бурлящий газовыми всполохами, точно солнце с протуберанцами. Полетел он, шипя и рассекая воздух — и непременно снёс бы рогатого с ног, если бы не прикрылся тот щитом. Только, похоже, и щит оказался непростым: отскочил от него шар и устремился обратно. Растерялась Оксана: не привыкла она подарки взад принимать. Но тут на помощь пришёл Савелий со святым словом: встал во весь рост, упёрся в землю, как кронштадтский матрос, выставил впереди себя крест — и сотворил молитву для помощи против супостатов. Шар, будто ударившись в невидимую преграду, отскочил и снова помчался к чёртову воинству. Только в этот раз угодить должен был уже не в главаря, а куда-то на фланг. Впрочем, рогатый тоже не сплоховал: рванулся, что было прыти, туда, и снова отразил подачу щитом. С визгом и уханьем встретило этот манёвр войско. И ловкости их командиру было не занимать: направил шар точнёхонько на противника.

Усмехнулся Савелий, сощурился, потом, принимая шар, гаркнул во весь голос:

— Получай Уимблдон!

Засвистели черти, думая, что их обзывают новомодным ругательством, но расступились, потому что огонь нёсся к ним с неистовой силою. Трудно пришлось рогатому — пробежать половину зала, отразить да и ещё постараться не смазать…

Через несколько минут взаимных перепасовок он всё-таки ошибся. Очередной удар Савелия, подкреплённый смачным словцом, вышиб его из седла. В том смысле, что успеть на фланг командир успел, а вот отбить толком не получилось. Шар,

отскочив от щита, ударился в землю и от неё — в толпу раззадорившихся чертей. Взрыв, раздавшийся вслед за этим, сбил с ног два десятка воинов: кое-кто лишился доспехов, другие — головы.

Впрочем, на потери никто не обратил внимания, потому что вслед за тем от нападавших отделился кузнец и крикнул:

— Выбирайте своего богатыря кандидатом в колбасный цех!

Пошептались черти. Рогатый уже не в силах был биться: дыхание сорвалось, испариной покрылся. Поэтому вытолкали вперёд ещё одного силача. Одни только шрамы у того на лице чего стоили! Ещё имел он рожки, согнутые крючком, и лоб его выпячивался вперёд горделиво и упрямо. Впрочем, и оружие у него было грозное — трезубец и сеть. Чистый гладиатор местной закваски. Стали черти освистывать Николу, который вышел на бой с простой дубиной. Кузнец, конечно, заробел в глубине души, но потом детишек своих вспомнил, жену обиженную да мать униженную. Рыкнул, ударив себя в грудь и разорвав в клочья рубаху. Мышцы заиграли в свете факелов, как у африканской гориллы — приутихли черти разом, да и представитель их остановился в нерешительности.

Не дал ему Никола возможности спасовать. Бросился вперёд, швырнув, как спичку, дубину, а пока чёрт прикрывался от неё, подскочил и так отдубасил кулачным боем, что, едва живого потом замотал его же собственной сетью, и, размахнувшись, швырнул сотоварищам. И тут подоспели Савелий с Оксаной.

Сеча была жаркой. Уже не думал Никола, чтобы ударить вполсилы и сберечь врагу жизнь. Не осталось такой возможности. Крошил, будто капусту шинковал. В обе руки взял палицы длинные и крутил ими невообразимые кренделя, будто косою перед Кикиморой. Сами напросились. Подходили бы по одному, каждому досталось бы полкулёчка. А тут вот вам, да ещё с довеском. Довесок обеспечивали Савелий с Оксаной. Огненные шары перемежались с водяными брызгами и взмахами серебряного креста, который, оказалось, мог не только своим жизнь спасти, но и у чужих забрать. Вонь, гарь, визг и стоны умирающих оставили они после себя, когда, одолев последнего врага, задержались возле закрытой двери на противоположной стене зала.

— Вот почему они не сбежали, — понимающе кивнул Савелий. — У них за спиной ворота захлопнули. Ну, изверги! Похоже, Никола, сейчас мы положили штрафную роту. Случись что, их свои же из пулеметов добили бы… — И горько усмехнулся. — Вот тебе, брат, и дежавю.

Вдруг Оксана подняла руки ладонями кверху, будто антенны,

повернулась вокруг себя и сказала уверенно:

— Больше они нас трогать не станут. Нужны мы им.

22

А что же Алёшенька с Настенькой? Каково-то им, бедняжкам, в тёмном аду, где дымы костров перемешались с запахом паленого мяса, а шипение масла — с криками несчастных грешников?

Чёрт, торжествуя, тащил их по коридорам — ревущих и просящихся к маме. Он даже специально встряхивал детишек, когда плач утихал. Пусть им будет плохо — проклятый кузнец быстрее пойдёт на сговор.

Они двигались по первому ярусу, где можно было увидеть и кочегарку, и столовую, и некоторые подсобные мастерские. Впрочем, расспрашивать Сигизмунда дети не решались — были слишком напуганы, а вот сам он с удовольствием пояснял всё в красках и лицах.

Интереснее, конечно, оказалось на втором ярусе. Тут находились клети, в которых содержались грешники. Они возвышались над главной рабочей площадкой, и делалось это с той целью, чтобы обречённые страдали и в ожидании очереди на поджаривание. Впрочем, кроме как на мучающихся товарищей, смотреть было вообще не на что — разве что уставиться в глухую стену, ещё сильнее напоминающую о вечности. Поэтому, чтобы не сойти с ума и не отправиться на переплавку, души несчастных были вынуждены сочувствовать чужому горю. Или, как вариант, злорадствовать и вконец губить себя. Такие тоже находились. Их отсаживали в особую клетку, откуда самых продвинутых забирали на подготовительные курсы младших бесов. В этом случае жизнь продолжалась, но уже в ином обличье. Они становились мутантами подземного мира. Настоящие породистые черти их презирали, а души простых грешников — ненавидели и боялись. Естественно, чтобы выслужиться, принуждены были такие выродки мучить бедолаг ещё изощрённее. За это им даже прозвище дали соответствующее — бандеры.

Площадка для поджаривания оказалась довольно обширной — мест на пятьсот, не меньше. Как потом выяснилось, здесь был всего лишь один из филиалов ада, поэтому грешники стекались хоть и со всего мира, но поодиночке, а не группами. Они не сразу находили между собой общий язык, а потом всё равно недолюбливали друг друга по национальному признаку. Случалось, нашёптывали чертям доносы, лжесвидетельствовали, играли в карты на очередь поджариваться, унижали слабых… А что оставалось делать? Хоть какое-то развлечение. Истинно изменившиеся попадались один на сотню тысяч. Таких провожали

из ада общем плачем. Случалось это нечасто, в основном, с пересыльными. Свои-то большей частью были неисправимы. Рыдали, впрочем, не потому, что жалели о других. Над долей своей горемычной бились: ведь оставшимся срок трубить до второго пришествия.

Выше этого хозяйства, в некотором обособлении, находилась ещё группа клетей, в которых содержались похищенные дети. Бабка Матрёна не обманула: их использовали для добывания особого масла, которое не подгорало и не давало почти никакого дыма. Ценилось оно высоко, и конкурировал с ним только жир, вытапливаемый из самих бесов.

Тут требуется пояснение. Имелись в правилах подземного народа такие проступки, за которые отправляли на костёр. Сама по себе смерть не особо пугала чертей: они сталкивались с ней ежедневно. Но вытапливание жира проходило без умерщвления — долго и мучительно, так что даже грешники пугались, услышав об этом наказании. Возвращались бесы из ссылки чёрными, будто с южным загаром, а ещё худыми и злющими, как собаки. Поэтому смуглота не пользовалась среди чертей популярностью. Хотя, что говорить: за долгую жизнь многие проходили через это. Здесь ведь, как и у людей — от тюрьмы да от сумы не зарекайся.

Сигизмунд, планируя похищение Настеньки и Алеши, думал, в первую очередь, о мести кузнецу. Если его мечты и касались добычи драгоценного масла, он гнал эти мысли из головы. За такое, пожалуй, Степанида Ивановна с Оксаной с него самого шкуру спустят. Что и говорить — не герой, а мелкий пакостник. Он и сам это осознавал. Но зато в своём деле считал себя специалистом.

Впрочем, и тут лишь до поры до времени.

Всё изменилось, едва в преисподнюю проникла душа Оксаны. Погромы, которые она учинила, нанесли большой ущерб хозяйству — особенно в отношении инвентаря. А потом выяснилось: уверенность чёрта в слабости да беззащитности детей тоже дала трещину.

Началось с того, что Алёша с Настенькой вдруг перестали плакать. Они смотрели на площадку для поджаривания с любопытством, а потом задали чёрту много разных вопросов, на которые тот отвечать посчитал ниже своего достоинства. Пленники должны реветь, в крайнем случае, ныть, но никак не интересоваться происходящим.

Тогда, уже посаженный на замок, Алёша попытался наладить контакт с арестантами в соседних клетках. Оказалось, там все говорили на разных языках, и понять друг друга не могли. Вмешалась Настенька. Она быстро разобралась, как с кем

общаться и вскоре исполняла обязанности толмача. Детишки вокруг неё кучковались, выдумывали разные игры — словом, радовались, и на волне единения даже клуб организовали под названием «Хочу к маме». Некоторые уже догадывались о своей жалкой участи. Становилось понятным, почему кормят их одной гречневой кашей — чтобы масло получилось с запахом ванили и шоколада.

Алёша вначале не поверил этому, но кое-что из слов, брошенных проходившими мимо чертями, подтвердили предположение. И тогда он сказал сестре:

— Мне уже скучно играть в заключённых. Давай поиграем во что-нибудь другое.

— Можно в солдатиков. — Настенька часто играла с братом в его игрушки.

Первым делом Алёша взялся за железные решетки клети. Он посмотрел на них сосредоточенным взглядом — и те потекли, будто парафиновые. Через минуту все остальные камеры тоже были раскрыты.

— Пойдём вниз, — предложила Настя. — Дяденьки на сковородках так кричат, будто им за это деньги платят. Посмотрим ближе.

Они стали спускаться вниз, а остальные дети бросились врассыпную. Суета быстро улеглась: на верхней площадке попросту никого не осталось.

Группа чертей, попавшаяся навстречу Насте и Алеше, сопровождала десяток грешников. Увидев прогуливающихся без охраны детей, конвоиры удивились, а грешники принялись смеяться — каждому нравится беспорядок в чужом хозяйстве. Но едва один из бесов захотел подхватить Алешу под мышку, вилы, которые он отложил в сторону, вдруг воткнулись ему в мягкое место. Чёрт взвизгнул и бросился бежать. Вослед ему хохот только усилился: потешались и товарищи, и арестанты. Правда, через несколько секунд цепи, сковывающие ноги мучеников, упали вместе с пудовыми гирями, а оружие охранников железными струйками стекло на каменный пол и образовало там лужицы. Что тут началось! Арестанты сцепились с охраной, потасовка завязалась нешуточная.

— Пошли! — потянула брата за рукав Настя. — Здесь неинтересно. Дяденьки дерутся. У нас в деревне и не такое бывало, правда, Алёша?

— Конечно! — И они тронулись дальше.

Прослышав про драку, на подмогу своим со всех сторон спешили черти. Только почему-то оружие у них вело себя странно: то вилы вырывалось из рук прямо на бегу и с силой

вонзалось в потолок; то у трезубцев зубья скручивались в спиральку, которой не то, что грешника — яичницу не проткнёшь. Металлические сети расплетались и опутывали бесам ноги — валились те на пол десятками, проклиная непонятные чудеса.

Добравшись до жаровней, дети осмотрелись. Множество человеческих душ сидело на раскалённых сковородах, под которыми горели дровяные костры. Груды берёзовых и дубовых чурбаков лежали чуть в стороне. Там же валялись брошенные кочерги и колун. Грешники стонали и кряхтели — так им было несладко. Рядом находились те, кто ожидал своей очереди, и по всему походило, что они боялись ещё больше. Присматривать за всем этим хозяйством оказалось некому: черти умчались успокаивать бунтовщиков. Настя, подойдя ближе к сковородке, крикнула сквозь шипение масла:

— Дяденьки! Можете убегать. Они долго не вернутся.

— Не мешай, девочка! Мы заняты! — буркнул в ответ один из жарящихся — интеллигентного вида мужчина с залысиной и в очках, сидевший у самого края. Ни дать ни взять, бывший бюрократ. — Ты нам срываешь отчётность. Приходи в другой раз, здесь будет вторая смена. Может, те согласятся…

— Они так играют! — догадалась Настя.

— Давай их развеселим, — предложил брат. — Мне кажется, скучно играть в одно и то же много-много лет.

И они развеселили, как смогли. Сковороды стали опрокидываться, котлы протекли — в результате грешники посыпались на пол, как яблоки из корзины, а в костры попала вода. Ох, и поднялся же дым пополам с паром! Драгоценное масло тоже оказалось в огне, и горело, выделяя аромат ванили.

— Сейчас бы булочку! — мечтательно сказала Настя, почувствовав запах.

— Поищем, где здесь кормят.

Они двинулись между искорёженными сковородками, дошли до новых рядов тюремных клеток и расплавили их замки. Грешники толпами выбегали на свободу, вооружаясь чем попало. Черти, появляющиеся на лестнице, ведущей на первый ярус, сразу натыкались на отчаянное сопротивление. Битва разгоралась.

Добравшись, наконец, до дальней стены зала, дети увидели проход, над которым хитроватой вязью было выведено: «Оставь надежду, всяк сюда входящий!»

Настя вздохнула:

— Так написано, потому что, наверно, тут нечего кушать.

— Найдём другую дверь! — отмахнулся Алёша. И действительно, не прошли они вдоль стены зала сотни метров, как обнаружили ещё одну арку. Взявшись за руки, дружно

пересекли порог, и оказались в небольшом хорошо освещённом зале, посреди которого стоял алтарь.

Помещение было пусто, но стены и потолок сплошь покрывали руны и картинки, изображающими различные пассы руками. Кое-где выделялись большие иероглифы, с которых начинались новые разделы записей — вероятно, заголовки.

От такого великолепия девочка даже обомлела:

— Как красиво! Подожди, Алёша, дай почитать!

Она забормотала слова на каких-то странных наречиях, повторяя руками фигуры, изображённые в высечке. Неведомый художник, наверно, наносил их сверхпрочным резцом, потому что стены были сделаны из гранитных плит. И при этом рисунки отличались удивительной тонкостью.

Наморщив лоб, Настя прочитала несколько строк, пока за стеной не грохнуло так, будто обвалился потолок.

— Что там случилось? — с любопытством спросила она. Брат, выглянувший в арку, сообщил весело:

— В полу открылась какая-то яма. Из неё червяк большой вылезает.

— Да? — удивилась Настя и похвалилась: — А я про древнее чудовище прочитала. Оно всеми проклято и чертей кушает.

— Хорошо бы и нас кто-нибудь накормил, — вздохнул брат. — Я тоже проголодался.

Рычание, переходящее в рёв, сотрясло стены. Черти стали ошалело носиться по ярусу, попутно схватываясь с грешниками, и эта суета немного развлекла детей. Они увидели, как грязно-жёлтая гусеница, покрытая острыми шерстинами, сокращаясь и расширяясь, принялась быстро двигаться по залу, нанизывая на свои иглы подворачивающихся бесов — совсем как ёж забрасывает на спину яблоки. Грешники оказались у неё не в чести — то ли слишком мягковаты, то ли дурно пахли.

Для своего размера — шагов около тридцати — чудовище обладало хорошей гибкостью и подвижностью. Оно догоняло чертей, и, выбрасывая из дымящихся сизым дымом ноздрей язык-петлю, хватало их за ноги. На передней части туловища имелась пара огромных выпуклых глаз и ужасная пасть, оснащённая доброй сотней крючковатых зубов, которые тоже без дела не скучали. Случайно попавшийся на «язык» чёрт оказался перекушен пополам и со вкусом пережёван вместе с костями.

Попытавшись оказать чудовищу сопротивление, бесы вооружились длинными копьями с железными наконечниками и выстроились в строгие ряды. Наверно, хотели повторить подвиг римских центурионов. Но гусеница вдруг подняла волочащийся за ней хвост и плеснула потоком какой-то вонючей жидкости.

Попавшие под струю валились на пол, парализованные, и их тоже засосала зубастая пасть. Остальные в страхе разбежались, побросав оружие и доспехи.

Ползая между помятых сковородок и худых котлов, чудовище успевало слизывать с грязного пола лужицы дымящегося масла. Высокая температура нисколько не мешала ему наслаждаться, словно горячим десертом. Нескольких мучеников, послушно стоящих возле кострищ, оно попросту раздавило.

Через четверть часа огромный зал напоминал поле битвы. На некоторых участках не стихала борьба чертей против освободившихся грешников, а в центре царила неведомая тварь. Скрипя жёсткими ворсинами по каменному полу, она протискивалась в узкие проходы между кучами дров, а баки с золой сметала, даже не обращая на них внимания.

23

Тёмные переходы, освещаемые редкими факелами, обладали своей мрачноватой красотой. Образовались ли они естественным путем или были вырублены в каменной плите неведомыми мастерами, трудно даже предположить. Во всяком случае, местами виднелись следы резца, но применялся инструмент большей частью, чтобы поправить свод, слишком низко нависающий над головой, или арку, ведущую к какому-нибудь залу — для придания пропорциональности. Особых изысков здесь не имелось. Разве что в некоторых пещерах присутствовала витиеватая резьба, изображающая сцены мучений грешников с пояснениями на неизвестных языках, а порой встречались гигантские плиты с рунными текстами — возможно, места для молений. В таких помещениях стояли и сосуды с ароматными маслами, и запах от стен исходил необыкновенный.

Тема грешников в местном искусстве использовалась широко. Встречались элементы живописи — рисунки, нанесённые охрой, только качество их сильно отставало от резьбы. Мазки были нанесены неумело, местами вообще символически… Впрочем, общую картину страха и уныния они поддерживали.

Вопреки сложившемуся мнению, что в пещерах должно быть сыро и холодно, а со стен непрестанно капать вода, в аду всё выглядело иначе. Залов, где действительно имелись известняковые отложения типа сталактитов, по пальцам пересчитать было можно. Но эти залы отличались необжитым видом. Сюда если и захаживали черти, только мимоходом. Ревматизм — он и в преисподней ревматизм.

В одном месте набрели Никола со спутниками на бараки. Внутри те напоминали воинские казармы — такие же деревянные нары, к тому же многоярусные: из экономии места. На страже находился дежурный бес, но вместо того, чтобы поднимать тревогу или поспешно ретироваться, он отдал честь и указал на небольшой проход, уводящий вправо:

— Вам туда. Идите до первого перекрёстка, встретите посыльного, он проводит дальше.

— Вот чёртово племя! — удивлённо покачал головой Савелий, когда они углубились в указанный коридор. — Выходит, действительно не желают больше биться?

— Или заманивают в ловушку! — осторожно ответил кузнец.

— Верно. Имея дело с ними, можно ожидать любого подвоха, — согласился поп. — Водички бы запастись святой…

Словно по его просьбе возле раскрывающейся огромной

пещеры в небольшой нише появился колодец. С виду обыкновенный: чтобы ведро зачерпнуть, нужно ворот покрутить. Обрадовался Савелий, схватился за рукоять, только осилить не смог. Пришлось кузнеца привлекать. Тот, попыхтев, вытянул черпак на шесть вёдер.

— Недаром рукоять такая длинная! — догадался Савелий. — Впятером, небось, крутят! На всю казарму разом.

Понюхал водичку — пахнет свежо. Попробовал, перекрестившись — замертво не упал и в демона жуткого не превратился. «А что тут необычного! — прокомментировал свои опасения. — Если старуху, душу продавшую, святая вода превращает в чудовище диковинное, может, бесовская на православных такое же действие окажет?» Напились все, потом принялся Савелий за дело — молитвы читать да благословения Божьего испрашивать. Конечно, проверить и результат своими глазами оценить было проблематично, поскольку не бросались на них своры чертей, но, уверенный в том, что Господь их не бросит на произвол судьбы, наполнил Савелий новой водой кувшин, а ведро обратно в колодец опрокинул.

— Можно идти дальше. Если и готовят нам пакость супостаты, задёшево мы свои жизни не отдадим.

Оксана, всё это время будто ждала чего-то. Оказалось, совсем недалеко находился провожатый, который прятался в темноте отводного коридора. Чихнул тот, не постеснявшись — и Никола с Савелием навострили уши. К счастью, провожатый тоже услышал звук колодезных цепей и появился возле ниши.

Его мордочка с выразительным пятачком говорила о молодости беса, а рожки были такими невинными и остренькими, словно не чёрт, а козлёночек вышел погулять по подземелью. Кроме того, на нём красовался замысловатый китель — чёрный с красным, украшенный золотыми погонами. Не дать ни взять — адъютант, штабная крыса!

— Мой повелитель просят вас принять приглашение и посетить его в тронном зале, — произнёс он немного с пафосом: сразу видно, что на посылках, пороха не нюхал. Зато самомнение, похоже, зашкаливало через край.

— А почему мы должны его принимать? — спросил резонно Николай. — Не за тем сюда явились, чтоб в дипломатию играть.

— Надобно разгромить ваше осиное гнездо, найти девушку да детей вернуть, — поддакнул Савелий.

— Господин регент пообещал уладить все вопросы. — Бес ответил очень внятно, будто отчеканил. — В случае положительного ответа военные действия приказано отменить и всячески содействовать вашему продвижению.

Хмыкнул поп и произнёс, нахмурившись для порядка:

— Обычно мы принимаем парламентариев только в случае полной капитуляции. Поскольку вы были и есть враги рода человеческого. Но, помня, что для каждой войне хороши свои средства, сделаем скидку на это. Как ты думаешь, Никола, можно довериться тому, кто обманул Адама и Еву, подбросив им запретный плод? И подстрекал других людей — распинавших Христа? И лишил Европу красивых баб, которых чужими руками сжёг на костре инквизиции?

— Не хотелось бы, дядя Савелий, — раздельно произнёс кузнец, сжимая кулаки. Желваки на его лице угрожающе задвигались.

Глаза у посыльного стали бегать из стороны в сторону: никак не ожидал он такого ответа. Думал, радости пришельцев конца не будет — побегут, опережая собственное повизгивание. А те как будто даже огорчились, узнав, что побоищ больше не ожидается.

Но распоряжение начальства требовалось исполнить во что бы то ни стало. И пришлось адъютанту перестраиваться и лебезить, уговаривать, обещать не только вернуть пропавших родственников, но и желания исполнить, какие только в голову придут.

— Поверим, но с оглядкой! — подняв палец для пущей важности, принял окончательное решение отец Савелий. — Веди, басурман!

Они двинулись уже вчетвером, причём шли теперь быстрее: чёрт прекрасно ориентировался в запутанных коридорах, и как будто выбирал самый короткий путь. Один раз Никола пробурчал, что, не ровен час, в яму их заведут. После этого посыльный вызвал магический фонарь, который летел над ними, освещая тёмные участки коридоров, что гостей немного успокоило.

Дорога заняла, ни много, ни мало, около получаса. Всё это время адъютант молчал, а на вопросы Савелия о том, куда они идут, отвечал немногословно, но уже без апломба. Похоже, либо не владел информацией, либо её скрывал.

Картина подземелья за это время почти не изменилась: те же коридоры, разбегающиеся в разные стороны, так что заблудиться в них — раз плюнуть; местами встречались обжитые пещеры, в которых работали бесы или же под их присмотром грешники. На последних гости уже не удивлялись, только священник поругивался иногда и в сердцах плевал на пол. Отношение его к несчастным было двояким. С одной стороны, понятно, что люди сюда попали не по своему желанию, а направлены Высшим судом, оспорить решение которого никто не может. То есть, за дело, если

говорить проще. Набедокурили, знать, по жизни, наследили, оставили после себя не подобранное. С другой — жалко их всё-таки, работали от зари до зари без отдыха, без всякой надежды на избавление. А потом, поди, ещё и жарить их поведут на костры поганые, в геенну огненную… Впрочем, Савелий успокаивал себя тем, что во всём этом есть Божественный промысел, и всё делается во исполнение Его воли и для их же пользы. Вдаваться в подробности и уточнять, в чём состоит польза, поп не стал: материи весьма тонкие, в рассуждениях можно далеко зайти, так что потом и не выберешься. А в разговоре с Николой вообще ограничился коротким замечанием: «Самим бы сюда не угодить…»

Никакого производства, кроме швейного и кузнечного, на пути гостей не попадалось. Никола, заглянув мимоходом в затемнённый зал, служащий кузницей, окинул её профессиональным взглядом, оценил оснастку, и, сколько успел, методы работы, после чего махнул рукой и удовлетворённо произнёс:

— Неплохо, конечно. Но теперь, с Кикиморовыми инструментами, я им нос утру!

Непредвиденное происшествие случилась только единожды. Они прошли очередной большой зал, в котором почему-то валялись на полу дымящиеся головешки и обломки мебели, обошли кострище, разожжённое прямо посреди дороги, и услышали странные звуки — не то канонаду, не то гром.

— А мне уже показалось здесь скучноватым! — потерев руки, будто обрадовался Савелий, и обратился к сопровождающему бесу: — Не знаешь, что там у вас творится?

Посыльный, замотав головой, тем не менее остановился, и немного неуверенно предложил:

— Нам лучше пройти другой дорогой.

— Заглянем, однако, проверить, откуда эти звуки, — предложил поп — отчасти, чтобы досадить ему, отчасти из обычного любопытства. А Оксана, показав рукой в задымлённый проход в конце зала, произнесла очень внятно:

— Нам туда.

Кузнец с Савелием переглянулись и поспешили за ней следом.

Всё стало ясно через несколько минут. Ориентируясь на звуки, они миновали пару коридоров и снова оказались в основательно задымлённой пещере. Волшебный фонарик следовал за ними по пятам, а здесь взвился под самый потолок и ярко засветился. Неожиданно замерцал и крест на шее Савелия, указывая на приближение опасности. И тут предстала им картина

баталии, которая могла бы легко сойти за эпическую, задумай кто-нибудь её в будущем описать.

Огромный зал, уставленный строительными лесами, похоже, подлежал реставрации. Судя по всему, работы здесь хватало: мостки прокинуты под потолком вдоль всего периметра, а местами даже поперечно помещению. Вырубался орнамент, расширялся центральный свод и отделывались стены. Если исходить из размеров пещеры, всем этим должно было заниматься никак не меньше сотни рабочих. Так оно, в общем-то, и оказалось. Только часть их, не выпуская резцов и мастерков из рук, уже лежала мёртвыми. По всей видимости, пытались спрыгнуть на пол и ретироваться, но не смогли: враг настиг и почти всем оторвал головы.

А чуть в стороне высилась та, что с ними это проделала: ужасная тварь, напоминающая осьминога. Впрочем, длинные и многочисленные клешни, которыми она размахивала и угрожающе щёлкала в воздухе, наводили на мысль об одновременной схожести не только с моллюсками, но и с ракообразными. Подтверждали это и длинные усы чудовища, которые, кроме всего прочего, служили оружием: оно «косило» ими перед собой, разнося в щепки обломки лесов, сбивая с ног зазевавшихся чертей и даже высекая брызги камня из стен и арок.

В одном из углов испуганно жались друг к другу несколько десятков рабочих бесов. Они побросали инструменты, некоторые упали в обморок, но бежать им было некуда: путь к отступлению перекрыла тварь. И сделала это с вполне определённой целью: утолить голод. Он мучил её с той самой секунды, когда волей случая пришлось навсегда расстаться с человеческой оболочкой, разрушенной в курятнике святой водой доморощенного попа. Бабка Матрёна, обернувшись безобразным чудовищем, ухнула в пролом, ведущий в преисподнюю, потому что пахнуло оттуда на неё прелестным запахом бесовской плоти. Отчего-то показался он ей вкуснее самых сладких тортов, ароматнее туалетной воды. Счастье Сигизмунда, что смог он зацепиться за неровности колодца и освободиться из её лап. Был бы съеден первым.

Ворвавшись в подземный мир, двигалась тварь по коридорам, подъедая павших и покалеченных бесов, столкнувшихся с душой Оксаны. Наслаждалась при этом, будто райский нектар пила. Не беда, что некоторые с душком. Жарковато вокруг, о холодильниках никто не позаботился. А когда попала в зал, полный строителей-реставраторов, вообще зашлась восторгом. Вот где шведский стол! Тут и молодые, и старые, и баб на подсобных работах множество. А они, знамо дело, мягче и приятнее на вкус, чем мужики-то. Торт со сливками, иначе не

назовёшь!

Торопливо отрывая головы попадающим ей в лапы — чтобы не сбежали, — загнала оставшихся в угол. Тут и думала начать пир, но досадная помеха объявилась. Выпорхнула из-за спины маленькая женская фигура, в которой Матрёна мигом узнала душу Оксаны, спроваженную ею в ад. Разговора у них не получилось, потому что не стала Оксана отвечать на мысленные посылы старухи, а встала на пути и дала понять, что не позволит беспредел творить.

Рыкнуло чудовище, решило показать, кто есть кто. Двинулось напролом, норовя снести противника, задавить массой, только вышло всё не так, как замышлялось. Не собиралась Оксана уходить с дороги. Зачерпнула магической энергии хорошую пригоршню — и метнула молнией, да прямо старухе в голову. Неприятное ощущение, когда тебя трясёт, как в лихорадке, а по коже разряды стекают, перемигиваясь да потрескивая.

Завязалось меж ними противодействие, в котором никто победить не мог. Матрёна, размахивая усами, лапами да клешнями, рвалась в угол: для неё, голодной и злой, там стол был накрыт на одну персону. Оставалось только сесть, да морду в тарелку опустить. А девушка, не страшась нимало, била её прицельно и больно, всякий раз заставляя отступать да ожоги зализывать. Отстаивала справедливость и умеренность в аппетите, стало быть.

В таком положении и застали её новые гости преисподней. Маленькая женская фигура, раскинув руки в стороны, парила невысоко над полом, словно белое облако — такая же лёгкая и прозрачная. Она сводила ладони перед грудью, и тогда молния рассекала воздух, наполняя его запахом озона и освещая зал. Чудовище каждый раз издавало утробные звуки и вздрагивало всем телом. От хитиновых пластинок, покрывающих голову и туловища, разлетались искры, что создавало иллюзию сварочных работ.

— Я здесь, — тихо произнесла Оксана, подняв руку, и её спутники вдруг поняли, что она имела в виду. Одетое в короткие шорты тело второй девушки виделось им полупрозрачным и чисто белым — словно ангелок с иконы. Разве что крыльев за спиной не имелось. Зато волосы оказались распущены, и временами по ним пробегали всполохи разрядов.

Две половинки увидели друг друга одновременно и засветились янтарными переливами, будто настраиваясь на одинаковую волну. А потом и сама Оксана, мгновенно впав в магический транс, раскинула руки в стороны, забормотав заклинания, и метнула в чудовище неожиданно раздувшийся на

ладонях огненный шар.

— С Матрёной сподобились встретиться! — покачал головой Савелий, снимая с шеи брызжущий светом крест. — На этот раз, с Божьей помощью, не дадим ей уйти.

Вместо ответа кузнец с угрюмым выражением лица направился к поломанным лесам и подхватил там огромную жердину, поднять которую простому человеку не по силам. Длиной она была метров десять — по высоте потолка, а толщиной никак не меньше двенадцати сантиметров. Приладить такой по хребту — любому зверю не понравится. Только не настоящий зверь стоял сейчас перед Николой. И подтверждением тому уже был один крепкий удар, отражённый бабкой Матрёной с ехидной усмешкой на устах — в курятнике. Впрочем, сейчас тварь имела другое обличье, совсем не похожее на непробиваемую старуху Божий одуванчик, и повернулась спиной к кузнецу. Ей очень досаждали молнии: слепили глаза и нарушали ориентацию в пространстве.

Замах, проделанный Николой, вывел бы его в лидеры на летней олимпиаде по бросанию молота. Бревно со свистом распороло воздух и устремилось к самой шее чудовища.

Очевидно, этот звук и заставил тварь обернуться. Всё, что оно успело сделать — выставить блок из одной клешни и правого уса. Со страшным треском кость не выдержала и отскочила, будто хвост у ящерицы, ус надломился и загнулся бараньим рогом, а полёт жердины продолжился. Толщина шеи, противостоящая ей, была около метра, поэтому разность масс оказалась не в пользу дерева. К тому же пятисантиметровые хитиновые пластины, по определению, выдерживают пулю, выпущенную из автомата в упор. Бревно треснуло, но силой удара и шея согнулась почти пополам! Это было жуткое зрелище: дрогнувшая туша медленно поднимала сложенную голову и приходила в себя, поводя из стороны в сторону огромными глазищами.

Похоже, она нашла себе ещё одного достойного противника.

24

Не стал Никола ждать благодарности — повернулся, чтобы схватиться за новое бревно. Решил поделиться ещё одним подарком. Выбирать, правда, не приходилось — что попалось, за тем и потянулся. Лежало бревно вдоль стены, и ко второму его концу — надо же такому случиться! — устремился сам ракообразный моллюск. Зашелестел под ним гравий, даже пол продавливаться начал! Вышло так, что уцепились они одновременно, и рванули, точно на соревнованиях по перетягиванию каната. Не будь жердина дубовой — пошла бы щепой. Дуб же выдержал, застонал только. Николу поволокло подошвами по каменным плитам, даже резиной запахло. Но попалась на полу трещинка — и остановился он, встал поустойчивее, стряхнул оторопь, снова потянул на себя. Тут уж пришлось туше многотонной скрести клешнями по камню да присосками за стены цепляться. Только и присоски не двужильные — какие оторвались с мясом, не желая поддаваться, какие просто отстегнулись, чтобы в живых остаться. Заревела тварь, не поверила, что обычный с виду мужик может её пересилить. Дополнительные ноги перебросила с другого фронта, вцепилась в бревно клювом — и принялась изгибать, чтобы потные руки кузнеца скользить по стволу начали. А потом дёрнула, будто больной зуб из пасти.

Никола едва удержался, ударившись в изгиб стены плечом. Поморщился, но жердь не отпустил: как можно врагу поддаваться, когда на кон честь русского народа поставлена? В тот же изгиб ногой упёрся и потянул на себя бревно, губы закусив. Ответом ему было злобное рычание — знать, Матрёна тоже не привыкла проигрывать.

Неведомо, сколько долго продолжалось бы противостояние, но и девушки со своих сторон не дремали, а Савелий и вовсе ухитрился подобраться к чудищу да отсечь ему раскалённым крестом второй ус.

Заверезжала тварь, отвлечённая болью, повернула голову с глазищами красными, тут кузнец и выхватил своё оружие в полное пользование. Не стал мешкать — как есть, без замаха ткнул, куда Бог пошлёт. И угодил прямо в глаз! Рёв поднялся такой, что уши затыкай. Заводской гудок, в прежние годы трудовой народ в городах будивший и разносившийся на всю округу, в подмётки ему не годился. Взметнулась голова у чудища — даже бревно в глазу подпрыгнуло, словно пушинка, и, ударившись, о потолок, снова грохнулось под ноги Николе.

Теперь, кажется, точно определилась тварь, кто ей не люб более всего — бросилась к кузнецу, чтобы покончить с ним раз и навсегда.

Будь они один на один — так, наверно, оно бы и вышло. Но метнулась на помощь Оксана — выстрелила огненным шаром, и потёк жар прямо по лицу врага, попадая и под защитные пластины, и даже в хищно приоткрытую пасть.

Опять остановилось чудище, разбирая, на кого кинуться сподручнее. Враги насели со всех сторон, и, как блохи, кусают через щетину. Наконец, определилось — выбрала ту, что показалась слабее других. Клюв, до того беспрестанно щёлкающий и норовящий ухватиться хоть за что-нибудь, повернулся в сторону девушки, и выдвинулась вперёд шея, точно антенна телескопическая. Сделалась длинной, как у жирафа. За счёт этого и цели достигла. Вот тебе и беспозвоночное!

Успела, слава Богу, Оксана отпрыгнуть, потеряв равновесие, так что отхватил клюв лишь часть рукава. Савелий, стоящий рядом, от испуга махнул крестом — и выжег супостату возле самой головы кровавый шрам. Хлестнула на пол зеленоватая жидкость, запахло противно, словно гноем. Только в этот самый момент сделалась шея твари, кроме всего прочего, ещё и тонкой. Тут и кузнец опомнился. Подхватил первое бревно, что попалась под руки — да и приладил им без всякого замаха. Надломилась шея, будто резиновая, голова подбородком о половые плиты ударилась, и посыпались из оставшегося глаза чудища настоящие искры, запалив на обломках лесов небольшой костёр.

Получился нокдаун, не иначе. Возликовал Савелий, думая добить врага, подскочил, замахнувшись своим оружием. Только, видимо, обозревала тварь поле сражения каким-то ещё способом, помимо зрения, потому как, не поднимая головы и не открывая глаза, выбросила одну из лап, и подхватила Савелия, словно пушинку. Подняла к потолку и потащила ближе к клешням — чтобы удобнее голову отхватить.

Замер Никола от неожиданности, не знал даже, как другу помочь. А тем временем и клешня ожила, выпрямилась, примеряясь, чтобы дело завершить сподручнее. Величиной она была как раз в полчеловека. Перекусить дерево в обхват, для неё — раз плюнуть. Нацелилась, раскрывшись ребристой режущей кромкой — и щёлкнуло от души. Только мотнул Савелий испуганно головой — и отсекла ему клешня лишь часть бороды, бесславно упавшей на пол. Слава Богу, голова на плечах осталась: момент-то был критический. Следовало попу быстрее думать о том, как вырваться из поганых щупалец.

Тут помощь пришла нежданная: сверкнула молния — вместе

с перерубленной лапой грохнулся Савелий, да угодил не на пол, а на тушу, и остался на ней лежать, словно добрый молодец на Чудо-Юде. Правда, не совсем верхом, и не в полной боевой готовности. Лучше сказать, барахтался он на широкой спине врага в попытке подняться на ноги, а те узлом с руками запутались.

Вскоре поверженная голова ожила и для пробы несколько раз щёлкнула клювом, едва снова не зацепив девушку. Впрочем, с координацией после удара было тяжеловато, поэтому шея принялась укорачиваться и приходить в прежний вид. По пути она скребла концом клюва по полу и оставила глубокую борозду, словно плугом по стерни. Даже кость задымилась! А, подобравшись, да на место установившись, поворачиваться стала, чтобы получше рассмотреть горемыку-попа. К тому времени Савелий, надо сказать, разобрался с конечностями — не сороконожка всё-таки. Поднялся кое-как, шатается: ведь туловище под ним на месте не стоит, волнами ходит. Попытался соскочить на пол, чтобы из опасной зоны убраться — да не тут-то было! Тварь снова окружила его лапами, присоски тянет и рыкает — так и хочет испить кровушки православной. Отмахиваться принялся Савелий крестом, будто мечом-кладенцом, и осторожничать стали лапы, не бросаются безоглядно. Знать, боятся Божьей силы! Только в некоторый момент не удержался поп на ногах и повалился, оказавшись, как блоха на ладони. Тут чудище и схватило его парой присосок за оголившуюся ляжку.

Снова закричал Савелий от боли, а отсечь конечности врагу уже не может, потому как подняли те мужика вверх ногами. В его годы кульбиты совершать, как монахи Шао-Линя, не получается. И тогда решился поп на подвиг великий. Видит, что тянется к нему уже не рука с клешней, а сам клюв с мелкими, будто акульими, зубами — щёлкает быстро-быстро, точно дерево перепиливает, а не плоть рвать собирается. Может, для устрашения так делает, может, от избытка ярости и злобы. И замахнулся Савелий единственным оружием, да швырнул прямиком в приоткрытый птичий рот, заголосив зычным голосом:

— Пропади ты пропадом, тварь ненасытная! Не завладеть тебе душой православного человека! — Знать, к смерти лютой приготовился.

В один миг перемолола тварь крест, словно станок точильный, и заглотила, как пилюлю. Икнула, пропихивая добычу в зоб, да видно, погорячилась, не разобралась в ситуации. Стало её коробить, из горла дым пошёл, будто внутри огонь вспыхнул. Зашипело чудовище по-змеиному, головой замотало, а лапы, бросив Савелия, в рот совать начало — чтобы вытащить оттуда

опилки серебряные. Только трудное это дело: так просто освящённый металл не поддаётся.

Гад тоже не отступал. Рвотные движения по его шее пошли, а вместе с пламенеющими стружками проглоченные головы бесовские на пол посыпались.

После такого, видно, полегчало Матрёне: заурчала она, обожжённая, но не добитая, и за своё принялось — потянулась к Савелию. Тот тем временем попытался в сторонку отползти, пока возможность представилась. Немного не успел. Нависли над ним клешни, а клюв ухмылкой раскрылся.

Товарищи боевые, как могли, на себя попытались отвлечь внимание врага: девушки палили огнём и молниями, Никола же, не будь дурак, швырнул дубину, точно копьё, угодив чудищу туда, где у доброго дракона должны иметься полноценные рёбра. Были бы они в наличии — непременно сломались бы, ввергнув врага в болевой шок. Только ведь твари до настоящего дракона ещё расти да расти. Пробила, вроде, жердина шкуру промеж хитиновых пластин, даже вошла чуток, но на этом всё и закончилось. Будто комариный укус в итоге. Желеобразная туша погасила удар. Обстоятельство не в пользу кузнеца, но мужик на том не остановился — стал прокрадываться к входной арке, где находился оставленный Савелием кувшин со святой водой. Возле него посланник вертится, на битву любуется, болеет то за одну, то за другую сторону. Неведомо, что ему начальник по службе наговорил, но собственное мнение-то у него имелось, и, похоже, было оно не в пользу людей. Во всяком случае, едва не подпрыгнул он от разочарования, когда поганый клюв лязгнул в опасной близости от лица Савелия. Впрочем, заметив рядом кузнеца, создал бес на лице видимость нейтралитета.

Кувшин он трогать боялся: во-первых, состоял при исполнении, а инициатива наказуема. Во-вторых, догадывался чёрт, что содержимое для него опасно. Молодой да ранний оказался — на мякине не проведёшь.

Зато Никола особо размышлять не стал: взялся за узкое горлышко и с криком: «Ура-а!!!» бросился на врага, будто под танк. Расстояние между ними небольшое, пробежал за считанные секунды. А потом, зажмурившись от вспышки огненного шара, выпущенного Оксаной, швырнул кувшин в хищную пасть.

Неизвестно, что подумалось чудищу в последние мгновения. Может, пронеслись картины босоногого детства, когда бегала Матрёна девчонкой по лугам да пашням колхозным. Может, успело просчитать геометрию полёта и наклонить голову на нужный градус. Во всяком случае, отреагировало единственно правильно: перетерпел огонь, крутанув головой так, что даже

слюни во все стороны разлетелись, открыло клюв и поймало кувшин, как есть, не опрокинутым.

В ту ж секунду замерло всё вокруг, и тишина, окутавшая поле боя, сразу стала давить на уши бойцам. Десятки глаз смотрели на посудину, будто пушинку, удерживаемую чудищем в пасти. Неловкое движение — и выплеснулась бы вода, обжигая тому язык и небо. Только не допустила тварь оплошности. Стояла, будто окаменевшая, и наслаждалась собственным триумфом.

И мысли в её голове шевелились под стать моменту. Не отыскалось у противников действенного оружия — как дети малые, в пистоны играют. Полученные повреждения для неё — только шрамы, украшающие бабу. Регенерация творит чудеса, особо под контролем бывалой ведьмы. Через день как огурчик станет. А последнее оружие, которого действительно бояться приходилось, да которое дурням невдомёк в первую очередь использовать было, она готовилась расколотить о стену. И делалась после этого непобедимой и неодолимой. Оставалось людишкам только ретироваться, а бесов в углу преподнести ей на блюдечке с голубой каёмочкой. И будет она пожирать тех долго и неторопливо, вкушая отдельно мозг с печенью, отдельно селезёнки и сердца. А кузнец с кампанией пусть уносят ноги, она ещё встретит их на узкой тропинке, схлестнётся в бою и отведает человеческого мясца. Но чуть позже, когда проголодается снова…

От мыслей этих забурлила в душе чудовища радость, предстоящее наслаждение мозг счастьем наполнило, ухмыльнулось оно… и ненароком раздавило хрупкую посудину во рту. Плеснулась святая вода, разом проникая и в горловину, и в дыхательные пути. И тогда вой и рёв раздались такие, что с потолка посыпались крупные булыжники, а врагов звуковой волной на пол уронило. Уши у них точно ватой заложены сделались. Черти в углу, как один, рухнули без чувств, и только хитроватый адъютант, спрятавшись во входной проём, краешком глаза наблюдал за происходящим. Падать в обморок ему не полагалось по должностной инструкции.

Савелий, откинутый безобразной лапой, лежал в стороне и потихонечку матерился, потирая ушибленные бока. Голова его была перемазана зеленоватой жидкостью, из ссадины на щеке капала кровь. Но живой, слава Богу, ещё есть порох в пороховницах!

Взвилась огромная туша ввысь, ударилась о потолочную плиту, размозжив в квашню клюв, потом рухнула на пол и принялась биться в конвульсиях, круша остатки лесов и валяющиеся на полу бревна. Противники вынуждены были вжаться в стены, чтобы не быть раздавленными. Лишь душа

Оксаны, неожиданно поднявшись в воздух, поплыла к умирающему врагу и зависла над ним с развевающимися волосами — будто ветром их обдувало. Потом появилась у неё в руках бутылочка синего стекла. Откупорила пробку — и вылила содержимое прямо на Матрёну. Потекла маслянистая жидкость по дергающейся спине, потом на пол капать стала…

— Долг отдаю свой, пока слышишь меня. Чтобы обоим спать спокойно. — Слова будто эхом по пещере разнеслись. И, более не обращая на чудовище внимания, подлетела к собственному телу.

Их слияние произошло мгновенно: просто две сущности стали как одно целое. На пол упали только холщёвые подштанники, добытые в кочегарке.

Долго билась тварь, не желая умирать. Но, похоже, жизненно важные органы оказались сожжены, и даже дышать ей сделалось в тягость. Хрипеть принялась, как загнанная лошадь, ещё сильнее туша затряслась. А потом вытянулась в струнку, напряглась, сделалась как рельс металлический — и через секунду обмякла. Глаз потух и закрылся, а лапищи повисли плетьми.

Вздохнула девушка глубоко, словно только что поднялась на поверхность с большой глубины, и вдруг на лице её отразилась тревога:

— Колюшка, как ты, родной мой? — И бросилась к кузнецу.

Обнялись они крепко-крепко, так что у Оксаны тоже дыхание остановилось — но на этот раз от счастья.

— Всё хорошо, золотце! Мы победили! — прошептал Никола прямо ей на ушко, откинув за спину распущенные водопадом волосы.

Поднявшийся на ноги Савелий, глядя на них, даже слезу пустил.

— Нет предела чудесам Господа. Знать, не помогли Матрёне украденные годы, — сказал он и многозначительно посмотрел на провожатого, которому пришлось лишь пожимать плечами: в промысле Всевышнего тот был не знаток.

— Ещё детей наших найти нужно, — напомнила девушка, положив голову на могучую грудь мужа.

— Есть у нас тут один… он показать должен, где они, — мотнул в сторону беса Никола.

Почувствовав, что обстановка стабилизировалась, адъютант выбрался из арки. По его лицу невозможно было понять, рад он развязке или разочарован до глубин своей бесовской души.

— Пожалуй, можно идти дальше, — вставил, а сам посматривает на героев с некоторым интересом и даже испугом.

— Да уж, посидели на завалинке, пора и честь знать! — пробурчал Савелий, впрочем, беззлобно. Он старательно

отряхивал костюм и прилизывал остатки волос на лысине: всё-таки женская часть их войска увеличилась на одну человеческую душу.

Между тем очнувшиеся от обморока рабочие-бесы вскакивали на ноги и быстро исчезали в проходе, находящимся в противоположной стене зала. Они были рады-радёшеньки, что остались живы.

25

— Ещё несколько минут — и будем на месте, — предупредил провожатый. После увиденного на поле битвы он переменил мнение о гостях: в его голосе исчезло всякое пренебрежение. Насколько могли понять Никола и Савелий, среди чертей тоже имелись неплохие бойцы, но никто из них не рискнул связываться с обернувшейся Матрёной. Предоставили людям. А возможно, хотели проверить их возможности. Что же, пришлось убедиться, что от слова до дела у тех разговор недолгий.

Кузнец никак не мог наговориться с женой. Она смешала впечатления души и тела, отчего немного путалась во времени. То ей казалось, что только что спустилась в преисподнюю, то вдруг со смехом вспомнила, как бродила по коридорам — голая и злая, не зная, что вперёд сделать — найти, во что одеться, или погром учинить, чтобы пар выпустить.

О встрече с чудищем рассказала коротко: обнаружила какое-то производство, разнесла в щепы станки с участком подготовки, а потом увидела, что ей навстречу бесы несутся, выпучив глаза. Что-то напугало их больше смерти, даже Оксанины молнии показались цветочками. И правда, пошла девушка навстречу потоку — там и столкнулась с ягодками. Ненасытное чудовище невиданного размера пожирало чертей, брызгая слюной. Оно металось между стен огромного зала и подхватывало рабочих, которые пытались проскочить мимо неё к двери. Мало кому удавалось спастись.

Пожалела Оксана оставшихся бесов. Сгрудились они в самом дальнем углу и к лютой смерти готовились. Только что сама их громила, как разъярённая тигрица, и бежали от неё враги, будто от ладана. А тут сторону поменяла, защитницей сделалась. Встретившееся ей отродье было не земным, и ад стал бы для него подходящей могилой. О том, что бьётся с Матрёной, догадалась уже позже. Пришло к ней осознание этого, будто откровение. Но не изменила она решения, не оставила бесов на произвол судьбы. Бой длился больше часа, когда подоспела помощь…

Провожатый, наконец, остановился возле небольшого углубления в стене, и, ощупав камни, нажал на какую-то выбоину. Тотчас хорошо подогнанные друг к другу плиты разошлись перед ним в стороны, открыв большой и широкий проход в уютную пещерку. Здесь на стенах горело с десяток факелов, а на каменном постаменте находился подсвечник с тринадцатью свечами. Потолок и стены были тщательно обработаны. Орнамент, нанесённый на них, оказался затейливым

геометрическим узором.

— За дверью тронный зал. Прошу соблюдать этикет, — произнёс адъютант, словно выполняя привычный ритуал. — Вас встретит господин регент. Он один из первых помощников кардинала.

— Дьявола, надо понимать? — спросил Савелий, переглянувшись с кузнецом.

— Кардинал входит в большой совет, господин Дьявол им руководит. — Чёрт ответил без тени снисходительности. На его лице появилась непроницаемая маска.

Поп нисколько не смутился. Действительно, откуда ему знать такие подробности? Только проворчал немного сварливо:

— Вот развили бюрократию! Порядок у вас тут нужно навести, не иначе. — Что, по его мнению, предполагалось сделать, уточнять не стал: адъютанту наверняка не понравилось бы.

— Веди! — скомандовал Никола, обняв жену. Та льнула к его плечу и счастливо улыбалась.

Проводник направился к постаменту, обошёл его, закрывая спиной часть стены, потом та тоже разошлась двумя створками, и перед гостями распахнулся проход в тронный зал.

Отчего он так назывался, стало понятно, когда Савелий первым, а за ним кузнец с Оксаной вошли в проход. Их взгляду представилось обширное помещение, залитое светом магических светильников, развешанных на стенах строгом порядке. В середине зала располагался огромный каменный стол прямоугольной формы, на котором были расставлены настоящие керосиновые лампы. Скамьи вокруг стола оказались заняты: на них сидело десятка два чертей, словно куклы на витрине, увешанные множеством дорогостоящих поделок из драгоценных металлов и каменьев. Даже волосы на головах и кончиках хвостов оказались заплетены в косички и украшены разноцветными ленточками. Наряды пестрели такой безвкусицей, что плохо разбирающийся в моде кузнец — и тот фыркнул. Здесь было представлено всё, начиная от пляжного костюма — ярких шорт с цветастыми футболками — и заканчивая старинными дворцовыми кафтанами, шитыми серебром и золотом. Некоторые имели закинутые на рога тёмные очки совершенно фантастических форм. Похоже, строгого регламента на бесовских собраниях не предполагалось.

Позади стола высился большущий трон, искусно вырезанный из цельного куска мрамора. Для мягкости он устилался высокими парчовыми подушками, а уже на тех восседал господин регент собственной персоной. То, что это самый высокий чин из

присутствующих, можно было понять по небольшой золотой короне, венчавшей голову. Кроме того, свисающий хвост оказался украшен многочисленными яркими кольцами из прорезиненной материи — наподобие тех, что женщины употребляли до революции для волос. Вместе с фраком это выглядело более-менее прилично. Всё-таки не маскарад в Рио-де-Жанейро и не открытие пляжного сезона на побережье Хоксбилл.

Провожатый склонился почти вполовину, посматривая на регента, и стало понятно, что именно тот является хозяином.

— Ваше приказание выполнено, сир.

— Спасибо, Жулиус, — благосклонно отозвался сидящий на троне, и уже после этого обратился к гостям: — Приветствую вас, господа, на своей земле. По законам гостеприимства рад был бы пожелать вам спокойного пребывания здесь. Но, сами понимаете, не всё в наших силах. Мы осведомлены, какую тяжёлую битву пришлось вам пережить, и счастливы, что всё закончилось благополучно.

— Ну, не для всех! — вставил Савелий, разведя руками. Впрочем, в ответ регент лишь широко улыбнулся.

— Тем ценнее и доблестнее ваша победа, господа! А поскольку путь был долгим и тяжёлым, приглашаю на небольшую трапезу. Утолить, так сказать, с дороги жажду. Ну, и червячка заморить!

От взмаха его руки часть стола, обращённая к людям, принялась вдруг расти, а вместе с нею удлинились и скамьи. Прекратился рост в аккурат возле ног Николы. На каменной поверхности возникла скатерть, уставленная кувшинами и блюдами с различными яствами. Одного только взгляда было достаточно, чтобы понять: хозяева не поскупились. Имелась тут и осетрина, и целиком зажаренный кролик, и гусь, печёный с яблоками, и пироги разной формы да размеров. Даже вазы с фруктами и бутылка «Столичной» возле каждого присутствующего!

— Благодарствуем! — ответил за гостей Савелий, присаживаясь первым. — Шли мы сюда действительно долго и немного утомились. Но поскольку не знакомы со здешними порядками, резонно вспоминаем басурман. Они, не в обиду вам будет сказано, имели склонность гостей травить ядами разными.

— Даю слово, — ответил регент, вставая и направляясь к ним. — С вами так поступить не хотят.

— Говорят ещё, правда у вас не в чести! — хмыкнул поп.

— Отвечу на это, что вы действительно плохо знакомы с нашими устоями. — Регент шагал величаво, и Жулиус подставил ему руку для поддержки. Если по лицу адъютанта ещё можно

было судить о возрасте, то определить, сколько лет хозяину, представлялось сложным. Он был уже не моложав, но и в старики явно не годился. Возле ушей у него не торчали лохмы; приоткрытая грудь хоть и заросла щетиной, но выглядела ухоженной. По человеческим меркам не дал бы ему Савелий больше пятидесяти. Что очень настораживало: самый расцвет опыта и хитрости.

— Говорить о нас только плохо не совсем правомерно. Всякое высказывание есть одна сторона медали. В людях тоже найдётся, что порицать. Возможно, мы не всегда по-доброму относимся к тем, кто попадает к нам поневоле. Но это всего лишь работа. Труд, который обеспечивает нам хлеб. Вы сажаете картофель именно на этом принципе. Что посадишь, то и поешь. В отношении же гостей у нас другое правило. Законы гостеприимства мы чтим и соблюдаем. Можете в этом сами убедиться. — Регент улыбнулся, указав на угощение. — В знак хорошего расположения и взаимовыгодного сотрудничества.

— С каких это пор, почтенный хозяин, православные христиане вступали с вами в сотрудничество? — Савелий тоже говорил без всяких амбиций, но помня о том, что они здесь не только гости, но в какой-то степени и завоеватели.

— Ну, господа, история знает много таких примеров! — Регент самолично провёл и усадил за стол Оксану, потом откупорил бутылку водки и разлил по четырём рюмкам, стоящим одна возле одной. Впрочем, развивать начатую тему не стал. Оно и понятно: была та скользкой даже для бывалого дипломата. Кузнец, немного нахмурившись, присел по другую сторону от жены.

— Между прочим, ещё советских времен! — похвалился бес, повертев бутылкой перед глазами. Тем временем остальные черти тоже наполнили стопки. — Чертовски качественная, надо сказать. Умели тогда делать люди.

— Думаю, наш самогон-то немногим хуже, — ответил Савелий. — Если изготовить его из зерна да хорошенько очистить угольком… Но что касается старенькой водки, то вещь действительно редкая.

— Личные запасы, — кивнул регент. — Ещё не перевелись. Берегу для особо торжественных случаев.

— Чем же мы заслужили такую честь? — спросил Никола.

— Давайте для начала выпьем! — предложил хозяин. — А чтобы вам не думалось… — Он первым опрокинул в себя содержимое рюмки, на мгновение задержав дыхание, потом смачно почмокал губами, и, взяв со стола пирожок, закусил им. Переглянувшись, гости последовали его примеру.

— Скажу откровенно: не хотел бы я иметь таких гостей, как вы, повторно. Хлопотно это. После вас только материальных убытков мы понесли на пару тысяч золотом. Не считая того, что придётся восстанавливать всё своими силами. А привлечь сторонних специалистов — вообще без штанов останешься.

— Стало быть, экономика у вас тоже имеется, — жуя куриную ножку, понимающе кивнул Савелий.

— Как же иначе? И экономика, и бухгалтерия, и отчётность ежемесячная. Мы ведь, в сущности, мало чем отличаемся от людей. Задачи разве что разнятся.

— Этого уже достаточно, — заметил кузнец.

— Точно, — подтвердил поп. — Мы — созидатели, а вы, извините, разрушители. Как раковая опухоль на теле.

— Философия тем и хороша, господа, что может представить одно явление с разных сторон. Как известно, истина всегда находится посередине. Почему бы, в таком случае, не назвать нас санитарами леса? Мы чистим ваше общество от паразитов и глубоко неверующих людей. Не будь нас, количество лжесвидетелей, завистников, мужеложцев и убийц росло бы не в арифметической, а в геометрической прогрессии. Вспомните Содом и Гоморру. Господь не позволил нам работать в этих городах всего лишь сто лет, решив сделать показательный полигон для всего человечества. И что из этого вышло? Каждый житель стал нашим клиентом. Но не забывайте: попав к нам, душа обрекается на вечные муки, её перерождения не происходит. Это значит, люди не досчитались несколько десятков тысяч особей, которые могли бы развиваться дальше и когда-нибудь достичь уровня Христа. Эксперимент был нужен, чтобы обрисовать и полезность нашей миссии в том числе… Впрочем, если у вас имеется на это своя точка зрения, я не стану переубеждать. Возможно, просто не хватает информации, возможно, пережиток воспитания — вот что не даёт нам понять друг друга. — Регент между тем наполнил ещё раз рюмки, и остальным бесы тоже, как по команде, сделали это. Похоже, производственная дисциплина здесь всё-таки имелась.

Подняв стопочку за здоровье гостей и одним глотком выпив её, говоривший взял из вазы виноградину, и, посмаковав послевкусие, закусил.

— Возможно, вы удивитесь, если я скажу, что не вижу в вас врагов. Несмотря на погромы, которые вы произвели по всему филиалу. Более того, с вашей помощью излечилась одна из моих нежданных головных болей, и, я надеюсь, не последняя…

26

Регент отвернулся и заходил по залу, задумчиво перебирая жидкую бородёнку. Волосатые щёки в такт движениям подбородка то растягивались, обнажая смугловатую кожу, то сужались.

— Едва вы проникли на территорию филиала, за каждым вашим шагом стали следить уполномоченные мной агенты. Вы не могли их заметить, потому что настоящие профессионалы способны загримироваться даже под камень. Но, скажу сразу, цель наблюдений была весьма необычна. Мы не хотели останавливать вас, или, хуже того, уничтожать. Интерес представляли ваши боевые способности. Даже позволить воссоединиться душе многоуважаемой Оксаны с её телом — наша задумка. После которой две разрозненные силы образовали одну, ещё более функциональную и эффективную.

— Для чего же понадобилась вам эта сила? — спросил Савелий. Впрочем, он уже начал догадываться, куда клонил собеседник: весь их поход — хорошо продуманная инсценировка, и они уподобились марионеткам, которыми руководил могущественный кукловод.

— К сожалению, мы схожи с вами не только внешними проблемами, но и внутренними, — охотно пояснил собеседник. — У нас тоже имеются враги, причём такие страшные, что вам, людям, и не снились. Вы делаете оружие, чтобы уничтожать себе подобных, за нас этот вопрос решает природа. Она создала чудовищ, которые питаются бесами. Живут они ещё глубже под землей, в запечатанных нашими заклинаниями пространствах. Но в любой системе случаются сбои. Охранные замки иногда спадают, и чудовища проникают в ад, пожирая нас десятками и даже сотнями. Потом, насытившись, уползают, и мы снова совершаем ритуалы удержания. При этом проливается кровь, потому что только такой магией возможно запечатать лазейки.

— Что же делают ваши войска? — удивлённо спросил Савелий. — Встречались мы с ними, ребята не из робкого десятка.

— Никто не может справиться с червями, — развёл руками регент. — Их тело покрыто шипами, попав на которые, черти получают определённую дозу парализующего яда. Не умирают, но и не могут при этом шевелиться. Кроме того, яд выплескивается тварью из хвоста — целым потоком, от которого обездвиживаются десятки бойцов. Воины боятся червей больше, чем вашего ладана.

— Стало быть, напастей и здесь хватает, — подытожил Савелий, впрочем, не сказать, чтобы переживая по этому поводу.

— Именно так. Поэтому мы с особым любопытством наблюдали за вашим поединком с ведьмой Матрёной… точнее, с тем, во что она превратилась.

— Как же вы это делали? — удивился поп.

— Очень просто. Не думайте, что мы застряли в прошлом веке и лаптями щи хлебаем. — Регент усмехнулся, и, в который раз взмахнув рукой, вызвал на одной из стен появление белого полотна. Тотчас на нём возникли фигуры людей, и отобразилось течение битвы в реставрируемом зале. Всё шло беззвучно, что, впрочем, не помешало гостям снова пережить драматические моменты сражения.

— В огонёк, витающий под потолком, встроена миниатюрная видеокамера. Без особого волшебства, поскольку на его использование для себя у нас имеется строгий лимит, — снова пояснил регент. — Слаженность вашей команды произвела впечатление. Члены совета, — он повернулся к присутствующим бесам, дружно закивавшим головами, — в один голос выразили восхищение тем, как бесстрашно боролись вы со зверем, многократно превосходящим вас всех по габаритам и силе. Изобретательность — тоже одна из ваших сильных сторон. Несмотря на то, что колодец испорчен, и водой из него отравился целый взвод охраны, мы рады, что это помогло вам одолеть чудовище. Оставшиеся в живых рабочие-реставраторы шлют вам благодарственные послания.

— Как же это мы колодец-то испортили? — немного обиженно произнёс Никола. — Не плевали туда, дерьма, извините, не бросали…

— Вода после молебна для нас страшнее всего, что вы перечислили. Одной капли хватило бы, чтобы сделать колодец опасным для здоровья обычного беса. Вы же вылили целый чан. Представьте результат.

Кузнецу пришлось только развести руками.

— Но мы не в претензии, господа! — Регент вернулся к трону и уселся на него, положив ногу на ногу. То же самое проделали все два десятка чертей за столом. — Появление в пещерах необычного чудища с непонятной природой озаботило нас несказанно больше. И мы очень рады, что проблема эта разрешилась так быстро благодаря вам. В подобных случаях число жертв среди личного состава намного превышает нынешнее. Можно сказать, что мы дёшево отделались.

— Вышло всё случайно, — буркнул Никола. — Мы не собирались никого трогать. Бабка Матрёна сама виновата.

— Верно, — довольно потерев руки, произнёс регент. — Сама. Не предполагала, с кем связалась. Так вот, пользуясь

случаем, приношу свои самые искренние восхищение и благодарность. Прекрасно представляя, что цель вашего визита в преисподнюю — дети, спешу заверить, что те свободны и в данный момент разгуливают без всякого надзора где-то в районе второго яруса. Но! — Говоривший поднял палец правой руки, призывая к вниманию. И почудилось Савелию, что всё, что им говорится — лишь одна из комбинаций марионеточных нитей. — Дело обстоит не совсем так, как нам хотелось бы. Детишки оказались непоседливыми. Они не только раскапризничались и сбежали от нянек, но и способствовали освобождению из-под стражи грешников. Сейчас на нижнем ярусе беспорядки. Охрана пытается уладить дело, но недавно появилась ещё одна помеха. Тот самый червь, о котором я вам рассказывал. Он выбрался из колодца прямо посреди площади для тепловых процедур и успел там всё разрушить. Дети, надо сказать, тоже приложили к этому руку. Они весьма и весьма способны. Девочка прочла на стенах заклинания, о существовании которых все давно забыли, потому что утратили понимание древних языков. В результате печати оказались сорванными, червь обнаружил лаз и не преминул им воспользоваться. Чтобы яснее представить происходящее на втором ярусе, предлагаю посмотреть на экран.

После короткой команды рукой полотно снова осветилось, и стала видна картина погрома, которой могли бы позавидовать Оксана и её муж с Савелием.

В дыму догорающих костров валялись искорёженные обломки металлических посудин. Среди них прямо на каменном полу сидели, склонив головы, немногочисленные грешники. Они были растерянны и смотрели по сторонам, не зная, что делать. Но таких было меньшинство. Потому что остальные, вооружившись кто палками, кто кусками железа, отчаянно отбивались от наседавших на них толп охраны. Побоище развернулось на всей площади, охватить которую камера просто не могла из-за технического несовершенства. Впрочем, она имела возможность двигаться и менять фокусировку, что позволяло лучше рассмотреть ещё один участок беспорядков.

Там, недалеко от зияющей в полу дыры, резво двигалась мохнатая гусеница, унизанная телами бесов. Она напоминала паровоз с десятком вагонов — возможно, с некоторой натяжкой: такой же дым из ноздрей, такие же изгибы тела. Даже пассажиры на загривке… А впереди неё, за спинами удирающих во все лопатки чертей, высились две фигуры, в которых зрители узнали Степаниду Ивановну и Лешего.

— Бог ты мой! Степанида! — вскричал поп, подскочив на скамье.

— Да-да, эти двое очень героически удерживают червя. Но, похоже, он их основательно потрепал.

И тут Савелий, сам пройдоха хоть куда, почувствовал, куда дует ветер. Их склоняли к охоте ещё на одного монстра. Ненавязчиво, будто исподволь. Только выглядеть со стороны это должно как добровольное решение помочь товарищам. Вот так дипломатия! Выходило, что никаких благодарностей со стороны чертей им не полагалось. Те им просто не мешали играть в войну. Как маленьким детям, дорвавшимся до новой игрушки. К тому же недогадливым, что опять поднимало статус кукловода. Впору на него молиться!

Не понравился такой расклад Савелию. Конечно, русские бьются не за ордена и медали, но помогать неприятелю, рискуя своей головой, тоже глупо.

— Думаю, со своей бедой вы справитесь сами, господа хорошие! — поднимаясь из-за стола и делая знак спутникам, ответил поп. — Нам же пора. Заберём детишек с товарищами — и домой.

Может, это было и не дипломатично — даже спутники посмотрели на него удивлённо, зато попало не в бровь, а в глаз. Поморщился регент от такой прямоты. Без искусов действовал его собеседник, хотя чувствовались в нём ум и изворотливость. Впрочем, сейчас и сила была на его стороне, и другие обстоятельства тоже. Поэтому имел он полное право обойтись без дипломатии. А вот главному чёрту, как хозяину, следовало изменить такое решение любыми средствами. Потому что другой управы на червя найти невозможно. Сделана так природа бесов, что яд чудовища разит их наповал, и спасение от него только в бегстве. Но не успокоится гад до той поры, пока не насытится и не сделает запас на много месяцев вперёд.

— Я не сказал главного, господа! — несколько поспешно, а оттого и не так торжественно, как было задумано, провозгласил регент. — Хотим мы предложить вам работу — весьма трудную, но почётную.

— Не сложить ли свои головы просишь? — пробурчал кузнец. Этот вообще тактом не отличался. В другой раз фыркнул бы главный бес, да побоялся обидеть гостей.

— Разумеется, нет. Всего лишь одолеть червя, — расплылся в улыбке, и вышло это у него почти искренне. Только Савелия на мякине не провести. Сейчас весы склонялись на их сторону. Поддался басурман, заёрзал на троне. Ещё рывок — и скатится, как со снежной горы.

Но если вопрос возник и встал ребром, решать его предстояло без проволочек. Тем более что где-то там бились с

врагом Степанида и Леший.

— Значит, так, любезный хозяин. Мы околицами ходить не привыкли, вкруг да около тоже. Поэтому, пока тварь твою обратно в землю вгонять будем, приведи сюда детишек да приготовь договор с парой пустых строчек вместо условий. И про исполнение желаний постарайся не забыть. Посыльный твой знает, о чём речь идёт. — Савелий кивнул на адъютанта.

— Собственно, об этом я и хотел речь вести, — развёл руками регент. — Всё принимается к исполнению, господа.

— Как же нам попасть туда? — спросила Оксана, становясь рядом с мужем.

— Это организуем без проблем! На месте будете менее чем через пять минут. — Регент обратил лицо к помощнику: — Проводи гостей к лифту, Жулиус….

Люди двинулись за адъютантом, посматривая на экран, продолжающий показывать события с горячей точки. Ведьма с Лешим отступали перед надвигающейся громадой, не догадываясь, что помощь уже близка.

Найти лифт и вскочить в него заняло меньше минуты. Устройство спуска представляло из себя большую корзину, плетённую из лозы, дно которой для укрепления было обито ещё и досками. Всё это висело на канатах, перекинутых через зубчатые колеса. Точно такие же колеса, только меньшего размера, имелись на корзине. При необходимости их можно было застопорить или, наоборот, разблокировать. Что и сделал адъютант, вытащив железный клин. Корзина вздрогнула и медленно поползла вниз, скрипя давно не мазанными шестерёнками.

На несовершенство конструкции, впрочем, никто не обратил внимания. Мысли людей были заняты предстоящей битвой. Только поп, выразив общую мысль, витающую в воздухе, сказал:

— Выручать надо своих. Тяжело им, однако.

Шахта закончилась неожиданно быстро. Лифт замедлил движение, наткнувшись на тормозящие прокладки, и глухая стена сменилась проходом на второй ярус.

— Куда дальше? — спросил Савелий, закатывая рукава сутаны, словно намеревался сейчас же голыми руками задушить червя.

— Прямо, потом направо. Там увидите, — пояснил молодой бес.

— Уходи, не путайся под ногами, — посоветовал Никола. — Не баловаться идём. Зашибут ненароком.

И они двинулись в указанном направлении в одну шеренгу, плечом к плечу — в середине девушка, по краям суровые мужики.

Заробевший чёрт, тем не менее, крадучись последовал за ними.

В реальности площадь выглядела намного больше, чем на экране. Вероятно, камера непрерывно двигалась и компенсировала пространство. Противоположная сторона пещеры терялась в дыму. Особого шума не слышно — только возгласы и ругань дерущихся грешников да откровенный мат чертей, пытающихся их повязать. Лишь из одного угла временами доносился грохот металла о камень и короткие шипящие звуки. Похоже, червь резвился именно там.

Не обращая внимания на разборки местного уровня, поспешили гости на шум. Поле боя чем-то напоминало художественные картины о войне: разруха, всполохи огня, пожирающего остатки дровяных запасов возле изуродованных сковородок, масляные пятна на полу и точно такие же, но металлические, уже застывшие.

— Будто Алёшенька играл! — предположила Оксана, внимательно посматривая по сторонам: нет ли поблизости детей.

Гусеницу они увидели, пройдя ещё пару сотен метров. Она вдруг выползла из-за громадного камня — сама словно кусок нефтепровода — и, шелестя иглами, направилась к ним. Тридцатиметровая махина клокотала и похрипывала, извивалась и сотрясалась — ни дать, ни взять, гофрированный шланг. И по всему телу её лежали, будто приклеенные, многочисленные черти. Позы их напоминали упавших с девятого этажа — неестественные, с изуродованными конечностями.

Укрепилась в душе Николы тревога — где же мать его? Неужто и её сожрало чудище?

Но нет, вослед из-за камня появилась и Степанида с Лешим. Только шли они, едва ноги передвигая — усталые и оборванные. Женщина волочила за собой метлу, и сарафан её в нескольких местах был прожжён, а старик сжимал в руке дубину невиданных размеров, но опирался на неё вместо клюки. Впрочем, не от испуга бежала гусеница. Просто не видела в противостоянии с нежданным противником особого прока: ещё издали они показались ей невкусными. Было бы ради чего время терять. Потому, почувствовав сопротивление да рыкнув для острастки пару раз, повернула назад. Чертей здесь бегало ещё множество…

И вот поди ж ты, невезение какое: впереди точно такие же стоят — жестковатые и неаппетитные. Это как корове после сочной зелёной травы на солому двухгодичную переходить. Съесть, конечно, можно, только уж не больно хочется. И живот потом пучить начнёт. К тому же, выбор имеется!

Рявкнула тварь ещё раз — мол, уходите, подобру-поздорову. Одних уже потрепала основательно, язык на плечо повесили, вам

тоже достанется, если не отпрыгнёте. Паровоз — он либо вперёд по рельсам, либо назад, третьего не дано. Не будите в нём зверя…

Обрадовался кузнец, мать увидев, замахал ей рукой, а она ему предупреждение посылает: осторожнее, враг опасен. Кивнул Никола, успел подхватить, что под руку попало — блин сковородный, завернутый в трубочку, с длинной рукоятью, замахнулся — и жахнул приближающемуся червяку по зубастой морде. Основательный оказался удар — зубы брызнули в стороны, отвернул «паровоз» свои прожектора, притормозил даже… Но сразу такую махину не остановить. Пришлось Николе отпрыгивать назад да новый удар готовить.

Пожалуй, самый зловредный оказался противник у чудища. Никто ещё не лишал его клыков, Леший всё по макушке метил, где щетину вообще прошибить трудно, а этот — поди ж ты! — сразу полсотни вышиб. Правда, осталось ещё столько же… Со второго удара на десяток меньше сделалось: отвернул червь пасть вовремя, только краешком сковороды приладило. А потом плюнул какой-то пакостью с хвоста.

Почувствовал кузнец, что облепило его всего смолой тягучей, и запах ужасный вокруг распространяется. Как муха в паутине завозился, из жижи выбраться не может. Гусеница между тем на него двинулась, рот уже раскрыла, чтобы перемолоть да выплюнуть…

Не успела. Оксана волосы взъерошила, снова искры по ним пошли. А тут и с рук огонь с молнией пополам совался — прямо чудовищу в горловину. Неведомо, сколько зубов вывалилось на этот раз, да было проглочено вместе с рефлекторным глотанием, только рычание сразу перешло в рёв.

Мало кто мог обидеть червя вот так, безнаказанно… Поднялся он, голову задрал, будто на волне, а задняя часть, словно состав без тормозов, наезжает всё ближе.

И вдруг щуплая фигурка с деревянными обломками в руках перед тварью появилась. Нависла над ней тварь, вот-вот рухнет и раздавит, как букашку… Только обломки те вдруг сложились крестом — и окатило червя холодом могильным, почувствовал он, как смерть его плечи расправляет да ухмыляется злорадно. Непобедимый, неодолимый, вечный… А на поверку, простые деревянные колья убить могут, только сложи их соответственно да сотвори молитву.

И вместо того, чтобы упасть на смельчака, отвернуло чудовище голову и устремилось прочь, на свободное пространство. Убраться подобру-поздорову! Только совсем не в ту сторону, где разлом в половых плитах имелся. Попыталось оно скрыться с поля боя, но окончательно сбегать не собиралось,

потому как ещё не нагуляло жирок для сотни лет ожидания в подземельях. Что называется, проиграло битву, но не войну.

Пока освобождался кузнец из плена, отбрасывая клейкую массу кусками, мать его подоспела. Обняла, потом с Оксаной расцеловалась и с Савелием тоже.

— Дорогие вы мои! — проговорила, а у самой слеза наворачивается. — Как же мы давно не виделись!

Леший на правах родственника тоже потряс руку Николе и с удовольствием почувствовал, как крепко его пожатие.

— Силушку-то с толком использовал, я гляжу. — Пробасил и кивнул на свои рваные одежды: — По молодости ею легче управлять. У меня так ловко уже не получается.

— Благодарствую, — поклонился Никола: догадался, наконец, откуда сила появилась. — Без неё не видать бы мне Оксаны.

— Жена у тебя, право слово, боевая! — усмехнулся старик. — Видел я её в деле. Врагу не поздоровится.

Вспомнили они о черве разом и посмотрели в ту сторону, куда тот уполз. А его и след простыл. И виднелся в той стороне вход в отводной коридор.

— Отпустить его, разве? — спросил в размышлении поп. — Ведь если рассудить, не наша это война. Хотя строит бесовское отродье на этот счёт свои планы.

— Детей бы найти, — кивнул Никола, соглашаясь, и этот момент донёсся до них детский крик.

— Настя! — встрепенулась Оксана и принялась вертеть головой.

— Не иначе, она! — подтвердил кузнец.

— И сдаётся мне, из того коридорчика кричали, где мохнатый дьявол скрылся! — пробормотал Савелий, утирая подолом рясы выступивший на лбу пот.

Переглянулись взрослые — и поспешили за червяком. Знать, судьба их такая — лицом к лицу с ещё одной нечистью встретиться да силами помериться. Благо, стало их теперь больше, почти целое воинство.

Однако не получилось лицом к лицу: проход узкий оказался, и перед их глазами только толстый хвост чудовища да задница маячат. Из стороны в сторону качаются, иглами проход скребут, в самых узких местах полуживых чертей, нанизанных и парализованных, теряют. Падают те, а подняться не могут. Сколько ещё яд действовать будет, неведомо.

Спереди — и точно! — детские голоса слышатся. Узнал кузнец и Алешкин, крикнул:

— Сынок, держись! Мы идём следом!

Затихли там — верно, только сопят натужено. Тяжело малышам от такой громады ноги уносить. Смышлёность здесь не поможет. По всему выходило, в боковой проход, куда не протиснуться было бы гусенице, заскочить не догадываются.

Взревел кузнец, как раненый зверь, и бросился на брызгающий зеленью хвост…

27

И прилип, как кролик к Смоляному Чучелу. Связала его выделившаяся масса по рукам и ногам. Скребёт Николу чудище при движении боками по стенам, чуть голову не оторвало об уступ каменный. Помочь-то ему никто не может, потому как болтает кузнеца, как самолёт по воздушным ямам. Исхитрился Леший, ухватил за лодыжку, только и старика потащило следом. Не уцепишься!

Бабы ревут, но бегут. Оксане ни огнём пальнуть, ни молнию пустить: только своих покалечишь. Через несколько минут догадалась Степанида Ивановна, оседлала метлу, проявила ловкость полета, и, приблизившись к Лешему, крикнула:

— Хватайся!

Протянул тот свободную руку, уцепился за ореховый прут, и дала ведьма мысленную команду реверса. Силы в метле оказалось, хоть отбавляй. Недаром двух человек по воздуху несла — а один из них бугай, что твой шкаф. Заскрипела ветками, неровности в полу выискивая для дополнительной опоры, волшебную мощь включила, перешла на пониженную передачу да обороты подняла до максимума. Словом, гореть стала на работе. Прутики едва не обуглились, но дело сделали.

Растянуло вначале Лешего, будто таракана при препарировании: лицо разъехалось в горизонтальной плоскости, потом захрустели косточки и сухожилия. После ударная волна, как по железнодорожному составу, передалась кузнецу. Тот только охнул, сгруппировался — и брякнулся на каменный пол подобно мешку с навозом — пыль в разные стороны. Лежит, ни живой, ни мёртвый. Рад до смерти, что освободился. В один момент пыл бездумный у него улетучился. Подоспели тут женщины, стали сдирать остатки ядовитого клея. Слава Богу, что на человека он не действует. Целует его Оксана, а сама говорит:

— Уже не чаяла, что спасёшься!

Но вспомнил Никола о детях и поднялся, как ванька-встанька.

— Негоже, — отвечает, — нам на полу прохлаждаться, когда Настеньку с Алёшкой червь поганый в куски рвёт.

Снова бросились они в погоню. А тут и пещера как раз нарисовалась. Большая, от одного края до другого шагов, почитай, двести. И рассмотрели тогда взрослые, что там ребятня делает. Оказалось, держались они от чудовища на приличном расстоянии — чтобы не схватило оно их зубами и не настигло неожиданным плевком. А между ними витал в воздухе небольшой

чан, в котором, как потом выяснилось, прежде варили высокопоставленных чиновников — тех, за которых после их смерти было сказано словечко: или жертва принесена, или откупные производились. Для таких в аду и распорядок имелся особый. Маслица наливали больше, огонёк разжигали тише, так что вариться и париться было не пыльно и даже приятно, будто в баньке. К тому же, аромат от масла исходил привлекательный, не отхожим местом воняло. Так вот, заметив, что имеет гусеница до этой жидкости особый интерес, Алёша поднял один из чанов в воздух и понёс его немного позади себя.

— Мне кажется, она злая, — предположила тогда Настенька.

— Мне тоже, — согласился брат, озадаченно почесав затылок. — Черти от неё убегают, а бабушку оно чуть не съело.

Мысль у них была простая: увести чудище подальше, а самим вернуться к родителям. Потому что испугались они, увидев, как потрепало оно Степаниду и Лешего.

Слизывать масло с грязного пола было приятно, спору нет, но вылакать целый котел, не пролив ни капли — вообще райское наслаждение! К тому же сзади остались назойливые людишки, не дающие спокойно нагулять жирок. Поэтому и устремилась тварь за детьми, потому и скребла стены да потолок, торопясь точно наркоман за дозой.

Убедившись, что Настя и Алёша находятся на безопасном расстоянии, догоняющее ударили с тыла. Первым испытал силу своего нового креста Савелий.

— Я это давненько в фильме одном подсмотрел, — пояснял он потом, смакуя воспоминания о бое. — Про вампиров, кажется. Был там священник, так он умудрялся из берданки да осинового кола крест смастерить. И действовало, Божьей силой!

Соединив два куска дерева, внешне не имеющие никаких признаков святости, произнёс он молитву от души. Рванулась вослед гусеницы едва различимая волна, которая, попав ей под хвост, подкинуло многотонную громадину, будто вражеский вагон взрывом партизанской мины. Состав сошёл с рельс: чудище опрокинуло и поволокло боком по полу, дотащив до ближайшей стены. Правда, там оно попыталось повернуть голову, чтобы рассмотреть нападавших, но следом за святым ударом последовала вспышка огня. Молния рассекла воздух и вонзилась — ни много ни мало — прямо в шею твари, вызвав новый вопль и шумные вздохи.

Степанида Ивановна взяла метлу обеими руками и принялась махать, будто сор подметает. А поднялась в воздух не только пыль, но и камни мелкие да колючие. И метнулось всё к чудовищу, забивая глаза и нос, вызывая желание чихнуть.

Раскрыло оно челюсти, воздух в лёгкие набрало. Богатырский вышел бы чих. Только не дали Никола с Лешим — расстарались: полетели следом булыжники — каждый размером с валун. Попади такой в беса — мокрое место останется. Конечно, для червя тридцати метров в длину они больше напоминали комариные укусы, но пара всё-таки попала в повернутый рот и вышибла остатки зубов, сделав из грозной акульей пасти обычный механический пресс. Захлебнулось чудище собственной кровью, заревело и метнулось к детям. В той стороне её хотя бы не обижали.

И тут заметил Алёша в одной из углублённых ниш колодец. Откинутая крышка рядом лежала, а на огромном плакате был нарисован перечёркнутый череп с костями — и надпись: «Вода отравлена. Не пить!». Читать-то мальчик ещё не научился, но картинка ему понравилась, потому и приказал он чану с маслом лететь в ту сторону. А потом и вовсе в колодец опустил. С рёвом устремился червь за лакомством — разнёс бревенчатый сруб, потом каменное основание, скреплённое бетоном, и просунул голову в шахту. Ширина её немного не совпадала с толщиной самого червя, поэтому пришлось тому поднапрячься, вытянуться в струну, сгибать и даже ломать иглы. Впрочем, пробираться узкими лазейками было для него привычно. После сотни лет голода не раз приходилось отыскивать ходы, которые вели наверх, к пище, и не были запечатаны колдовством чертей.

Сделав над собой усилие и растянувшись в ленту длиной вдвое больше прежнего, червь, наконец, почувствовал, что может протиснуться дальше. Он сделал несколько движений, ощутив неприятное дуновение снизу. Но витающий возле самой воды чан по-прежнему манил его, тем более что деваться добыче стало некуда. Раскрыв беззубую пасть, червь решил засосать масло вместе с воздухом и сделал гигантский вдох, втянув заодно десяток вёдер воды.

На мгновение пришло осознание победы и предчувствие наслаждения — после чего сила невероятной мощности принялась разрывать червя изнутри, словно он только что проглотил открытый баллон с углекислым газом. Пена, выползающая изо рта непрерывным потоком, не дала совершить даже маленького вздоха, а потом переполненный желудок разорвался, точно бомба, выбросив из колодца вначале трепыхающийся хвост, а за ним и вонючие внутренности. Последнее, о чем подумала голова, падая в воду, была мысль, что здесь не так холодно, как обычно бывает в подземных источниках…

28

Радость от встречи переполнила Николу с Оксаной. Они обнимали детей, передавая их из рук в руки, и всё никак не могли поверить, что наконец-то собрались вместе.

— Мама, мы играли в арестантов и даже немного поплакали вначале, — призналась девочка. — Ты не будешь нас ругать?

— Нет, не буду, — ответила Оксана и сразу спросила по привычке: — А вы хорошо себя вели?

— Я разговаривала с Мигелей, Жаком, Робертом и ещё с другими. Потом Алёша выпустил нас из клетки, и мы погуляли между кострами. Дяденьки подрались с чертями, и нам это не понравилось. А когда появился червяк, мы пошли посмотреть, как он кушает, и сами захотели покушать. У тебя с собой нет пирожка?

Алёша был старше сестры, поэтому говорил степеннее и солиднее — совсем как взрослый.

— Папа, мастера у них плохие, они даже подпорки делают неправильные. Посмотрел бы ты, как падали сковородки! Я чуть со смеха не помер… А масло для жарки здесь вытапливают не из свиней, а из детей.

У них, несомненно, нашлось бы ещё о чём рассказать, только в этот момент из темного коридора появился адъютант, и, расплывшись в радостной улыбке, произнёс:

— Господин регент ожидает вашего возвращения в тронном зале. Не соизволите ли последовать за мной?

— Отчего же, — ответил, переглянувшись с остальными Савелий. — Сейчас можно и за стол сесть. Тем более что вовремя накормить детей, как я понял, здесь забыли…

Они шли уже без суеты: ведь основная задача выполнена. Кузнец с женой вели детей, бабушка оберегала тыл, а священник вёл дружескую беседу со старым Лешим. И, похоже, им нашлось, о чем поговорить.

В тронном зале черти встретили их стоя. Регент, просматривая видеозапись битвы, долго и пространно говорил о мужестве и отчаянной ловкости героев, изобретательности и природном уме детей. Но когда перешёл на рассуждения о дружбе и взаимовыручке двух народов, Савелий в мягкой форме попросил пропустить эту часть церемонии, а лучше посадить гостей за стол и продолжить в неофициальной обстановке.

Регента, впрочем, такой оборот дела не удивил. Собравшиеся отдали дань мастерству местных поваров, после чего Леший похлопывал попа по плечу почти по-родственному, а сам Савелий,

забывшись, едва не выпил на брудершафт с хозяином филиала. Потом, спохватившись, сказал весьма дружелюбно:

— И всё-таки, что ни говори, вы были и есть враги рода человеческого. Вот и обещанное выполнить забыли! С вами такого ожидай сплошь и рядом.

Степанида Ивановна, как женщина умная и рационально мыслящая, подсела в толпу чертей, и те ухаживали за ней напропалую. Впрочем, без всякого успеха, лишь из спортивного интереса, поскольку слух о тесной дружбе ведьмы и Лешего проник и в подземное царство. А со стариком, зная его крутой нрав, никто связываться не хотел.

Жулиус, самый молодой из присутствующих бесов, был прикреплён к Алёше и Настеньке, чтобы выполнять их малейшие прихоти. Только вместо этого он по своей жуликоватой натуре очень активно потчевал детишек фруктами, а потом попытался продать им тележку ананасов за смехотворную цену… Назвать её, правда, не успел: его публично уличили в алчности и прогнали с пира под осуждающие взгляды взрослых чертей.

К десерту регент призвал его снова, отдал распоряжение, и тот убежал выполнять. А вскоре в тронный зал ввели бедного Сигизмунда, закованного в цепи и имеющего очень плачевный вид. Одежда чёрта пообносилась, а на лице виднелись следы побоев.

— Тьфу, привела нелёгкая! — только и смог выругаться поп, но гостям охотно объяснили, что это арестант, который приговорён к десяти годам вытапливания жира без права обжалования приговора.

— Пользуясь терминологией вашего старого доброго УК — почти что «вышка», — пояснил регент торжественно. Видно, хотел угодить победителям.

— В чём же он провинился? — спросила Степанида Ивановна.

— Его действия повлекли за собой небывалые по своей тяжести последствия. Начнём с того, что материальная база филиала в значительной степени разрушена. Придётся заказывать новые котлы и сковороды, а строительные работы временно отложить. Восстановление общепита, казарм и мастерских тоже потребует средств. Сигизмунд не сумел просчитать последствия своих действий. Не ваша вина, господа, что пришлось спуститься сюда с мечом и огнём. Не виноваты и славные детишки, разбудившие дремавшего червя. Этого не произошло бы, если бы каждый член нашего общества работал в пределах допустимых норм и правил. К сожалению, подобное случается ещё нередко. Дисциплина у нас хромает. Но, пользуясь случаем, прошу прощения за всё, и уверяю, что мера пресечения, к которой

приговорён наказуемый, весьма сурова.

— А всё-таки жалко его, — пробормотала Степанида Ивановна, покачав головой. — Пропадёт там…

Сигизмунд заголосил было, призывая к милосердию, но регент сделал знак — и два дюжих охранника уволокли несчастного с глаз долой.

— Это мы представили вам только в качестве бонуса. Обещанное исполнение желаний не отменяется. Я прошу их придумать, а со своей стороны непременно постараюсь выполнить. Не ограничивайте своей фантазии. Дайте ей волю. Это может быть просьба о золоте, богатстве, благополучной судьбе, долгой и здоровой жизни… Что только душе угодно. Прошу! — И хозяин подземелья сделал театральный жест, явно сыграв на публику.

Впрочем, удивлять ему было некого. Детишки сразу запросились домой, у них особых просьб и не оказалось. Может быть, только отпустить к маме с папой Жака, Жана, Джона, Мигеля, Роберта и других маленьких пленников… (Улыбка не сошла с лица главного беса, но, похоже, удержать её стоило немалых усилий). Степанида Ивановна хитро улыбнулась и ответила, что сама может выполнить любое своё желание. Для этого нужно только в лес сходить… за травами, конечно! Леший просто скромно отмолчался: он не причислял себя к героям, и тем более не ждал особой награды. А вот Никола, посоветовавшись с женой и Савелием, неожиданно заявил:

— Ну, раз вы обещаете выполнить любое, хотим, чтобы в течение двух сотен лет не появлялось ноги вашей у нас в селе.

Регент поднял удивлённо брови, потом прокашлялся и произнёс хорошо поставленным голосом — дипломатично и убедительно:

— Весьма необычная просьба. Обещать двести лет я, пожалуй, не смогу, поскольку сами понимаете, срок не малый. У вас в стране за десять-то произошло столько всего, что разобраться до сих пор не можете. Поэтому со своей стороны предлагаю сто, но зато выпишу вам на это грамоту по всей форме. Если вы или ваши дети обнаружите нарушение, сообщайте, примем меры. Каналы связи тоже будут прописаны. По рукам?

Никола переглянулся со спутниками, крякнул в сердцах, и, махнув рукой, ответил:

— По рукам, если так.

29

В завершение осталось упомянуть совсем немногое. Возвращение героев в село произошло глубокой ночью, когда жители спокойно отдыхали после рабочего дня. Только какая-то баба, выйдя на двор по надобности, увидела вдруг яркий луч, бьющий от земли в низко спустившиеся облака, перекрестилась, вспомянув недобрым словом НЛО, и снова отправилась досматривать сны. Наутро же она разнесла слух об инопланетянах соседкам, а вскоре в районном центре стали поговаривать, что где-то летающая тарелка забрала на борт пять молодых девок, а вернула наутро дряхлых беременных старух, и те, мол, забыли даже, как говорить по-русски.

Никола с семьей отправился домой, вначале проводив отца Савелия до избы и передав большой привет Ларисе.

Эту ночь Леший впервые провёл под крышей людского дома. Его пригласила Степанида Ивановна, обставив дело так, будто любимую метлу забыла в аду, а других в доме не имелось. Впрочем, так это или нет, старик выяснять не стал. Лес-то его стоял рядом, рукой подать. Мог бы и пешком уйти, если приспичит. Но, видно, не захотелось разрушать создавшуюся идиллию. Спать на мягкой кровати с пружинами было в диковину, и наутро у него с непривычки болели бока. Весь другой день он деловито осматривал хозяйство Николы, не нашёл, к чему придраться, и признал, что недаром идёт о кузнеце слава, как о деловом мужике. К вечеру Степанида принесла ореховый черенок, берёзовых прутьев, и предложила старику отвезти его к берлоге следующей ночью.

— Если это никому не помешает, я задержался бы ещё на пару дней, — ответил Леший. Очень ему понравилось, когда прибежавшие в гости детишки — Алешка с Настенькой — обратились к нему, будто к деду. Что и говорить, в семье жить хоть и беспокойно, зато весело. Отправился он домой только спустя неделю, да и то своим ходом. А кто помешать вздумает? В лесу всякий куст ему дорогу укажет, любой зверь на спине отвезти не откажется.

Через несколько месяцев родила Лариса дочку, и дружили они с Оксаной семьями дружбой крепкой и надежной. Дети их гуляли вместе, и Алешка был для младшеньких главным защитником, а Настя им всем — ходячей энциклопедией.

Тайна деда Васюка так и осталась для жителей села нераскрытой. Только Никола с Савелием иногда захаживали в гости — поговорить да дела разные обсудить. Новостями Васюк

всегда любил огорошивать. Откуда только узнавал, прохвост?

Степанида Ивановна частенько, особенно летом, забирала внуков в райцентр, к родне, но так никто на селе и не догадывался, что гостят они у дедушки Лешего, которому пришлось для детишек копать под корнями сосны вторую комнату землянки: негоже взрослым и детям спать в одной. Печь делал своими руками, посмотрев, как устроена она в доме Николы. Много чего почерпнул у людей. Это в природе леших — хоть и кичатся своей силой да умом, а чужой опыт перенимать не гнушаются.

А черти своё обещание выполнили. Прошло десять лет, вернулся, наверно, Сигизмунд из мест не столь отдалённых, но так и не появился в их селе.

Так закончилась ещё одна повесть о кузнеце и жене его Оксане. К слову сказать, с той поры сделалась девушка ещё более привлекательной. Грудь у неё будто на размер выросла, а талия как была девичьей, так и осталась. То ли секрет какой узнала, то ли просто любовь её красила — никто не ведает. Словом, не баба, а модель! И дети её, особливо Настенька, обещала стать первою красавицей в районе. Парни, набравшись смелости, приезжали даже из отдалённых деревень, чтобы свести с ней знакомство. Ну, а кого она выбрала себе в мужья, это уже совсем другая история.